

**НАТАЛИЯ
ШИТОВА**

Кира Вайори

2016

Продолжение романа «Апрель». Кира честно пытается оборвать все связи с поверхностью: уютное жилище на изнанке, новый друг, спокойная размеренная жизнь... Но когда те, кого Кира любит, оказываются в опасности, она, не задумываясь, бросается на помощь, не представляя, чем это обернется на этот раз.

Наталия Шитова

Девчонка с изнанки 2

Кира Вайори

Затяжные новогодние каникулы напрягают только тех, кому есть, чем заняться на работе, или тех, кому не на что пить дома. У меня же жизнь в последнее время и так была сплошными каникулами, поэтому с наступлением января для меня ничего особенно не изменилось. Разве что в кухне на широком подоконнике поселилась искусственная ёлка со встроенными в шишки огоньками: подарок соседа Миши к празднику.

Ёлочка заметно украсила и оживила мою скучную кухню, вылизанную и слишком аскетичную. Я почти каждый день что-то стряпала, но обрастать утварью мне не хотелось, и я решила обойтись самым необходимым. Тем более, что много и не нужно было: больше, чем одного гостя разом, у меня не случалось, да и гости те были обычно одни и те же: либо брат, либо сосед.

— А добавки можно? — скромно спросил гость.

— Можно, Миша. Конечно, можно.

Я выложила из формы остатки запечённого лосося в тарелку соседа, а рыжий Миша наполнил бокалы вином и подмигнул:

— За юбилей!

— Какой? — удивилась я.

— Уже полгода, как ты здесь живёшь! — провозгласил Миша и поднял бокал.

— Вот прямо ровно полгода?

— У меня всё точно, я запомнил! — он потянулся с бокалом ко мне. — Давай за судьбу, которая привела тебя сюда!

— Ну, давай! — покорно согласилась я, хотя, будь моя воля, я бы воздержалась пить за обстоятельства, которые меня сюда привели. Но Михаилу было совершенно не обязательно это знать ни в подробностях, ни даже в общих чертах. Проще выпить за судьбу.

Вино Миша принёс хорошее. Он всегда приходил с хорошим вином. И всегда строго следовал моему капризу: я люблю белое и пью его даже под мясо, хоть это и не по правилам, а также под кашу и под пельмени. Ну а раз я его пригласила на лосося, тут уж бутылка рислинга напрашивалась сама собой.

Покушать Миша оказался не дурак. До Ская ему в этом отношении далеко, но едок он был благодарный, такой, что хозяйке всегда в радость. В начале знакомства я его подозревала в неискренности. Мне казалось, что он похвалит всё, что угодно, лишь бы ко мне подлизаться, но нет. Ему нравилось почти всё, что он у меня пробовал, а если что не нравилось, он не стеснялся сказать.

— Кира, а можно...

— Нет больше, — засмеялась я. — Ты всё доел.

— Да я не об этом, — неожиданно смутился Михаил. — Остаться у тебя можно сегодня?

Я задумалась. Хочу ли я сегодня, чтобы он остался? Сосед Миша был хороший, весёлый, безотказный. Правда, иногда слишком прост, но это и к лучшему, от сложных личностей я порядком устала. В постели Миша был ласков и старателен, но скучноват и предсказуем. Хотя, повеселиться и за другим занятием можно, а неожиданностей мне в жизни и так хватило. Поэтому, вспомнив, что в комодке ещё осталась пара презервативов, я кивнула:

— Оставайся.

Миша просиял и наполнил бокалы ещё раз.

— За нас!

— Хорошее дело, — одобрила я. — Почему бы и не за нас?

В конце концов, когда брат напутствовал меня перед отправкой в добровольное изгнание, он несколько раз повторил, что моя главная задача — постараться побольше плохого забыть и наладить свою жизнь. Понятно было, что номер этот дохлый, но попытаться стоило. Так почему бы и не с соседом Мишей? Симпатичный зеленоглазый и веснушчатый рыжик, чуть старше меня, с профессией, заработком и серьёзными намерениями.

Мы с Мишей соседствовали на одной лестничной площадке, стенка в стенку. Полгода назад я въехала в практически пустую квартиру. В комнате были только диван, огромный платяной шкаф и стол-книжка, а в кухне плита, холодильник и абсолютно пустые шкафчики. Всё, что мне было нужно, я купила за один раз в ИКЕА. Когда приехала доставка, и грузчики носили бесчисленные коробки, я заметила рыжего парня, который несколько раз выглядывал на площадку из соседней квартиры. Когда доставка уехала, он позвонил в мою дверь и предложил помощь: собрать, повесить, подвигать. Я подумала и согласилась. Миша оказался рукастым и расторопным. За выходные он сделал почти всё, не взял за помощь ни копейки, но прямо заявил, что если его позовут на ужин, то не откажется. Я пригласила его на ужин где-то посреди недели, и он пришёл с бутылкой красного вина. Мы её выпили, вино оказалось приятным, но я, как человек честный и прямой, сказала, что в следующий раз, а также и во все остальные, пусть приходит с белым вином, если, конечно, хочет мне угодить.

Он так и сделал, и в следующий раз, и во все остальные. Парень оказался ненапряжный. Да, он пытался расспрашивать меня обо всём на свете, снимал с меня анкету по всей форме, но, видя, что я не собираюсь с ним откровенничать, смирился. А как только он смирился и оставил мои тайны в покое, мне стало с ним легко. И через несколько недель после нашего первого ужина случился и наш первый завтрак. А ещё спустя немного времени я выслушала первое в жизни предложение выйти замуж.

Конечно же, я сразу отказалась под самым банальным предлогом: «мы слишком плохо друг друга знаем». Миша опечалился, но не обиделся, и всё продолжалось в том же духе. Частые ужины на моей кухне, и завтраки, случавшиеся куда реже. Михаил, видимо, решил взять меня измором и планомерной осадой.

— Ну вот, по последнему бокалу, — сказал он, разливая остатки. — За что выпьем?

— Даже не знаю.

— А я знаю. За самую красивую и самую таинственную девушку на свете, — улыбнулся он.

Мы выпили.

— Кира, выходи за меня.

— Ой, ну вот, ты опять норовишь всё испортить, — огорчилась я.

— Интересно, многие ли девушки считают, что предложение выйти замуж способно испортить вечер? — укоризненно спросил он.

— Без понятия. Я не из числа многих девушек.

— Вот уж точно, — вздохнул Миша. — И какую причину ты найдёшь для отказа в этот раз? Знаем мы друг друга уже довольно хорошо, разве нет?

— Долго — не значит хорошо, Миша.

— Ну, это не моя вина, — расстроено сказал он, нервно вращая бокал в пальцах,

которые тоже были в веснушках. — Конечно, как же я узнаю тебя лучше, если ты ничего о себе не рассказываешь? Хотя, если честно, мне неважно, что было у тебя в прошлом. Если ты предпочитаешь об этом молчать, пожалуйста. Я не настаиваю.

— Вот и не настаивай, — вздохнула я.

Миша задумался и всё-таки пустился в объяснения.

— Ты, наверняка, считаешь, что я просто из любопытства расспрашиваю? Или, того хуже, подозреваю в твоём прошлом что-то дурное? Да нет же! Просто если бы ты мне рассказала, это означало бы, что ты мне доверяешь!

— Но я не доверяю тебе, Мишенька.

Он аж побледнел от обиды, а веснушки, щедро покрывающие его лицо, наоборот, потемнели.

— Миша, ну что ты, не расстраивайся! — я поняла, что уже перегнула палку. Не стоило быть такой безжалостной с хорошим парнишкой. — Дело не в тебе, я вообще никому не доверяю!

— Ладно, — он тяжело вздохнул. — Я люблю эту Киру, которую вижу и знаю, мне всё равно, что там было раньше.

— Ты уверен, что любишь меня, а не мою стряпню?

Он угрюмо замолчал, совсем насупился.

Я протянула руку через стол, накрыл ладонью его пальцы:

— Извини, пожалуйста. Не хотела тебя обидеть.

Он покачал головой. Я встала, обошла стол, встала позади Миши и обняла за шею.

— У меня очень тяжёлый характер, Миш. Я работаю над собой, но, похоже, это бесполезно...

— У тебя замечательный характер! — возразил он запальчиво.

— Это точно, заметен издалека...

Миша фыркнул и безнадежно повесил голову. Я потрепала его густые рыжие вихры и чмокнула в висок.

— Так почему «нет», Кира?

— Только не обижайся опять, ладно? Как там говорят высоким слогом: моё сердце занято, Миша.

— У тебя есть другой? — вскинулся он. Апатии как не бывало.

— Всё очень сложно, — ответила я, возвращаясь на своё место.

— Вот тут как раз всё просто! — решительно отрезал Михаил. — Другой либо есть, либо его нет!

— Я люблю человека, с которым мы никогда не будем вместе. Вот как хочешь, так и считай, насколько это просто.

— А-а-а... ну-у-у... — он замялся, но было видно, что мой ответ его почти обрадовал. Видимо, вообразил, что если присутствие соперника на горизонте не предвидится, то в рассмотрении его можно не брать. — А почему вы не можете быть вместе?

— Потому что он не бросит женщину, с которой он сейчас, а смерти её я, скорее всего, не дождусь.

— Понятно, — нахмурился Миша. — Ладно, я заканчиваю расспросы, а то мы окончательно испортим вечер, а я этого не хочу...

— То есть, ты считаешь, что пока мы испортили его не окончательно?

— Нет, конечно.

— Только не обижайся, Миша, я думаю, что ты делаешь большую глупость, когда тратишь своё время на меня.

— Но ведь ты разрешила мне остаться? — уточнил он осторожно.

— Да.

— А почему?

— Тебе соврать?

— Нет, лучше правду.

— Секса хочется чаще, чем удаётся встретить большую и светлую любовь. После того, как это понимаешь, всё становится немного проще.

Некоторое время назад я бы сама в ответ на такую правду оскорбилась невероятно. А сейчас это была просто правда, какая есть, сермяжная, немного циничная, но абсолютно от всей души.

Михаил встал из-за стола и, не оглядываясь на меня, вышел из кухни. Я уже приготовилась, что следующим этапом будет хлопнувшая входная дверь. Но было тихо.

Никакого сожаления я не чувствовала. Наоборот, стало легко от того, что кое о чём я наконец-то сказала в лоб. Ничего хуже нет быть объектом чьих-то пустых надежд.

— Кира?

Я вздрогнула от неожиданности.

Миша вошёл и встал у меня за спиной.

— Тебе помочь убрать со стола? — неожиданно спросил он.

— Что тут убирать? — растерялась я. — Две тарелки, две вилки.

— Вот, давай, я их и помою, — он встал к мойке и пустил воду.

Я сложила ему всю грязную посуду и встала у окна, глядя на отражение в тёмном стекле. Миша старательно тёр тарелки губкой, намывая их, как на выставку. И мне вдруг стало обидно за него, словно не сама я, а кто-то другой весь вечер обижал хорошего парня.

— Давай телек посмотрим? — буднично предложил Миша, выключив воду.

Телевизор я не покупала, он мне вообще-то не нужен. Но Мишка приволок свой и поставил мне на сложенный стол-книжку, протянул из своей квартиры многоканальный кабель, смотри — не хочу!

Похоже, Миша продолжал свою тактику осады и измора. Предпочёл сделать вид, что он не задавал скользких вопросов и не получал неприятных ответов.

— А что там сейчас интересного, в том телеке? — мне так и хотелось треснуть самой себе по губам, чтобы не поддавалась, не подыгрывала Мише в этой нелепой игре в тихий семейный вечер.

— Там футбол, — с готовностью подхватил Миша. — Лучшие матчи английской премьер-лиги.

О, нет! Полтора часа смотреть, как колченогие мужики в трусах смачно сморкаются пальцем и бегают туда-сюда... Но я уже и так порядком обидела парня.

— Хорошо, давай посмотрим.

И ещё бы раз по губам, и ещё... Но видимо надо, чтобы меня кто-то другой проучил раз и навсегда, у самой кишка тонка.

Миша разложил диван, выкатив нижнюю часть вперёд, мы скинули в изголовье все большие и маленькие подушки, чтобы лежалось поудобнее, и забрались под рыхлый вязаный плед. Михаил деловито пощёлкал пультом, и по экрану забегали мужики в трусах. Я улеглась, положив голову на тёплое мужское плечо, пригрелась, и беготня на экране

постепенно стала успокаивающим броуновским движением. А может быть, и хорошо, что мой рыжий сосед такой настырный. Вот что бы я делала эти полгода без его внимания...

Время не лечит, это всё сказки в пользу бедных. Но время хорошо консервирует. Закатывает в баночку то, о чём невыносимо даже думать. День за днём его закаточная машинка крутится, и крышка на баночке становится всё более непроницаемой. Когда-нибудь она станет совершенно герметичной. Содержимое баночки помутнеет, и даже если внимательно рассматривать сквозь стекло, уже ничего толком не разберёшь.

До герметичности мне было ещё далеко, но машинка крутилась себе потихоньку, и я постепенно стала замечать, что вокруг меня что-то происходит, и это что-то не против моего присутствия, и оно на меня как-то реагирует. Значит и мне пришла пора как-то реагировать в ответ.

У каждого есть болевой порог не только физический, но и эмоциональный. Когда этот порог переходишь, в голову лезут неправильные и весьма радикальные мысли. У меня этот порог оказался за пределами высокий, но перемахнула я его в два счёта. В начале лета за считанные недели произошло столько разных событий, что неплохо было бы их как-то дозировать, а не вываливать на меня разом. Я нашла и чуть снова не потеряла брата. Я похоронила близкого человека, который любил меня, а я даже порвать с ним не сумела так, чтобы напоследок не сделать ему очень больно. Спустя много лет я снова встретила мужчину, которого любила с детства, но приняла решение отказаться от него, чтобы не создавать ему проблем.

Наконец, я узнала, что на самом деле я совсем не та, кем считала себя всю жизнь, да, собственно, и некоторые другие вокруг меня не очень-то те, кем я их считала.

После тяжёлого, странного и мучительного вечера, когда Марек в терракотовом мундире спас нас от ареста, у меня была ещё более тяжёлая и мучительная ночь, когда мы с Марексом сидели в доме на канале, в той самой спальне для горничной, которую я сделала своей. Брат рассказывал мне историю нашей матери. Рассказывал то, о чём двадцать пять лет назад среди гатрийских аристократов ходили слухи и грязные домыслы, но никто не знал точно, что произошло. Знал точно только отец Марека, лорд Вайори, потому что очень любил жену и полностью ей доверял.

Семья Вайори была счастливой. Такое даже у гатрийцев иногда случается. Молодой лорд Вайори получил хорошую перспективную должность в секретариате канцлера, а этот секретариат на поверхности — такое место, откуда открыта дорога всюду, и вширь, и ввысь. Дарен Вайори обжился в столице и перевёз из провинции жену и маленького сына Марека. Наша с Марексом мама была красавицей. Марек показал мне той ночью ещё несколько фотографий, что дал ему отец. Я только отдалённо на неё похожа: тоже шатенка, тоже темноглазая, в чертах есть что-то общее, но мне до матери далеко. Я — обыкновенная, а мама была очаровательна. Её хорошо приняли в обществе, появились знатные покровительницы, душевные подруги и поклонники. К несчастью, на маму положил глаз отпетый мерзавец, на совести которого было много сломанных женских судеб. Он был уже не юн, очень знатен и весьма влиятелен. Он добивался своего любыми средствами, а сопротивление только раззадоривало его и будило в нём всё самое грязное и дикое. После того, как мама несколько раз дала ему понять, что не собирается отвечать на его... это и ухаживаниями-то назвать было нельзя, самые настоящие домогательства, он рассвирепел и взял, что хотел, силой, воспользовавшись тем, что Дарена Вайори некоторое время не было ни в столице, ни вообще на поверхности. Мерзавец не особо заботился о последствиях,

только пригрозил, что, если Кира Вайори посмеет рассказать мужу, он позаботится, чтобы от рода Вайори ничего не осталось. И она очень долго молчала, чтобы не навлечь неприятностей на семью. Сразу же забрала сына и уехала обратно в поместье, оставив оскорблённого и ничего не понимающего мужа одного в столице. Рассказала она ему позже, когда скрыть беременность было уже нельзя. Слухи ползли самые мерзкие, поговаривали, что провинциальная красotka всего лишь потеряла голову в столичной круговерти и банально наставила мужу рога. Но Дарен Вайори оказался человеком чести, он не усомнился в словах жены. И спускать мерзавцу не собирался. Но прежде, чем воздавать справедливость, он принял решение спрятать семью на изнанке, где её никто не сможет отыскать. К тому времени Дарен Вайори уже был не последним человеком в тайной системе, поэтому он имел возможность обезопасить близких. Мама сама была очень сильным проводником и настояла, что переправит себя и сына без помощников. Лорд Вайори согласился, и это было ошибкой. Всё закончилось плохо: мама не перенесла нагрузки, которой потребовал от неё канал. Её тело с изнанки через пару дней переправили обратно домой, а к детям лорд Вайори попросил применить обычную схему прикрытия. И вскоре после того, как Марека и меня отдали усыновителям и затёрли окончательно наши следы, маминого обидчика постигла насильственная смерть, всколыхнувшая столицу своей демонстративной жестокостью. Следователи департамента безопасности перетряхнули гатрийскую империю, копали под каждого, кто мог иметь зуб на гада, но не смогли никому предъявить обвинение. Говорили, что Дарен Вайори был первым подозреваемым, но он отказался отвечать на допросах, вину отрицал, а никаких доказательств в пользу обвинения так и не нашли.

Той ночью я сама попросила брата рассказать правду, но, когда Марек всё это мне говорил, я слушала его и медленно умирала. Узнать, ко всему прочему, что я ещё и дочь насильника, это было уже перебором. Марек спросил меня тогда, хочу ли я знать, кто это был. Брат видел, что со мной происходит, и делал всё, чтобы смягчить удар. Подумав, я действительно поняла, что не хочу знать имя мерзавца. Если только этот человек не имел отношения к Йану и Шокеру, то я больше ничего не хочу знать. Марек искренне заверил, что семейство Клайар к трагедии с нашей мамой не причастно, и я просто сдалась: всё, хватит с меня информации.

За ту ночь я порядком измочалила Мареку нервы и извазюкала его своими соплями. Он в конце концов вынужден был прибегнуть к своему старому испытанному способу выведения из шока. Вдвоём с Ятисом они просто заставили меня напиться в стельку. Когда к вечеру следующего дня стелька смогла собрать мысли и связать два слова, то попросила брата, чтобы он немедленно отправил меня на изнанку и растворил где-нибудь в тамошней толпе, в каком-нибудь омуте, среди людей, которым не было бы до меня никакого дела.

Тогда у меня было намерение залечь на дно навсегда. Никакой поверхности, никаких каналов, никаких полётов. Всё, умерла — так умерла.

Марек долго ломал меня на другой вариант и уговорил. Он хотел, чтобы я осталась на плаву и не отрезала себе никаких путей. По его просьбе я провела на поверхности ещё неделю. За это время Марек привёз бумагу, подписанную его отцом и говорящую о том, что лорд Дарен Вайори признаёт меня, Киру Аксёнову, своей родной дочерью. И мне поставили новый чип — леди Кира Вайори. Опять же по настоянию Марата я заключила договор с курьерским департаментом о том, что не более трёх раз в месяц они имеют право обратиться ко мне с заказом, а я имею право назначить свою цену с учётом сложности. Департамент мог дозвониться до меня через гатрийские диспетчерские. Но никто не мог просто так

получить номер моего телефона или адрес, потому что стараниями Марека мне присвоили второй уровень допуска. Конечно же, меня могли бы найти ловцы, в хозяйстве которых обычно есть хорошее сканирующее оборудование. Но и тут мой брат постарался. Что уж он кому наговорил, каких высокопоставленных соратников напярк, это я, наверное, никогда не узнаю. Но мне поставили чип не прямо в мясо, а сначала имплантировали крошечный контейнер, из которого чип можно при необходимости просто на время вынуть, припрятать в изолирующий футляр, а потом вставить обратно.

Брат сделал практически невозможное. Он не только помог мне избежать участи беженки-нелегалки, он отправил меня на изнанку не просто под прикрытием, а под совершенно официальным железным прикрытием, дающим мне достаточно большую степень личной свободы и много пространства для манёвра.

Я получила в курьерском департаменте все необходимые документы, а всё остальное устроила себе сама. Нашла для себя спокойное место на окраине Питера — спокойное в том смысле, чтобы толпа незнакомого народа вокруг была побольше. Купила уже немного бывшую в употреблении, но вполне приличную однушку в новом многоэтажном и многолюдном районе. Встретила и впустила в свою жизнь симпатичного рыжего соседа. Несколько раз в месяц перевозила туда-сюда в каналах всяких знатных особ за большие деньги, а в остальное время экспериментировала с кулинарными шедеврами, бездельничала, иногда проводила ночи с Мишей, смотрела бессмысленные зрелища по телевизору и превращалась в покладистое беззлобное растение, не особо пока заинтересованное в жизни, но совершенно не желающее помирать. На поверхности я никогда не выходила с базы. Приводила людей, разворачивалась и тут же возвращалась на изнанку. Пыталась забыть дурное и наладить жизнь, всё в точности, как хотел для меня брат.

Иногда мне казалось, что у меня получается. Безделье меня не очень тяготило, да и редкие заказы совсем уж заскучать не давали. Зато наступило спокойное оцепенение. Где-то внутри время крутило свою закаточную машинку, и горе начало консервироваться, превращаясь в стойкую глухую печаль, с которой можно было договориться.

А когда вот так, вечером, под бормотание телевизора, которое я благополучно фильтровала до фонового уровня, рядом с живым тёплым парнем, который как-то ненормально снисходителен к моим тараканам... Тогда даже казалось, что вот именно об этом я и мечтала, когда ждала свой дембель.

— Кира, ты спишь, что ли? — забеспокоился Миша. — Устала? Так давай ложиться.

Когда я выбралась из душа, Миша уже всё сделал: выключил телевизор, расстелил постель, приоткрыл окно на микропроветривание — всё, как я люблю.

И было всё по высшему стандарту. Ключевое слово — стандарт. Мне даже удалось поиграть с собой в интересную игру «угадай, что сначала, что потом». Я угадала. А парень был, кажется, совершенно счастлив. Впрочем, нечего привередничать, мне тоже было хорошо.

* * *

Проснулись мы утром от звонка в дверь.

— Кому не спится в ночь глухую? — пробормотал Миша, повернувшись на другой бок.

— Какая ещё ночь, уже одиннадцатый час.

— Неужели? — удивился он и зевнул. — Ты кого-нибудь ждёшь?

— Нет.

— Давай, я открою?

— Ну, я сначала в глазок посмотрю. Может, и вовсе открывать не надо.

Я быстро натянула на себя махровый халат и пошла к двери.

На площадке стоял мужчина в зелёном стёганом пуховике с капюшоном. Линза глазка всё искажала, но со второго взгляда я всё-таки узнала брата.

Открыв дверь, я полезла обниматься.

— Привет, систер! Разбудил, что ли?

— Что ли... — кивнула я. — Как же я рада тебя видеть! Заходи!

— С новым годом! — улыбнулся Марек, закрывая за собой дверь.

Он скинул куртку и огромные грубые ботинки, вошёл за мной в комнату и с удивлением уставился на Михаила.

— Что ж ты не сказала, что не одна, — вздохнул Марат. — Ты кто, парень? Чьих будешь?

— Из-за стенки мы, — в тон ему отозвался Миша.

— Марек, пройдем на кухню, дадим человеку одеться.

На кухне я хоть смогла спокойно разглядеть брата. Он выглядел усталым, но каким-то умиротворённым, как после удачного завершения важного и трудного дела.

— Это кто? — кивнул Марек в комнату.

— Сосед по площадке.

— И по постели?

— Иногда, — кивнула я. — А что?

— Нет, ничего. Просто я ж раньше сколько ни заходил, на него не натыкался. Вот и уточняю, насколько он здесь случайно.

— Совершенно неслучайно.

— Ну и прекрасно, — улыбнулся брат. — Только рад за тебя.

В кухню вошёл немного смущённый Миша.

— Марек, это Михаил, — махнула я рукой. — Миша, это мой брат Марек. Или Марат, как тебе больше нравится. Ой, что-то одни «эм», так и заговариваться станешь...

Мужчины степенно пожали друг другу руки.

— Мне в магазин надо, а то у меня запасы кончились, — начала я. — Нечем вас кормить.

— Давай я схожу! — храбро вызвался Миша.

— Нет, я схожу сама. Мне немного нужно, донесу. Да и нет более жалкого зрелища в магазине, чем мужчина со списком... А ты на правах хозяина свари Мареку кофе.

— О-кей, — кивнул Миша. — А может, лучше пивка?

— А может, — усмехнулся Марат.

— Сейчас я к себе слетаю, у меня в холодильнике есть!

Миша убежал.

— Пиво прямо с утра? Молодцы, — проворчала я.

— Кому утро, а кто и с четырёх часов на ногах, — отмахнулся брат. — Мне уже можно.

Я быстро оделась, и когда Миша вернулся с целой упаковкой пивных банок, я уже была готова на выход.

— Миш, постель прибери, — распорядилась я напоследок и побежала к лифту.

Супермаркет был у меня почти что во дворе. Придомовая территория плавно переходила в огромную парковку, за которой как раз и находился магазин.

Я выскочила из подъезда и по морозцу поспешила к парковке. Машин было немного, поэтому я не стала обходить кругом, как следовало бы, а направилась прямо по диагонали, проходя между стоящими автомобилями и нацелившись на ближайший вход в магазин.

Не то, чтобы я не смотрела по сторонам. Смотрела, конечно и уже благополучно прошла почти весь путь. Но когда здоровый чёрный внедорожник из крайнего к магазину ряда рывком сдал задом прямо передо мной, я его вовремя не заметила. Он сбил меня с ног бампером.

Водитель выскочил уже через секунду и подбежал к правому заднему колесу, около которого я валялась, растянувшись на снегу, накатанном до ледяной корки

— Эй, пацан, ты живой? — раздался надо мной взволнованный и до боли знакомый голос с едва заметным гатрийским акцентом.

— Твою ж мать, Скай! Ты что, глаза дома забыл?!

Скай наклонился ко мне, тоже поскользнулся на ледяной корке и упал на четвереньки.

— Апрель, ты?! — изумился он.

— Вот какого чёрта, а?! — заорала я на него. — Куда ещё мне податься, чтобы держаться подальше от вас?! В Антарктиду?! Сдаётся мне, вы и там меня достанете!

— Да тихо ты, — растерялся он. — Вставай, давай я тебе помогу.

— Да уж справлюсь как-нибудь сама! — я отползла со льда и встала на ноги.

— Здравствуй, Апрель! — запоздало поздоровался Скай, поднявшись.

— Ага. С новым годом! — процедила я со злостью, отряхиваясь. — Ты что тут делаешь?

— А ты?

— Я тут живу рядом.

— А мы просто за покупками заехали, в первый попавшийся магазин. Сейчас Лис придёт... А, вот он.

Лис шёл от магазина, в руках он держал по паре огромных пакетов.

— Лис, смотри кого я чуть не задавил!

Елисей покосился на меня из-под лохматой шапки и отвёл глаза.

— Нашёл, чем хвастаться, — раздражённо буркнул он. — Лучше б задавил.

— Лис, ты чего? — опешил Скай.

— Ничего. Иди в машину.

— Но...

— Небо, иди в машину, я сказал!

Скай ругнулся и полез обратно за руль.

Елисей ткнул пальцем замок багажника, крышка поднялась, и Лис осторожно положил внутрь пакеты. Оставив багажник открытым, он, наконец, повернулся ко мне.

— Ну, что... леди? Намутила, а сама в кусты? — недобро усмехнулся он.

— Я замутила?

— Нет, я! — язвительно бросил Елисей. — Потыкала палкой в наш муравейник и слиняла в тихое тёплое место...

— Вот я и слиняла, чтобы больше не было соблазна тыкать.

— Кто ж тебя только надоумил? — внимательно глядя на меня, продолжал выговаривать Лис. Голос его просто сочился сарказмом. — Хотя я догадываюсь, кто.

Елисей чуть наклонился ко мне:

— По секрету, строго между нами, Апрель... Скай — мой друг, и я за него порву любого, но от правды никуда не денешься. Слушать Скай нельзя, особенно, если он пытается что-то сделать из лучших побуждений. Он настолько же глупец и простака, насколько его сестрица — хитрая зараза. Они ещё у своей матери в животе всё нацело расхватали: каждому досталось своё, никто ничем не поделился... Зачем ты Скай послушала?

— Разве он был неправ? Зачем лишний раз раздражать Лали?

— Эх, ты... — тяжело вздохнул Лис. — Да Лали всё равно, что вокруг делается. Она реагирует только на то, что происходит в её голове. А то, что в ней происходит, с реальностью вообще никак не связано... А ты исчезла, и не осталось в нашей компании ни одного вменяемого человека.

— Лис, что ты от меня хочешь?

— Теперь уже ничего, — раздражённо бросил он и полез во внутренний карман куртки за телефоном. — Да, Шокер!.. Да, застряли... Мы на парковке у магазина человека сбили.

Если первых слов Шокера я не разобрала, то вслед за признанием Лиса из динамика понеслась уже хорошо различимая для меня мать-перемать, вполне достойная гатрийского лорда.

— Да успокойся, командир, — страдальчески вздохнул Лис. — Нет, конечно, не насмерть, какая тут скорость-то... Что сразу «Скай»? Я был за рулём... Да, едем уже, едем... Минут через сорок тебя подберём, я думаю.

Он убрал телефон и резко захлопнул багажник.

— Зачем ты ему сказал?

— Ну, будет ему хоть тема на целый день повыёживаться, — буркнул Елисей. — Лучше послушать лекцию по дорожному движению и уголовному праву, чем он, как всегда, прикопается к чему ни попадя и будет из нас жилы тянуть на пустом месте.

— Только не говорите, что это была я.

Лис фыркнул:

— А вот об этом сейчас я буду Небу вдальбивать все сорок минут. Для того, чтобы он понял, почему ни с кем не нужно делиться радостью от неожиданной встречи... Ладно, Апрель, всё, поехали мы. А то командир нас вздёрнет. Счастливо тебе провести новогодние праздники, и всё такое... И привет мужу!

— Какому мужу? — обалдела я.

— Какому, какому... — проворчал Лис. — Не моему. Твоему, понятное дело.

Он махнул рукой и пошёл садиться в машину. Я осталась стоять. Машина завелась, попытала, а потом раздался резкий звук клаксона. Я поспешно посторонилась, и на этот раз Скай удивительно благополучно проскочил мимо.

Посещение магазина для меня прошло на автопилоте. Я покидала в корзинку всё, о чём смогла вспомнить, рассчиталась и побежала домой.

Дома меня ждала идиллия. Брат с соседом возлежали на диване с банками пива и с энтузиазмом учили кого-то в телевизоре, как бить штрафной. Вот такое ощущение, что они не час назад познакомились, а закадычные друзья много лет. Так спелись, что прямо жаль разлучать.

— Бро, а ну, иди-ка сюда. Бить буду.

Они озадаченно примолкли.

— Она может, кстати, — заметил Марек в ответ на удивлённый взгляд Миши, слез с дивана, не выпуская из рук пиво, и прошёл за мной на кухню.

— Дверь прикрой, — скомандовала я. — А ну, колись, кому и что ты про меня рассказал?

— Кому... что... рассказал? — растерянно протянул Марек и отхлебнул пиво. — О чём?

— Обо мне. Где я, что делаю?.. Кому рассказал?

— Ты что, систер? Ты в уме?! — у Марека даже рука с банкой затряслась. — Чтобы я... Ты думаешь, я собственной сестре буду прикрытие размывать? Ты что вообще?!

— Марек, а на кого мне думать?

— Так... — Марек отставил банку в сторону, подошёл и решительно взял меня за плечи. — Что стряслось?

— Сейчас на парковке меня сшиб бампером Скай.

— Какой Скай? Парень из группы Шокера? — Марек успокаивающе потрепал меня по спине. — Не волнуйся, это чистое совпадение.

— Нормальное совпадение, да? Вот нет больше в Питере супермаркетов, надо было Скаю с Лисом сюда припереться... А с чего они решили, что я замуж вышла?

— А они так решили? — удивился брат. — Очень странно.

— Кто, кроме тебя, мог им такое сказать?

— Кирюш, я с ними даже ни разу не разговаривал! Мне ни к чему, я им не приятель, они мне не подчинённые!

— А с кем ты разговаривал? Кто за полгода тебя обо мне спрашивал?

Марек тяжело вздохнул, припоминая:

— Шокер спрашивал. Два раза. Первый раз буквально сразу после того, как ты сюда перебралась. Спрашивал, как ты, какие у тебя планы. Я ответил, что ты решила уйти на изнанку, потому что тебе надо начать всё с чистого листа. Второй раз он по осени спрашивал. Как твои дела, не выбираешься ли ты на поверхность, какими каналами пользуешься. Я ответил, что у тебя всё хорошо, ну и не стал ничего говорить про твой контракт с департаментом, сказал, что на поверхность ты принципиально не выходишь.

— Ну, тогда напрягись и вспомни, что ты ляпнул про замужество.

— Да ничего я не ляпал!.. — возмутился Марек и осёкся. — А, да, точно... Шокер потом посетовал, почему же ты так всё резко порвала. Я, честно говоря, разозлился на него и рывкнул, что ты на поверхности ничего не забыла, и вообще девчонке замуж выходить, поэтому старое беречь ни к чему. Я имел в виду... кхм... стратегические планы на жизнь, так сказать. Если он понял буквально, я не виноват... Или виноват? А, систер?

— Нет, бро, ты ни при чём, — я обняла его и поцеловала в щёку. — Ладно, что ж теперь... Хорошо, что меня увидели Скай и Лис, всё-таки свои люди. Хуже, если бы это оказался, например, Альдон.

— Вот не поминай чёрта, — нахмурился Марат и снова взял банку с пивом. — Ну, я пойду, матч ещё идёт...

Он пошёл к двери, взялся за ручку и обернулся:

— Кстати, он мне нравится.

— Кто?

— Михаил.

— Нравится — женись, — фыркнула я.

— Нет, я серьёзно. Я тебе, как старший брат, плохого не посоветую. Спешить, конечно, ни к чему, но ты к нему присмотришься. Хороший парень.

— Конечно, хороший. Будет тебе с кем пивка дерябнуть и футбол посмотреть. Вот я и

говорю, нравится — женись.

— Кирюш...

Я повернулась и взглянула брату в лицо.

— Марат, я не представляю пока, какой нормальный парень, даже неважно, хороший или не очень, способен будет переварить правду обо мне, о поверхности и о каналах.

— Надо проверить, — пожал плечами Марек. — Только так и узнаешь. А если этот рыжий ещё и переварит, хватай его, не задумываясь.

— Отстань, бро. Ты очень далеко заглядываешь. Пока он считает меня проводником на железной дороге.

Марек аж пивом захлебнулся:

— Тебя?!.. На железной дороге?!.. Господи, он хоть ездил разок в поездах-то? Проводниц видал когда-нибудь? Где ты и где железная дорога?!

— Ну, не знаю. Вслух не сомневается. Я сказала, будто бы я раньше работала там постоянно, а сейчас меня иногда вызывают на замену... Да и не нужно мне сейчас никого хватать, мне и так нормально. Ты ещё будешь за меня строить мою жизнь! Не вздумай!

— Я понимаю, что ты всё ещё скучаешь по Йану...

— Бро, ты ничего не понимаешь! — оборвала я его. — Иди смотри футбол. Не мешай мне, буду вам обед готовить.

Тут дверь в кухню толкнули с той стороны, и в щель просунулась рыжая голова.

— Ребята, вы тут в порядке? Кто-то кого-то бить собирался, а тишина...

— Я передумала.

Марат задумчиво посмотрел на Мишу, потом на меня и проговорил:

— Миш, а если бы тебе сказали, что Кира — не от мира сего, а совсем из другого измерения, вот что бы ты подумал?

Михаил похлопал глазами и выдал:

— Это, пожалуй, многое объяснило бы.

— Во, слышала? — Марат подмигнул мне. — Ладно, ты, Миш, иди, я сейчас приду, досмотрим...

Михаил ушёл в комнату.

Марек опять отставил банку на стол и подошёл ко мне.

— Систер, ты извини меня за этот небольшой балаган...

— И?

— Я ведь вообще-то зачем пришёл сегодня... Ну, кроме того, чтобы повидаться...

Я резко повернулась к нему:

— Зачем?

Марат смотрел на меня настолько серьёзно, что у меня сердце скользнуло куда-то вниз.

— Что, Марек? Что случилось?

— Проблема у меня. В нашей цепочке большая проблема. Взяли двух наших постоянных проводников...

— Как взяли?!

— Альдон докопался. Не знаю, как. Обоих взяли на поверхности, в городе. Слава Богу, далеко от базы. База не засвечена, но проводники... — Марат вздохнул. — Боюсь, конец им.

— Не вытащить?

— Пытаемся. Там свои сложности есть. Этим занимаются люди, куда более влиятельные, чем я... А у меня лично проблема в том, что не осталось проводников на

старом канале. Все доверенные проводники работают на новом тайном канале Йери — Стокгольм, и снимать их оттуда нельзя, там... — Марек замялся. Видимо, не мог до конца открыть это даже мне. — ... в общем, большие дела там. А по старому каналу я сегодня ночью сам людей провёл. Полную вагонетку набил, семь пассажиров...

— С ума сошёл? — ужаснулась я.

— Не забывай, у меня максимальный индекс.

— У меня тоже, но Йан мне даже четверых брать запрещал.

— Он берёт тебя и правильно делал. Ну а мне кто ж запретит? — усмехнулся Марек. —

Да ничего, нормально справился. Так, сердечко попрыгало, да и успокоилось. А вот Шокеру пару ночей не спать точно с таким объёмом работы... Вечером сегодня обратно вернусь, завтра на совещании у канцлера надо быть. Мне не разорваться, как бы ни старался... Поможешь, систер?

Марат не заискивал и даже не просил. Всего лишь спрашивал.

— Конечно, помогу.

— Чувствую себя глупо. Сам уговаривал тебя жить нормальной жизнью...

Я закрыла ему рот ладонью.

— Хватит, Марек! Ну а кого тебе ещё просить? На что ещё нужна сестра?

— Сестра нужна просто, чтобы у меня быть, — отозвался он. — Поэтому я прошу тебя: будь очень внимательной и осторожной. Наши проводники были ребята опытные, но, возможно, расслабились и потеряли бдительность. Ты отличный проводник, но в конспирации новичок. Работать на тайную систему — это не совсем то же самое, что работать на курьерский департамент...

— Я знаю. Не волнуйся, я взрослая девочка... Что я должна сделать?

— На днях с тобой свяжутся и вызовут на базу. Я попрошу, чтобы за тобой приехали. Уйдёшь на поверхность, возьмёшь там людей, приведёшь сюда. Ну, в принципе, то же, что ты уже делала для родни Йана... Чип перед полётом вытащи. Ни в коем случае не выходи с базы! Не поднимайся на поверхность! Не хватало ещё, чтобы тебя обнаружили в нелегальном поле. И больше двух человек за один полёт не брать! Узнаю, что не послушалась — никогда в жизни ни о чём не попрошу, лучше буду сам по семь человек таскать...

— Хорошо, я всё сделаю, как скажешь.

— Только... — Марек неловко покашлял. — Это будет бесплатно.

— Бро, о чём ты говоришь?!

— Обычно мы стараемся платить. Но, к сожалению, сейчас мы очень стеснены в средствах. Наши спонсоры в последнее время осторожничают. Все собранные деньги пускаем на содержание оборудования и персонала баз. Шокер уже третий месяц кормит двадцать человек на свои средства. Отец с семейных предприятий Вайори постоянно отчисляет на ремонт оборудования. На проводников не хватает.

— Не нужно мне платить! — возмутилась я. — Можно подумать, я в чём-то нуждаюсь!

— Ты не обязана делать одолжение...

— Марек, тебе нужна помощь, и это в моих силах. Ну, какие тут ещё могут быть счёты?

— Чувствую себя манипулятором.

— Ты себе льстишь, — вздохнула я. — Наверное, не видел ты настоящих манипуляторов.

— Прости меня, систер.

— Лорд Марек Вайори! Заткнись, а? Пока и правда не врезала...

Марат грустно улыбнулся, забрал пиво и ушёл в комнату.

На секретную базу меня вызвали нескоро, прошла почти неделя. Действительно позвонили на новую симку, оставленную мне Марексом, и попросили быть готовой к назначенному часу, рано утром. Приехал незнакомый парень на нестарой, но битой «Тойоте», и ни в какую не захотел ни о чём со мной разговаривать. Просто вёз.

Ехали долго, почти до самого Приозерска. Это меня совершенно не удивило. Скальный район, ущелья, каньоны. Я приблизительно помнила карту каналов. Они тут были, некоторые очень старые и замусоренные. Но, видимо, есть и вполне пригодные к использованию, вокруг русла Вуоксы таких много.

Уже под вечер водитель привёз меня на турбазу, стоящую в лесу в паре километров от неширокой трассы местного значения. Несколько домиков, утопающих в снегу по самую крышу. Укатанная грузовиками дорога от шоссе по грунтовке к воротам турбазы и далее до самой избушки с вывеской «Дирекция». Эта избушка была единственным строением, над которым вился дымок.

Мы с водителем вылезли из машины, и он молча указал на дверь.

Внутри за стойкой скучал средних лет мужичок в меховом жилете и валенках. На меня он уставился с подозрением.

— Это с тобой? — уточнил он на всякий случай у водителя. — Хорошо.

Водитель провёл меня в соседнюю комнату, которая оказалась совершенно пустой, но посередине в полу зиял большой прямоугольный лаз, а вниз уходили деревянные ступени. Водитель молча махнул рукой: полезай, мол.

Я стала спускаться. Лестница оказалась недлинной, мы спустились всего-то метров на пять и оказались в тёмном и холодном погребе с бетонными стенами и парой лампочек над железной дверью.

Я открыла и эту дверь.

Вниз вёл не лифт, а неудобная и крутая металлическая винтовая лестница, подсвеченная тусклыми голубоватыми светильниками на стенах колодца. Спускаться надо было долго. Водитель, привёзший меня, медленно шёл позади, не торопил. Наконец, лестница закончилась. Короткий коридорчик и дверь в конце. Я открыла дверь и... это было то, чего я ждала.

Это была та самая база. Моя малая родина. А куда ещё могли меня привезти, ведь тайная база для гатрийских беглецов была в окрестностях Питера точно одна.

Огромный зал, вырубленный в скале. Он ничуть не изменился, только прожекторов теперь горело намного меньше. Зал был погружён в полумрак.

— Я доложу начальнику. Подождите здесь, — хмуро велел мне водитель и ушёл куда-то в сторону, в темноту под лестницей, ведущей к верхним ярусам.

Я осмотрелась. Народу вокруг было немного, но все заняты, празднично никто не шатался.

Недалеко от входа были настежь открыты дверцы какого-то электрощита, перед ним сидел, скрестив ноги по-турецки, мужчина и гипнотизировал содержимое взглядом, изредка поднимал руку, что-то переключал внутри и снова застывал.

Чуть в стороне на освещённом пятачке стояло нечто вроде огромного ящика. Из многочисленных отверстий во всех стенках клубились провода с клеммами на концах. Перед ящиком прямо на полу спиной ко мне сидел худенький паренёк в футболке и камуфляжных

шпанах с кучей карманов. Бейсболка на его голове была надета задом наперёд. Мальчишка брал в руки каждый провод по очереди, подносил клемму к глазам, вчитывался, прикладывал к разъёмам небольшого устройства, стоящего у него в ногах, смотрел на индикаторы и записывал результат в табличку, разлинованную на листе.

Я простояла на месте минут десять, за это время ничего не произошло, только мальчишка успел проверить с полсотни проводов. Наконец, он, видимо, устал, лениво прогнулся, разминая спину, медленно встал на ноги и сдёрнул бейсболку с головы. Длинные волосы волной упали на спину... Девчонка развернулась. Это была Валея. Помотав гривой и сунув бейсболку в задний карман, она медленно прошла вперёд и свернула за угол под лестницу у противоположного конца стены.

Так как никто не появлялся, я подошла к мужчине у электрощита.

— Как мне найти Шокера?

— Или он на втором ярусе — вон там, — не глядя на меня и не поворачиваясь, мужчина махнул рукой себе за спину. — Или где-то шляется.

«Второй ярус вон там» — это было помещение, в котором мы с Марексом, по его словам, некоторое время жили перед тем, как нас отдали усыновителям. И окно в нём было непроглядно тёмным. Значит, Шокер где-то шлялся.

— А Лис где? Скай?

Мужчина, наконец, оторвался от щитка и посмотрел на меня в упор:

— А ты кто, девочка?

— Проводник я.

— А-а-а. Там посмотри, — он махнул рукой туда, куда ушла Валея. — Только вот, возьми...

Он подал мне фонарь, похожий с виду на небольшую дубину.

— Подсвечивай себе, где темно. Электричество экономим, так в углах кое-где и шею сломать недолго в темноте.

Взяв фонарь, я пошла искать Валею. За углом, где она скрылась, и куда уходила лестница, была темень, но там в темноте кто-то был. Ещё толком не завернув за угол, я услышала шуршание и шёпот и притормозила, прислушиваясь. Кто-то что-то тихонечко бубнил. Потом раздался тоненький смешок. Снова шёпот и опять смешок. Потом всё стихло, а затем чмокнуло. И ещё раз. Под лестницей шептались и целовались. Потом раздался нетерпеливый и сладкий девичий стон.

Я включила фонарь, вдохнула-выдохнула, и решительно, будто бы и не притормаживала вовсе, завернула за угол и рванула вперёд, направляя фонарь прямо перед собой. Мощный луч света упёрся в парочку, забившуюся под металлическую лестницу.

Я нагрянула в самый подходящий момент, когда от поцелуев они готовились перейти к более решительным действиям. Валея пискнула и метнулась в сторону, одёргивая футболку и застёгивая брюки. Оцепеневший Скай уставился на меня, как кролик на удава.

— Апрель... привет... — пролепетал он и побледнел.

— Ну, вы даёте, — только и смогла я сказать.

— Ты... Ты всё не так поняла!

— А как надо было понять?

— Это не то, о чём ты подумала!

— Зато это то самое, что я увидела. А подумала я, что ты редкостный идиот!

Скай торопливо облизнул губы, собрался что-то сказать, но Валея вдруг решительно

рванулась вперёд и встала между нами.

— Апрель, пожалуйста! — сказала она. — Пусть он уйдёт, хорошо?

Она обернулась к Скаю и обняла его.

— Иди отсюда, быстро! Успокойся и иди! Всё будет в порядке.

— Но, Валя...

— Иди, иди давай! — она подтолкнула его, и Скай, нервно оглядываясь, пошёл прочь.

Я чуть отвела в сторону фонарь, чтобы не светить девочке в лицо.

— Апрель, пожалуйста, не надо никому ничего говорить, — сказала Валея. — Я сама всё расскажу папе, но не сейчас. Сейчас ему нельзя ничего такого знать.

— А, может быть, всё-таки это тебе сейчас нельзя ничего такого делать?

Она нахмурилась и воскликнула:

— Мне уже шестнадцать! По гатрийским обычаям это брачный возраст! Я не собираюсь ни у кого спрашивать, можно или нельзя!

— Я знаю гатрийские обычаи. Но ты сейчас на изнанке, и здесь ты несовершеннолетняя...

— Нет, я и здешние законы почитала! Мне шестнадцать, и я люблю Ская. Никто не имеет права нам мешать! Я могу сама выбирать, с кем быть!

— Да, но не за спиной у отца!

Она тяжело вздохнула:

— Что бы ни сказал папа, это ничего не изменит.

— О, как я хорошо представляю, что скажет твой папа! Даже мне страшно.

Валея укоризненно посмотрела мне в лицо.

— Вот поэтому я и прошу: не говори ему ничего, пожалуйста!

— Валя, но Скай тебя вдвое старше!

— Нет, не вдвое, — строго возразила Валея. — Только на тринадцать лет.

— Да уж, это круто меняет дело, — я только представила на секунду реакцию Шокера, и у меня поджилки затряслись. — Валя, что же вы наделали?..

— Я люблю его! Разве ты не знаешь, что это такое?

— Твой отец не согласится, чтобы Скай на тебе женился.

— А я и не собираюсь замуж! — спокойно отозвалась девочка. — Зачем? Выйти замуж, чтобы жизнь закончилась? Я останусь с папой. От меня будет польза. Я не дурочка, я быстро всему учусь. Меня Лис учит с электричеством работать, а Скай драться и стрелять научил. А сейчас надо будет папе с малышом помогать, я тоже быстро научусь. Я просто буду всё время рядом с ними. И вместе со Скаем. Никто ничего не изменит, потому что я так решила.

— И давно вы... по тёмным углам ныкаетесь?

Она опустила глаза и не ответила.

— Валя, если я вас застукала, то и ещё кто-нибудь застукает. Обязательно. И твой отец Ская кастрирует. Это как минимум. Подумай об этом... Либо прекратите это, совсем! Либо расскажите. Потому что, если всё откроется в неподходящий момент... Всё, пока, мне пора.

Я вышла из тёмного угла и погасила фонарь.

Окно на втором ярусе уже было освещено, и даже издалека было видно, как Шокер с телефоном у уха ходит туда-сюда по комнате. Я направилась к лестнице. По пути я заметила Ская, который, согнувшись, сидел на небольшой катушке с кабелем. Ничего, пусть подумают оба. Желательно головой. Бедный Шокер...

Я взбежала по лестнице на второй ярус и открыла дверь. Нынче это помещение не было

жилым, просто обыкновенный, довольно убогий кабинет, ещё более обезличенный, чем комнатка в деревне под Питером.

— ... Ничего не знаю и знать не хочу! — с раздражением заявил кому-то Шокер, не поворачиваясь к двери. — Сейчас Нарратор прислал кого-то. Пока проводник туда-сюда обернётся, время ещё есть. Я не знаю, всё ли готово у Нарратора, может быть, и пара дней пройдёт... Остаётся ждать. А ты работай, деваться некуда, я тебе времени больше всё равно не дам! Работы будет только прибавляться... Да, Спайк, нам сложнее. Мы с тобой за интерес работаем. Когда у тебя интерес пройдёт, лучше скажи сразу, тогда буду думать, как быть дальше. Всё, звони Елисею, если что!

Шокер убрал телефон в карман кожаной куртки и обернулся к двери.

Две секунды он смотрел на меня, как на пустое место, потом расплылся в такой счастливой лучезарной улыбке, что, как я ни обещала себе быть сдержанной, мои губы совершенно произвольно растянулись в ответной улыбке.

— Как же я хотел тебя увидеть!.. — проговорил он, поспешно подошёл, осторожно обнял и слегка прижал к себе.

Он замер и зашептал что-то на древнегатрийском, еле слышно, почти неразборчиво. Через полминуты он замолчал, отстранил меня и снова с улыбкой взгляделся:

— Как ты?

— Да нормально, — неуверенно отозвалась я. — Что ты такое говорил только что?

— А, это? Это молитва.

— Что?

— Древняя благодарственная молитва. Не обращай внимания... — он завертелся на месте, схватил из-под стола круглый трёхногий табурет и поставил передо мной. — Садись!

— Шокер, ты в порядке? — уточнила я.

— Да, конечно, — вздохнул он. — Просто очень рад. Мало поводов для радости в последнее время, но это просто железный повод. Ты садись, садись...

Я осторожно села на табурет, Шокер присел на край столешницы.

— Значит, Нарратору пришлось тебя побеспокоить, — Шокер сокрушённо покачал головой. — Очень он не хотел это делать. Долго старался сам со всем справиться...

— То есть? Разве проблема возникла не сейчас?

— Нет, ещё осенью. Нарратор сам людей водил в последнее время. Довольно часто.

— Вот скотина бро... — расстроилась я. — Ну каждый раз он меня норовит за нос поводить, да что ж за дела?!

— Он очень радовался, что у тебя всё хорошо. Не хотел тебя втягивать, до последнего.

— Ох, получит он!.. — разозлилась я.

— Не надо, — Шокер взял мой стиснутый кулак в свою ладонь, разжал его и принялся осторожно поглаживать пальцы, не давая им снова сжаться. — Не сердись. Он просто хороший брат... Расскажи, как ты? Освоилась?

— Где?

Он улыбнулся:

— Ну как где? В мирной жизни... Как дела? Как в семье?

— Да нормально всё... — машинально ответила я, плохо соображая, что говорю. — А вы тут как? Ты тоже освоился?

Шокер пожал плечами:

— Да мне-то что?.. У Нарратора тут так всё было отлажено, что моя задача была

принять и не развалить. Справился, кажется.

Он опять улыбнулся, глядя на меня. Несмотря на эти частые улыбки и спокойный голос, я видела, что он сильно измотан, глаза покрасневшие, запавшие, глубокие морщинки в уголках.

— Устаёшь?

Он развёл руками:

— Наверное, да. Но привык уже, особо не замечаю.

— Как Лали?

— Ничего. Могло быть и хуже, — уклончиво отозвался он, отводя взгляд.

— Скоро ей?

— Может, сегодня. Может, завтра. А то и через неделю... Я хотел было её на поверхность отправить. Думал, может дома ей лучше будет. Но потом понял: нельзя её вообще от себя отпускать, до беды недалеко.

— Ей же в хорошую клинику надо, с её-то здоровьем.

Шокер кивнул:

— Я знаю. Всё уже устроено. Здесь ведь есть гатрийские госпитали, только попасть туда сложно. Но Нарратор всё уладил через свои связи, нас ждут. Сегодня вечером хочу её отвезти, и сам с ней останусь. Лис меня здесь подменит, на него можно всё оставить, он справится.

Он замолчал и о чём-то крепко задумался.

— Андрюша, всё хорошо будет, — я погладила его плечо.

Он покивал:

— Конечно. Конечно, хорошо... — помолчал и добавил. — С моим-то везением по жизни...

— Боишься?

— Угу, — промычал он, склонив голову.

— Мне Йан говорил, что нельзя дурные мысли лелеять. Гнать их надо.

— Мне он тоже это говорил, когда моя жена сутки в реанимации умирала... — в отчаянии бросил Шокер и умолк.

— А... Шокер... — я в панике соображала, что предпринять. — А я тут вроде Валек заметила? Правильно? Или я обозналась?

Он вскинул голову:

— Нет, не обозналась. Здесь она, — он даже чуть улыбнулся. — Я её сначала хотел домой отправить, с Ритой вместе. Тем более, Рита очень просила. Но не смог. Как представил, что я буду тут практически безвылазно, а Валея там... Не смог отпустить. Знаешь, она говорит, что и сама не хочет уходить. Наверное, чувствует, как мне хреново. Сидит вон целыми днями в проводах, схемы тестирует, — Шокер вздохнул и улыбнулся ещё теплее. — Она у меня умница...

Была у меня подлая мысль перебить его мандраж праведным гневом. Но после этой улыбки от идеи пришлось отказаться. Стирать такие улыбки с отцовских лиц бесчеловечно.

— Она ещё замуж не собирается?

— Кто? — Шокер похлопал ресницами. — Валя?! Да ты что?! Она ведь ребёнок.

— Так ей же шестнадцать? Ты себя вспомни в её возрасте.

Он насупился, глядя на меня, потом жёстко рубанул ладонью:

— Я — это я! Я — мужчина, готов был брать ответственность. А Валею никто не

получит, если не докажет, что она будет с ним счастлива и в безопасности.

— А разве кто-то обязан заручиться твоим согласием? Не помню я такого в гатрийских законах.

— Если этот «кто-то» не хочет стать моим врагом, ему придётся заручиться, — сурово сказал Шокер. — И дело не в законах, если уж на то пошло. Дело — во мне. И этому «кому-то» придётся со мной считаться.

— Бедная девочка...

— Думаешь? — усмехнулся он. — Нет, Кира. Я как раз делаю всё, чтобы она не стала бедной девочкой.

— По-моему, ни одному парню не светит тебе понравиться. Это нереально.

— Ничего подобного. Я бы с радостью отдал её в надёжные руки. Со временем они появятся.

— Руки гатрийского аристократа?

— Именно, — холодно подтвердил Шокер.

— А если надёжные руки будут принадлежать совсем не гатрийцу? Или гатрийцу, но не знатному? Тогда как? Без надежды?

Судя по гримасе Шокера, я полезла туда, куда бы лучше не соваться.

— Поверь мне, я разберусь в том, как будет лучше для моей дочери, — буркнул он недовольно.

— Я надеюсь, ты хоть её мнение спросишь? Или ты, как Йан? Считаешь, что женщину спрашивать бессмысленно?

Шокер покачал головой:

— Ну, почему же? Иногда стоит и спросить. А ты что вдруг так заинтересовалась? Свахой подрабатываешь?

— Да вот ещё, — фыркнула я. — У тебя нормальная шустрая современная девчонка. Зачем ей сваха? Я думаю, ей вообще больше нравится быть свободной гатрийкой. Тем более, что она уже имеет право не спрашивать твоего разрешения на личную жизнь.

— Да? Пусть только попробует не спросить, — мрачно отрезал Шокер. — И вот что, сворачивай тему. Не ко времени.

— Извини, не буду больше.

Мы замолчали. Я просто кожей чувствовала его усталость и отчаяние. Очень хотелось обнять его покрепче. Но, похоже, в этой пещере честным людям не полагалось днём задёргивать шторы на окнах своих берлог и кабинетов.

— Ты что такая?.. — спросил он вдруг.

— Какая?

— Не знаю даже. Гнетёт тебя что-то.

— Тебе показалось.

Но Шокер недоверчиво поджал губы.

— Тебя муж не обижает? — неожиданно спросил он.

— Что?!

— По-моему, у меня с дикцией всё в порядке.

— Нет, не обижает. С чего ты взял?

Я достала телефон и нашла селфи у ёлочки, которое мы с Михаилом сделали в новогоднюю ночь. Оба были уже навеселе, ёлку чуть не уронили с подоконника, ржали, как сумасшедшие. Такие и на селфи получились, счастливые.

Я сунула телефон Шокеру.

— Вот, смотри! Кого это чудо может обидеть?

Он отвёл руку с телефоном подальше, взгляделся, хмыкнул загадочно и вернул мне телефон.

— Он знает про нас?

— Нет, ни про гатрийцев, ни про каналы я так и не рассказала, хотя брат настаивает.

— Я не об этом спросил, — возразил Шокер. — Про нас с тобой он знает?

— Да, знает.

— Что именно?

— Что я люблю человека, с которым мы никогда не будем вместе.

Шокер вздрогнул.

— Я что-то новое для тебя сказала?

Он молча покачал головой и отвернулся, глядя за окно в полутёмный зал.

— Никак не пойму, в чём же ты мне врёшь, — сказал он вдруг.

— Ни в чём.

— Ладно, потом разберусь, — вздохнул он и слез со стола. — Пойдём, встряхнём Лиса, он тебя отправит, как полагается. А я пойду Лали потороплю, ей надо помочь собираться, нам ехать скоро.

Я встала, задвинула табурет обратно под стол, повернулась и пошла к двери. Шокер опередил меня, взялся одной рукой за дверную ручку, другой щёлкнул выключателем и погасил свет. И тут меня чёрт дёрнул. Я рванулась к Шокеру, не давая ему открыть дверь.

— Стой!.. — я обхватила его крепче и уткнулась лицом в его грудь. — Послушай! Всё, что я говорила тогда на мосту — всё так, всё правильно, по-другому нам нельзя. Но если тебе будет нужна моя помощь, неважно в чём, я всё брошу и приду! Ты понял?

Я обнимала его, а он даже рук не поднял, так и стоял столбом.

— Андрюша, ты слышишь меня?

— Да.

— Обещай, что позовёшь меня, если понадобится!

— Да как я тебя позову? Ты теперь недосыгаема. С тобой не связаться... Даже Нарратор туман напускает.

— Телефон доставай. Набирай... — я продиктовала ему цифры. — Это мой основной универсальный номер, здесь и на поверхности тоже.

Он торопливо записывал номер в контакты. Телефон прыгал у него в руках. Потом он послал вызов, дождался звонка из моего кармана, сбросил и убрал телефон.

— Обещай, что позовёшь!

— Хорошо. Позову.

— Ну, пойдём теперь.

Я потянулась к двери, но Шокер резко рванул меня за плечи назад и развернул к себе. Ничего не сказал. И тогда я снова обхватила его, а он на этот раз в ответ чуть не придушил меня, так крепко стиснул.

— Пойдём, Андрюша. Пойдём, пожалуйста.

Он отстранился и шагнул открыть дверь. Мы вышли на лестницу и спустились вниз в зал.

Скай всё ещё медитировал, сидя на катушке кабеля. Шокер пошёл к нему. Откуда-то слева наперерез отцу рванулась Валея.

— Папа, там продукты привезли! Я приму?

Шокер повернулся к ней:

— Да, хорошо, прими. Куртку надень, там мороз!.. Скай!

Скай вскочил.

— Иди с Валею наверх, помоги машину разгрузить, — скомандовал Шокер.

— Хорошо, — с облегчением кивнул Скай и побрёл следом за убежавшей Валеей.

Шокер вынул телефон и вызвал кого-то.

— Лис, просыпайся! Проводника отправляем. И принимай вахту, я уезжаю.

Он снова повернулся ко мне:

— Ты с братом увидишься?

— Нет. Он мне запретил с базы выходить. Велел только туда-сюда. Может быть, дозвонюсь с резервного номера, если получится. А что?

— Я его просил Риту навещать. Вот, думал, узнать, как она. Я ей когда про Йана сообщил, мы её тут потом неделю отпаивали. У неё дома никого вообще не осталось, ни родителей, ни другой родни. Я хотел её здесь оставить, с нами, но она сказала, её место в доме Клайар... — Шокер вздохнул и покачал головой. — И чем помочь ей, не представляю.

— Она молодая и очень красивая. Скоро замуж выйдет, — уверенно сказала я.

Шокер покосился на меня:

— Не у всех это получается так быстро.

Я почувствовала, что краснею.

— Главное, Шокер — задаться целью, — усмехнулась я.

— Нет, Апрель, — печально возразил он. — Главное — потом не пожалеть.

— Это ты на меня намекаешь?

— Нет, это я просто о главном. Знаешь, Йан ни с кем не откровенничал обычно, никогда. Но вот несколько раз, когда мы с ним на изнанке надирались в дым, он говорил, что очень жалеет, что пришлось жениться просто для того, чтобы жениться. Я помню, он долго сопротивлялся. У меня уже дети были, я курьерской группой руководил, а Йан всё в женихах бегал, обычным вербовщиком...

— Йан был лучшим вербовщиком на свете, — сказала я, пытаюсь проглотить подступившие к горлу слёзы.

— Да кто бы сомневался... Но потом Йан всё-таки женился, что называется, на первой попавшейся под руку. Я, честно говоря, решил, что наконец-то взяла верх жажда власти. Считал его обыкновенным эгоистом. Сейчас понимаю, что он, видимо, к тому времени уже с тайной системой связался и понял, что от него пользы будет больше на высокой должности.

— Что за идиотизм эти ваши... наши... правила с женитьбой?! Ну какая разница, будто бы холостой мужчина дурнее женатого! Обычно, скорее, наоборот!

Шокер посмотрел на меня в упор:

— Ты это что, прикидываешься?

— Почему?

— До сих пор не поняла, зачем установлено это правило?

— Нет... Не знаю... Я об этом не думала. Йан говорил: традиция.

— Ну тогда подумай на досуге, откуда у этой традиции уши растут, — усмехнулся Шокер. — Задание тебе на дом. Потом проверю... О, Лис идёт. Ну всё, Апрель... — он посмотрел так, словно обнял взглядом. — Ровной тебе дороги!

Мы не могли даже взяться за руки.

— У вас с Лали всё будет хорошо! Обязательно увидимся, Шокер!

Он кивнул и, повернувшись, быстро пошагал куда-то.

Я поискала взглядом Лиса. Он шагал по краю платформы рядом с медленно катящейся вагонеткой.

— Привет, леди-проводник! — фыркнул он, поравнявшись со мной.

— Привет-привет... Можно залезать?

— Можно. Но можно и подождать здесь... — Лис вынул телефон и открыл какое-то расписание. — Ещё теоретически десять минут надо ждать, не вынырнет ли с той стороны встречный вагон. Если нет, можно стартовать... По инструкции, раз уж я так рано вывел вагон, его надо в самый конец пути отогнать. Но я уж рискну оставить тут, на стартовой позиции. Вряд ли кто оттуда полетит в последний момент. Теперь всё как-то сбилось. То несколько дней подряд никого, то приезжает переполненный вагон, пошарпанный в канале, да ещё то без колеса, то без двери, как в последний раз... Только потому и уцелели в последнем рейсе, что Нарратор очень сильный и опытный проводник.

Меня ужас охватил при мысли, как всё это время рискует Марат.

Лис залез в вагонетку, стал осматривать дверной механизм, проверять что-то.

Я постояла, потопталась на месте, потом отключила телефон в дорогу и полезла к Елисею в вагон.

— Лис, слушай, ты как думаешь, а зачем у гатрийцев это правило дурацкое, что мужчина должен быть женатым, чтобы должность повыше получить?

— А что тут думать-то, — хмыкнул он. — Не думаю, а знаю. И не у одних гатрийцев это правило. И у нас тоже есть, кое-где в кое-каких случаях и, само собой, негласно. А гатрийцы предпочли обозвать этот принцип традицией и возвести в закон для всех.

— Ну и зачем?

Лис посмотрел на меня внимательно и пожал плечами:

— Да просто всё, как два пальца... Как можно добиться от человека абсолютной лояльности? Два способа: посулы и страх. Страх — вернее. Чем подспуднее страх — тем ещё вернее. На себе человек нечасто заикливается, а на безопасности близких — постоянно. Если гатрийская империя будет наполнять свою государственную машину людьми, которым не за кого бояться, они ведь могут в некоторых случаях и забить на лояльность... Люди-то не слепые. Не всё и не всех устраивает. Поэтому империя просто берёт заложников, сразу, с гарантией. Вот и всё, — Лис посмотрел на часы. — Всё, путь свободен. Можно стартовать.

— Хорошо, давай, — я заняла место посередине диванчика. — Ой, слушай, забыла совсем... Лис, ты про Скаю и Валею в курсе?

— В смысле?

— Про Скаю. И Валею.

Лис потряс головой:

— Леди, ты опять мутишь что-то? Что мне про них быть в курсе? Вот Скай — вот Валея. И что?

— Да ничего! — заорала я. — Про гатрийскую империю ты вон как хорошо всё понимаешь! А то, что твой друг с дочкой твоего командира под лестницами обжимаются, это для тебя, похоже, великая новость?!

Лис протяжно и озадаченно присвистнул сквозь зубы и медленно побледнел.

— Вот именно, Лис. Сделаешь что-нибудь?

— Что?! — рывкнул он и потащил пачку сигарет из кармана. — Пристрелить разве этого

раздолбая к чертям собачьим...

— Да что хочешь делай. Хоть и пристрели. Только бы Шокер не узнал.

— Да узнать-то он сразу не узнает... — вздохнул Лис, доставая сигарету. — Пока он рожает, пока в себя приходит, да потом больше на младенца смотреть будет, чем по сторонам... Ладно, спасибо, что сказала. Я постараюсь этим Ромео и Джульетте накостылять покрепче...

— Ну, тогда давай, Лис. Заводи.

Он вышел на платформу. Я захлопнула дверцу и нажала кнопку готовности. Вагонетка тронулась и рванула на разгон.

Между рейсами я лежала в каморке и смотрела в потолок. В комнате не было ни окон, ни светильников. Тусклую голубую подсветку давали часы с яркими крупными светящимися цифрами. Странные часы: смотреть на них было больно, казалось, такой яркий свет и веки насквозь пробыёт. Но нет, стоило закрыть глаза, и хоть ткнишь лицом прямо в эти часы, свет нисколько не мешал.

Комнатка была метров шесть-семь, не больше. Старый продавленный диван, стул и тумбочка с графином и стаканом. Простая бесхитростная ночлежка на гатрийской тайной базе. В сравнении с этим помещением на базе под Приозерском можно было считать хоромами.

Когда Марек просил помощи, я предвидела, что прилечу на базу в Йери, а там — целая вереница из несчастных беглецов, которых некому переправить. Но я не представляла, что их окажется несколько десятков человек.

Что я сделала первым делом, едва приехала, это поругалась с братом. Я дозвонилась до него и предложила, что буду забирать по четыре-пять человек дважды в сутки, и за три дня управлюсь. Сэкономлю себе время, людям нервы, а Мареку — деньги, потому что каждый пуск вагонетки на разгон требовал много энергии, а электричество — оно и на поверхности не бесплатное.

Но Марат решил иначе. Не больше, чем по два-три пассажира. И то — три, только когда их невозможно разлучить и перевозить отдельно. И между челночными рейсами чтобы проходило не меньше восьми часов.

Я орала на брата, доказывала, что он просто перестраховывается, Марек фыркал и шипел на меня, но не сдался и в итоге пригрозил, что если я его не послушаюсь, то он отправит меня домой, приедет на базу лично и сам примется проводить людей.

А поскольку такая угроза блефом не была, а я влезла во всё это не из общего человеколюбия, а только, чтобы помочь брату, мне пришлось подчиниться. И я застряла в подземельях на целых пять суток. Хорошо ещё, на базу не прибывало новых беглецов.

Условий на тайном канале совсем не было. Это в Приозерске обустроивались с расчётом на то, что люди могут задержаться там на довольно долгий срок, пока прикрытие не будет полностью оформлено. Отправляющая база в Йери не была рассчитана на то, чтобы быть накопителем, поэтому люди ютились, где попало, в каморках, кладовках, просто в закутках коридоров. В единственный душ, который был совмещён с единственным же туалетом, попасть можно было разве что глубокой ночью, да и то надо было проявить сноровку.

Мне, как важной птице, выделили отдельную комнату для отдыха. Марек прислал пакет с зубной щёткой, тремя новыми свитерами и упаковкой одноразового спортивного нижнего белья, которое полагается выбрасывать после того, как хорошенько пропотеешь в спортзале.

Всё бы хорошо, но отдых в закупоренной тесной комнатке отдыхом не был. Спать в таких условиях я не могла. Казалось — если усну, то задохнусь. Нет, вентиляция была хорошая, но общая теснота, темнота и непривычные звуки вокруг не давали расслабиться.

Я принялась за работу по графику, который установил Марат. Беглецы были в основном новички, никогда не летавшие в каналах. Большинство — женщины и дети. Несколько раз

мне пришлось нарушить требование Марека насчёт количества пассажиров, потому что вести детей отдельно от матери я не решилась.

Всё проходило более-менее гладко. Не идеально, конечно. Не бывает идеально с новичками. Пришлось и повоевать, как когда-то с женой Йана. А одной женщине, у которой оказалась сильная дыхательная недостаточность, на принимающей базе пришлось оказывать серьёзную медицинскую помощь.

На базе Шокера тоже все стояли на ушах. Каждый раз, встречая вагонетку, Елисей спрашивал с надеждой, не последняя ли. Я просто мотала головой, ждала, пока люди вылезут на платформу, садилась снова и летела назад, отдыхать перед новым рейсом. Мне было даже некогда расспросить, чем занят Шокер, и нет ли новостей. Шокера на базе не было, значит, они с Лали всё ещё были в госпитале.

Меня чем-то кормили время от времени, и более чудовищной отравы я в жизни не ела. Но больше всего бесило то, что я потеряла счёт времени. Я не знала, что снаружи, день или ночь, и не наступила ли случайно весна. Тяжёлая дрёма вместо нормального сна тоже выматывала. Нервы были не в лучшем состоянии, поэтому, когда в мою каморку кто-то вошёл, я без уточняющих вопросов просто подскочила с дивана и бросилась на вошедшего с намерением выцарапать глаза.

— Систер, ты что, с ума сошла? — испугался Марек, удачно перехватив меня в самый последний момент.

— Стучать не пробовал?! — возмутилась я.

— Будить не хотел. Думал, ты спишь.

— Дома выплюсь, — буркнула я. — Здесь не могу.

— Что значит «не могу»? Ну хоть немного удаётся поспать?

— Не могу — значит не могу, — пояснила я со злостью. — Вообще.

— Ты бы померла уже давно, если бы столько времени без сна, — уверенно сказал Марек. — Ты спишь, только очень недолго и неглубоко. Это бывает, когда переутомление очень сильное. Ты уж извини за такие условия. Чем богаты...

— Я не жалуясь, Марат. Оно само вылезает, это раздражение.

Марек обнял меня и поцеловал в лоб.

— Что происходит, бро? Откуда столько народу?

— Вывозим семьи людей, которые ходят по краю. На изнанке у них есть шанс. Здесь — уже нет.

— Да я представляю себе! Но почему их так много сразу?

— В столице неспокойно. Да и не только в столице. И в провинциях, и даже на изнанке. Империя чувствует угрозу и пытается её персонифицировать. Мы уже потеряли несколько человек, которые на очень высоких постах делали для нас очень важную работу. За кого-то мы уже давно опасались, и их семьи были спрятаны ещё осенью. Некоторых не успели вывезти, — Марек угрюмо наклонил голову. — Ну, тут дело такое... Успеваем не всегда.

— Марек, я же вижу, как ты бьёшься. Не вини себя, всё, что можно, ты сделал.

Он покачал головой:

— Всегда... Запомни, систер, всегда есть возможность сделать что-то ещё. И, как правило, это что-то всё и решает. И когда ты не успеваешь, это ещё одна маленькая катастрофа. А иногда и большая.

Я вздохнула и, прислонившись к Мареку, прикрыла глаза.

— Бедняжка, ты совсем выдохлась, — брат подтолкнул меня к дивану, усадил и обнял за

плечи.

— Марек, может быть, мне в Йери выбраться на денёк? Я бы только выпалась и поела бы у Ятиса чего-нибудь человеческого... И можно снова тут кататься.

— Нельзя, систер. Прости, нельзя. Уже второй день все подходы к базе проверяются не только сканированием, но и сплошным визуальным наблюдением.

— Зачем?!

Марек усмехнулся:

— Меня ищут.

— Как это?!

— Идёт развёрнутая операция по поиску того, через чьи руки исчезают люди. Здесь официальный секретный канал. Его обслуживает, как водится, курьерский департамент, а пользуются им, в основном, терраготовые. Каким чудом они до сих пор не обнаружили, что под секретной базой есть ещё и тайная, не знаю даже, для меня загадка. Видимо, строил кто-то очень умный. Поля как-то накладываются друг на друга так, что мы пока имеем возможность тут работать. Но люди всё время сюда приезжают, и это заметно. Некоторые беглецы, к сожалению, попадают на базу с чипами. Их, бывает, фиксируют регулярным сканированием, потом они «пропадают». И служба Альдона вполне справедливо заподозрила, что где-то тут и вершатся страшные преступления против империи... Короче, Альдон считает, что заговорщики, то есть мы, используем официальный секретный канал... Постоянных операторов официального канала арестовали и допрашивают с пристрастием. А люди ни сном, ни духом. Обычные нормальные служаки.

— Так, может, разберутся и отпустят?

— Да разберутся, конечно, поймут, что выстрел мимо, но вот... — Марек покачал головой. — Не отпустят, нет.

— Но почему же?

— В смутное время энтропия страха не должна снижаться. Первый закон выживания зла.

— И как же ты сейчас сюда спустился?

— Да я пару раз в неделю официальным каналом пользуюсь, так что никаких подозрений мои перемещения тут не вызовут. Я очень активно участвую в поимке злоумышленников, уж поверь мне! — рассмеялся Марат.

— Марек, ты же очень рискуешь!

Он пожал плечами:

— Это мой выбор. Давний и сознательный.

— А... ещё раз выбрать? Прекратить всё это и просто жить?!

Он отрицательно покачал головой.

— Но ради чего, бро? Зачем это тебе?!

— Я тебе уже объяснял. Думаешь, за полгода что-то изменилось?

— Изменилось. Одно дело укрывать каких-то несчастных от несправедного гнева, и совсем другое — идти напролом против гатрийской машины.

— Так я тоже часть машины, систер, только другой машины... И да, эти машины сейчас занимают позиции для схватки... Но я не буду тебя агитировать. Я не ставлю тебя перед выбором. И лучше, если мы никогда не будем об этом говорить.

— Боишься, что сболтну лишнего на допросе у Альдона?

— Да типун тебе!.. — разозлился Марек. — Дура набитая!

— Ну а почему тогда ты ничего мне не рассказываешь?! Я какими-то урывками узнаю, что где-то кого-то арестовали, где-то работают новые тайные каналы, где-то кого-то собираются уничтожить... Но я не представляю, что и зачем делает мой брат! Так нельзя! Я же вижу, ты влез в самую гущу чего-то большого и безжалостного! Почему я должна держаться в стороне?! Если я чего-то не знаю, расскажи мне, просвети меня, а вдруг и мой выбор будет таким же, как твой?!

— В нашей традиции... — сердито начал Марек. — Как бы тебя это ни возмущало, но в нашей традиции женщин совершенно сознательно отстраняют от любой опасности. Это дело мужчины — разборки, драки, мятежи и революции. Женщин надо просто защищать.

— Чтобы они невредимыми достались победителям?

Марек всплеснул руками.

— Марат, мы с тобой выросли в другой традиции. Как-то удивительно быстро ты перековался...

Брат только отмахнулся:

— Всё, разговор окончен... Я очень жалею, что больше нет с нами Йана Клайара. Он на этом месте был действительно лучшим и незаменимым. И с тобой он вёл себя совершенно правильно: никакой лишней информации. У тебя было немножко якобы свободы и очень много идеальной защиты. Не могу себе простить, что у меня ничего не получается...

— У тебя очень хорошо получается с защитой. Но ты мне никакой свободы не даёшь!

— А не время сейчас для свободы, Кирюш.

— Ты не забывай, я не гатрийка. Я девчонка с изнанки.

— Ничего, у меня и на девчонок с изнанки управа найдётся! — строго сказал Марек.

— Марат, на жену свою ищи управу! А я сама по себе!

— Официально моя жена умерла на изнанке пять лет назад. А по правде и не было её никогда, этой жены. Но ты уже дважды тётка.

— Ну и сволочь же ты! — я с силой толкнула Марека в грудь. — Ну как так можно?! Ну как можно было молчать?!

— Так... Кир... — проямлил Марат. — Ну, стыдно мне, если честно. Детей сделал, женщин обеих бросил... Не вижу я с ними, не помогаю. Прокляли меня, наверное, уже давно. Старшему десять, а дочке три года. Даже, как выглядят, не знаю.

Я тихонько плакала, вытирая слёзы рукавом свитера. Вот ещё одна мусорная куча на мою голову.

— Хочешь, я найду их? Всё равно мне дома делать нечего.

— Нет, не надо, — поспешно сказал Марек. — Доведётся на изнанке подольше задержаться, я сам всё сделаю. А жениться... Так я женюсь скоро, систер. Совершенно официально.

— Ну, с ума сойти. И на свадьбу позовёшь?

— Обязательно, — усмехнулся он.

— Кто же та несчастная, которая решилась с тобой связаться?

— Рита Клайар.

Я так и осталась с открытым ртом.

Марек усмехнулся и пальцем вздёрнул мне подбородок.

— Вот как, значит, ты её навещаешь... — протянула я. — А Шокер-то волнуется за свою одинокую родственницу.

— Да нормально всё, — смущённо кашлянул Марат.

— Как же я за всех вас рада. Просто счастлива, — мрачно подытожила я.

— Тебе бы поспать, счастливица, — вздохнул брат. — Закрой замок изнутри и спи.

— Неуютно замурованной.

— Ну, не закрывай. Только на людей вошедших не кидайся.

— Да лучше кинуться. А то мало ли, ходят тут всякие.

— Так ты смотри, всякий вошёл или нет. А то машешь кулаками вместо того, чтобы просто применить эффективный приём, если надо.

— Приём?! — я едва не заржала. — Ты же только что прославлял тут полное отстранение женщин от всех опасностей. Мы же не должны сами ничего делать!

— Ну, не до такой же степени! — возмутился Марек. — Приёмы самообороны ещё никому не повредили.

— Какие приёмы? Кто меня им учил?!

— Никто не научил? — удивился Марат. — Ну, давай, покажу хоть что-то. Давай-давай!

Я встала.

— Нет, ты ложись! — Марек указал на диван.

Я легла.

— Ты — жертва нападения, я — маньяк... — Марек медленно, видимо, чтобы не напугать меня, стал ложиться сверху. — Защищайся!

Я попыталась отпихнуть его от себя.

— Вот неправильно всё делаешь. Не толкай, это бессмысленно. Наоборот, за шек обними... Ну, делай, что говорю.

Я обхватила брата за шею.

— Рубашку по спине вверх тяни и собирай ткань у меня на загривке. Быстрее руками шевели... Так, левой держи ткань в кулаке, правую просунь мне спереди наискосок под рубашку... дотянись до собранной ткани, хватайся... Вот теперь двумя руками держишь. Тяни на себя... Резче! Поворот руками против часовой на сто восемьдесят, будто вентиль заворачиваешь! Ну!

Я крутанула руками, и Марек свалился с меня на пол.

— Во-о-от! Молодец! — похвалил он, развалившись на полу. — Почувствовала суть процесса?

— Ага.

— Во-первых, насильник ожидает сопротивления, а ты его вроде как за шею обнимать лезешь, он уже в растерянности... Во-вторых, и раздевать начинаешь. Он слегка в шоке. А потом вот этот хитрый захват, проворот — он полузадушен и валяется на полу. После этого либо припечатываешь его стулом, поленом, сковородкой, а если ничего нет, бежишь со всех ног... Работает в том случае, если на нападшем рубашка, майка или свитер. Ясно?

— Спасибо.

— Да за что там спасибо?! — возмутился Марек. — Это мои долги. Не научил я тебя, чему должен был научить ещё лет десять тому назад.

Он поднялся с пола, отряхиваясь.

— Ну, ты тогда отдыхай, а я пойду тут народ немного построю, чтобы не расслаблялись.

— Строгий ты, Нарратор.

— А куда без этого? База старая, оборудование древнее, подвижной состав ветхий. Если ещё и люди будут разгильдяи, мои коллеги из департамента очень быстро всех развесят по крючкам.

— Марек, ещё и канал грязный. Очень.

— Я знаю, — тяжело вздохнул он. — Ничего, недолго осталось. Сейчас оборудуем ещё один новый канал, для наших дел. И обе базы будут новые, небольшие, но удобные... Ну, ладно, отдыхай. А то помешал я тебе своим приходом.

— Да я всё равно не сплю. Не умею спать в склепе без окон, даже если в нём есть часы. Давай, может, съезжу ещё разок. Пусть люди готовятся.

— А некого везти, все беглецы пока закончились. Но съездить ещё раз я тебя всё-таки попрошу. Шокер нужен срочно. Даже не мне, я бы завтра-послезавтра с ним на изнанке увиделся. Но его хотят видеть здешние тайные боссы, и большой сбор у них именно сегодня ночью. Я ещё утром через курьерскую службу передал Шокеру приказ, чтобы был готов. Привези мне его, пожалуйста, до шести. А я пока подумаю, как мне его наружу вытащить и не засветить.

— Так, может, как-то официально его проведёшь?

— Не получается. Окна с проводниками есть только на завтра, а нужно сегодня.

— Ладно, не вопрос, — равнодушно отозвалась я. — Толкни меня, когда пора будет.

* * *

— Как добралась? — Лис открыл дверь и протянул руку. — Вылезай, леди Вайори! Я ухватила за его руку и выбралась на платформу.

— Да ничего добралась. Трясёт у вас что-то раз от разу всё больше и больше.

— Нарратор в курсе. Говорит, надо что-то делать.

— Он делает. Возможно, вас снимут скоро отсюда и поставят на новый канал. Там уже что-то достраивают.

— Где? — заинтересовался Лис.

— Так мне и сказали! — фыркнула я.

Лис разочарованно вздохнул, отвернулся от меня и стал проверять вагонетку.

— Обратно когда поедешь? — уточнил он.

— Нарратор велел не задерживаться. Ему Шокер нужен сегодня до шести.

— Замотали тебя совсем, — сочувственно вздохнул Елисей. — Голова-то не кружится? Сколько ты уже рейсов сделала за пять дней?

— Откуда я знаю? Это твоя работа рейсы считать. Где Шокер-то?

— Сейчас он будет готов, что-то срочное доделывает, — Лис кивнул на освещённое окно кабинета.

Я постояла у лестницы, включила телефон, дождалась, пока моё поле успокоится и даст трубке прийти в себя, а потом быстро поднялась наверх.

Шокер весело улыбнулся, увидев меня:

— Привет! Посиди, я сейчас последние анкеты на документы разошлю и поедем...

Я вынула из-под стола всё тот же табурет и присела в сторонке.

Шокер стремительно стучал по клавишам, почти не глядя на клавиатуру, посылал одно письмо за другим. Наконец, повернулся ко мне:

— Сейчас, придёт два подтверждения, и пойдём. Мне ребята сказали, что ты несколько дней подряд туда-сюда мотаешься. Тебя Нарратор не хочет поставить на постоянное довольствие?

— Шуточки у тебя! — фыркнула я. — Ты лучше расскажи, как у вас дела!

Шокер хотел сделать степенное лицо, но широко по-мальчишески улыбнулся:

— Хорошо дела! Пятьдесят шесть сантиметров, два кило девятьсот!

— Рослый какой! И худенький...

— Ничего, — бодро отозвался Шокер. — Откормим. Главное, врачи не нашли никаких отклонений. Нормальный здоровый мальчишка.

— Как всё прошло?

Шокер стал серьёзным, зажмурился и помотал головой:

— Ой, Кира, тут можно я без комментариев? Тяжело прошло. Честно говоря, думал уже, погрём мы с ней оба, причём я первым... Для меня это уже третий раз, но, чтобы так тяжело... Лали очень слаба, много осложнений, она ещё в госпитале пробудет, пока не восстановится. Нам предложили малыша или домой забрать, или там оставить вместе с матерью, но, чтобы кто-то неотлучно был рядом. Поэтому я сюда приехал один, а Скай и Валея остались там. Скай за Лали присмотрит, а Валея за малышом.

— А справятся?

Шокер хотел ответить, но у него звякнул телефон. Он вынул трубку, глянул, и лицо его стало растерянно-умильным.

— На, посмотри! Ну как же не справятся?

Он сунул мне телефон.

На снимке Скай держал на весу крошечного человечка в подгузнике и синей вязаной шапочке. Огромных ладоней Скай хватало для того, чтобы держать младенца под мышки и придерживать ему головку. Скай улыбался ребёнку, а счастливая Валея обнимала Скай одной рукой, а другую подставила под маленькие ножки, и малыш будто бы стоял у неё на ладони.

— В самых надёжных руках дяди и старшей сестры, — растроганно сказал Шокер.

Ребёнок был настолько маленький, какой-то сморщенный и краснокожий, что там ещё вообще ничего нельзя было разглядеть, на кого он там похож, да и похож ли вообще на человека... Ни дать, ни взять — неведома зверушка.

И как же в эту минуту во мне всё взбрыкнуло. Вот просто взорвалось.

Как же я позавидовала Лали! Дико, люто и по-чёрному. Стыдно было самой себя, но ничего с этим поделать я не могла. Мне и раньше случалось завидовать, то одному, то другому. И всегда это звучало примерно так: «Ну надо же, как повезло! И мне бы так, и я так тоже хочу!» Сейчас всё звучало иначе. Сейчас это было именно люто и по-чёрному. «Почему это досталось ей, а не мне?! С какой стати ей, когда это должно было быть моим? Почему же она при всех своих болячках и хворях не умерла, и теперь опять всё будет крутиться вокруг неё?!»

— Прикольно... — протянула я, разглядывая снимок из госпиталя. — Какой малюсенький... Как назвали?

— Тимофеем. Лали так захотела.

Я вернула телефон.

— А почему не Йаном?

Шокер внимательно посмотрел на меня:

— Потому, Кира, что у нас так не принято. Называть ребёнка в честь родственника, который умер преждевременно — плохая примета. Я любил брата, но называть сына его именем не стану... Что с тобой? Чем я тебя обидел?

Я взяла себя в руки.

— Нет, Шокер, ты меня не обидел. Ты меня расстроил.

— Да чем же?!

— Я не знала об этой примете. И пятилетний Марек тоже не знал. Он дал мне имя покойной мамы.

Шокер кашлянул, сдвинул брови домиком.

— Ну, Кира, ты же взрослый человек... Ты же знаешь, что любая примета работает, только когда в неё веришь. Я не замечал, чтобы ты была суеверна.

— Зато ты, как ни странно, очень суеверный. И зря я тебе про свою мать сказала. Иногда достаточно, чтобы в приметы верил только один.

— Ну вот, здравствуйте! — насупился Шокер. — Ты что из меня мракобеса делаешь? Одно дело верить во что-то или не верить, а другое — просто не обострять, чтобы родня мозг не выносила. А насчёт своего имени не бери в голову даже. Твой маленький брат был чистая душа, такой не может сглазить по определению. Всё у тебя будет хорошо.

Отчаянно затрещал мой телефон. Я поспешила его вытащить, телефон выскользнул у меня из рук, упал на пол, крышка отскочила, и батарейка вывалилась. Звонок, само собой, замолчал.

— Зашибись, как у меня всё хорошо, — подтвердила я и стала собирать телефон обратно. К счастью, он заработал. Я проверила журнал. О, Боже! Миша двадцать три раза пытался дозвониться, когда я была вне доступа. И последний звонок тоже был от него.

Я бросилась перезванивать.

— Кира, это не смешно, — печально ответил Миша. — Вот совсем не смешно. Ни за что не поверю, что ты катаешься в своём поезде по кругу в каких-то сучьих выселках, где вообще нет никакой связи, и за пять суток ни разу не побывала на станции, где связь всё-таки есть...

— Мишенька, ну прости меня! Связь иногда есть, я просто телефон в руки не беру, не до того...

— Чёрт... У меня и прав-то нет возмущаться. Но как же было бы приятно, если бы ты вспомнила, что я волнуюсь. Но ты не вспомнила.

— Миш, ну я правда работала!

— В другом измерении, не иначе...

— Миша... Я тебе всё объясню, когда вернусь. Обещаю. Хорошо?

— Хорошо. А когда ты вернёшься?

— Или завтра к вечеру, или послезавтра точно.

— Что значит «или»? У твоего поезда нет расписания?

— Мишенька, это такой особый поезд. У него плавающее расписание. Я тебе всё объясню!

— Хорошо. Договорились. А то чувствую себя как-то... Пропала и не дозвониться. Ты себя поставь на моё место. И брат твой хорош. Также недоступен.

— Марат дал тебе свой номер?!

— Дать-то он его дал, но, как выяснилось, с таким же успехом мог бы и не давать, потому что он у него постоянно отключён. Сразу видно, вы с ним родня.

— Миш, Марек очень редко включает телефон. Но иногда его можно отловить... Ладно, Мишенька, мне пора. Я тебе перезвоню, когда связь снова появится. И всё расскажу, как обещала!

Он ещё что-то проговорил, но я уже скинула разговор, отключилась совсем и убрала телефон.

Шокер смотрел на меня строго-престрого, и нетерпеливые складки на лбу говорили о том, что ему очень хочется на меня рявкнуть.

— Шокер, не надо меня есть глазами! Я в своей жизни сама разберусь! Ты к ней никакого отношения не имеешь!

Он промолчал, оглянулся на экран ноутбука.

— Всё, подтверждения пришли. Можем ехать!

Мы спустились вниз, к вагонетке. Лис всё ещё лазал внутри и снаружи, что-то проверяя.

— Елисей, да брось ты ползать, — сказала я ему, подойдя. — От твоих усилий эта рухлядь не помолодеет.

— Да крепкая ещё железяка, — задумчиво возразил он. — Помолодеть не помолодеет, но я хоть буду уверен, что дверь нормально держится... Путь свободен, можно стартовать, если вы готовы.

— Мы готовы? — я оглянулась на Шокера. Тот молча кивнул. — Залезай, Шокер!

Он вошёл внутрь, я повернулась к Лису.

— Ты говорил со Скаем?

— Если это можно считать разговором.

— Значит, накостылять не получилось?

Лис пожал плечами:

— Почему? Как раз получилось. Только бесполезно всё. Это как раз тот вариант, когда пристрелить было бы проще, а главное — эффективнее.

— Ну что ж, мы с тобой хотя бы попытались, — вздохнула я. — Всё, мы поехали.

Я зашла в вагонетку.

— Будешь готова — дашь сигнал, — приказал Лис и захлопнул дверцу.

Шокер уже развалился на диванчике.

— Старьё какое... — поморщился он, оглядываясь. — Наверное, была списана задолго до моего рождения.

— Хоть ремни есть, и то спасибо, — вздохнула я. — Пристегнись.

— Да я как-то привык и без них обходиться, — проворчал Шокер.

— Ты командуешь снаружи, а тут я командую. А ну, пристегнулся, быстро!

Недовольно поглядывая на меня, Шокер вытащил ремень из гнезда, опоясал себя и воткнул язычок замка в паз.

— Инструктировать не надо? Как и когда расслабляться не забыл?

— Не забыл.

— Тогда приготовься, сейчас стартуем.

Я села рядом с ним. Крупный живой груз с минимальным индексом собственного поля... Полагается сохранять близкий физический контакт на протяжении всего пути.

— Я обниму тебя на всякий случай.

— При нашей с тобой разнице в габаритах тебе будет неудобно сидеть, — покачал головой Шокер. — Если уж на всякий случай, то лучше я тебя обниму. Иди ко мне!

В его словах был резон. Уж коль скоро мы не первый раз друг друга видим, можно и устроиться поудобнее.

Он усадил меня к себе на колени. Я нажала кнопку готовности к старту. Дверь со щелчком заблокировалась. Я прижалась к Шокеру, он крепко обхватил меня.

Вагончик тронулся. Разгон начался стремительно. Нас вжало в мягкую спинку сидения, а потом я почувствовала, как где-то внутри, под сердцем, напрягается и тут же лопается

какой-то комок, и тело охватывает блаженная лёгкость. Мы прошли грань и полетели в канале.

Канал был, прямо скажем, ещё грязнее прежнего. Всего за сутки всё стало ещё хуже. Нас потрясывало, иногда мы словно задевали за какие-то невидимые ошмётки. Несколько раз вагонетка собиралась развернуться боком. Я пыталась направленными импульсами всё это компенсировать.

Шокер иногда немного ёрзал на сидении, и тогда его руки крепче сжимали меня.

— Что с тобой? Успокойся, не нервничай, Шокер. Доедем.

— Я не нервничаю, всё в порядке, — возразил он, но тут же задержал дыхание, потом резко выдохнул.

— Андрюша, что такое? — я погладила обнимающую меня руку. — Тебе больно?

— Нет, не больно.

— Ты очень напрягаешься. Успокойся. Дорога ухабистая, ты уж извини, если трясёт. Я стараюсь.

— Ты ни при чём. Ты молодец, ты очень хорошо ведёшь, чисто, легко. Ты и вправду лучшая.

— Тебе легко, потому что ты очень хорошо подготовлен.

Мы летели через слои. Самую грязную среднюю часть прошли с минимальными потерями скорости.

Чем ближе к поверхности, тем канал становился чище. Полёт выровнялся, и я немного расслабилась, отказалась от лишних манёвров и просто лежала с закрытыми глазами и контролировала полёт и состояние Шокера. Он был в порядке, по крайней мере, перестал ёрзать.

В руках Шокера мне было уютно. Появилось ощущение, будто не я его, а он меня несёт на руках через слои, а я всё та же маленькая беспомощная девочка, но мне больше ничего не страшно, потому что со мной надёжный защитник.

Я открыла глаза. Мало что можно разглядеть при слепой подсветке, но влажные глаза Шокера над собой я увидела. Он разглядывал меня.

— Что?

— Мне показалось, ты уснула. Спишь и улыбаешься, словно тебе что-то хорошее снится.

— Мне что-то хорошее думается. Но спать? Ты что?! Я же работаю!

Он наклонился и поцеловал меня. Губы сильные, властные. И сладкие, чего уж там... Да и поцелуй далеко не братский.

— Дам сейчас, и больно! — возмутилась я. — Не отвлекай меня!

— Не смог удержаться, извини, — усмехнулся он. А, помолчав, спросил задумчиво. — Интересно, кто-нибудь уже занимался сексом в канале?

Пожалуй, вопрос и в самом деле интересный. Но очень несвоевременный.

Он снова наклонился ко мне, я упёрлась рукой ему в грудь:

— Шокер, одно твоё неверное движение — и у нас будут проблемы. Будет немеряно времени на секс в каком-нибудь протухшем слое, где мы завязнем по твоей милости!

— Почему вдруг мы должны завязнуть?

— Потому что от твоих поцелуев у меня мозг клинит.

— Ну уж! — недоверчиво фыркнул он.

— Представь себе. Ещё сильнее, чем от алкоголя. Не перестанешь приставать — могу потерять канал и уронить нас куда-нибудь.

— Это вряд ли. Ты слишком хороший проводник.

— Вот именно! Я хороший проводник, а не девочка из эскорта. У меня перечень услуг ограничен.

— А, вот как... — он чуть выпрямился и отстранился. — Ты значит, так на это смотришь? Ладно. Извини.

— Ой, его светлость обиделись. А что бы ты, интересно, сказал, если бы я на Престгатан в разгар вашей важной летучки, алерт-ноль и всё такое, вдруг вышла бы в столовую в одних трусиках и давай внаклонку полы мыть?

Шокер захолопал глазами. Но с воображением у него было всё в порядке. Сначала он расхохотался, потом задумчиво кивнул:

— Хорошая аналогия.

— Одичал ты там совсем на своей базе, — буркнула я.

И он тут же снова наклонился ко мне с поцелуем.

Я вообще-то на аутотренинге собаку съела. И не одну даже. Я знаю, о чём мне надо думать и что представлять, когда больно, когда страшно, когда противно, когда тоскливо и кажется, что никакого выхода больше нет. И все эти состояния я могу так или иначе нейтрализовать и не сойти с ума. Конечно, выдать чёрное за белое не получится, но убедить себя, что чёрное ко мне не прилипло, оно случилось, но прошло и закончилось, это я могу. Иначе не протянула бы я все эти годы гатрийского контракта. Не научилась бы уживаться с Йаном и быть ему благодарной. Не смогла бы принимать людей такими, какие они есть.

Но я так и не научилась, как быть и что представлять, когда невыносимо хорошо. И как оттолкнуть от себя это хорошее, как его из себя выдрать. Как отказаться и прекратить. Вдруг оказалось, что я этого не умею.

То, как Шокер меня целовал, совсем меня выключило. Пойди он дальше, я бы уже не возразила. Я только жалела, что поздновато мы спохватились. Надо было в самом начале, после первой грани, тогда у нас было бы ну хоть какое-то время друг на друга, а теперь его не было совсем. Я тянулась к нему, пытаюсь хоть что-то урвать, что-то ещё забрать с собой... Пока он здесь, со мной, такой близкий и самый-самый...

Грань поверхности встретила нас, как бетонная стена. Вагонетка врезалась в грань, нас потрянуло, стальные стены заскрежетали, за окнами фейерверком посыпались искры. Меня выбросило из рук Шокера, я улетела в переднюю стенку вагона, но, слава Богу, не в стекло, и свалилась на пол.

Он поспешно отстегнул ремень и кинулся ко мне.

— Извини, Шокер... Я нас всё-таки не удержала... — я с ужасом представила, как вагон сейчас начнёт разваливаться, и нам конец. — Извини... вот видишь, и никакая я не лучшая...

Он быстро ошупал меня.

— Ты ничего себе не сломала, кроха?

— Да какая теперь разница... Нет, вроде... Ты прости меня, никудышный из меня проводник...

Я всё ещё ждала катастрофы.

Он погладил меня по щекам дрожащими пальцами, потом крепко прижал к себе.

— Ты самый лучший проводник, девочка, — уверенно и спокойно сказал он. — Успокойся, кроха, всё хорошо. Ты справилась. Со мной справилась, с собой, с каналом... Всё в порядке, мы же едем. Не чувствуешь? Мы едем по рельсам. Мы скоро будем на месте, всё хорошо. Ты — замечательный проводник. Это я — невменяемый идиот.

Действительно, я услышала прямо под нами, под днищем вагонетки, мерный стук колёс на стыках рельсов. Лобовое столкновение с гранью, к счастью, не остановило полёт. Нас всё-таки вынесло на поверхность, и уж каким чудом вагон приземлился вдоль рельсов, а не поперёк, оставалось только гадать. Мы и правда ехали, очень быстро, но, как и полагалось, постепенно теряя скорость.

— Я никогда больше тебя не повезу, Шокер. Никогда больше... — меня била сильная дрожь, даже Шокеру не под силу было с ней справиться. Я сидела, вцепившись одной рукой в его рукав, а другой в полу его куртки. Он растерянно поглаживал меня по спине.

— Что же я наделал... — в отчаянии проговорил он. — Ты же моё чудо, девочка. Успокойся, всё в порядке.

— Я чуть не убила тебя, — сказала я, отстранившись. — Боялась, как бы не завязнуть. Вместо этого разогналась... Дура... За десять лет не научиться! До такой степени себя не знать!..

Я в отчаянии вырвалась из его рук, закрыла лицо руками. Как же было стыдно! Поцеловал красивый парень — и всё пошло вразнос. Да куда это годится?!

Он не стал снова меня обнимать, просто придвинулся вплотную и осторожно взял за руку. Я выдернула её и замахнулась на него локтем.

— Куда идём мы с Пятачком? Большой-большой секрет...

Я с рёвом обхватила его согнутые колени и ткнулась в них лбом. Он тихо напевал мне песенку, перебирая мои спутанные волосы. Слезы кончились очень быстро, видимо, с ними вышел последний страх.

— Хороши, да? — шмыгнула я носом. — Оба молодцы.

— Теперь будем знать, — виновато ответил он.

— Что знать? Что нельзя совмещать работу с сексом? Я это и раньше знала, я командора Йана с собой на задания не брала. А вот тебя Лали разбаловала, подавая тебе к завтраку.

Он усмехнулся и покачал головой:

— Грубовато, но справедливо.

— Теперь слушай меня, Шокер! Это мне хороший урок. А ты запомни: я никогда не капризничаю и не кокетничаю. Если я сказала «нет», то это не «да» и не «может быть», это — «нет», потому что у меня на это есть причина. И не дай Бог тебе после этого «нет» меня хоть пальцем тронуть.

— Договорились, — кивнул он.

Вагонетка стала ощутимо притормаживать, теряла скорость на специально устроенном подъёме, потом снова выскочила на горизонтальный участок пути, и впереди замаячил тусклый свет в конце тоннеля.

— Приехали, Шокер.

Вагонетка остановилась, не доехав до конца тоннеля несколько десятков метров.

— Могло быть и хуже, — вздохнула я. — Нам просто повезло. Ладно, пойдём пешком.

Мы с трудом разблокировали погнутую дверь вагончика. Электроника электроникой, а вот с механическими повреждениями справиться смог только Шокер ударом ноги. Потом он спрыгнул вниз и снял меня.

— Местная команда не будет рада, что им ещё вагон разбитый из тоннеля вынимать, — сказал Шокер. — У меня на базе ребята сильно нервничают в таких случаях.

— Незаметно, чтобы здесь кто-то нервничал. У них на пульте должно быть видно, что вагон застрял на подходе, — возразила я. — А ни одна собака даже голову в тоннель не

сунула, хоть бы поинтересовались для приличия, живы мы или нет.

Мы пошли по рельсам вперёд на тусклый свет впереди. Наконец на фоне светового пятна замаячил силуэт.

— Кирюша!

— Мы здесь, Марат!

— Что случилось? — обеспокоенно уточнил Марек, вытащив меня на платформу.

Шокер выбрался сам.

— Вагон повреждён. Ходовая в порядке, но корпус сильно помят. Извини, Марек, я маху дала, не справилась...

— Ты просто устала очень... — возразил Марат.

— Да, и канал грязнущий! — подхватил Шокер.

— Заткнитесь оба! Когда я виновата, я это признаю! — я растолкала их в разные стороны, прошла к стене и села на ящик с инструментом.

— Что это с ней? — встревожился Марек.

— Что, что... Да загнал ты её совсем за эти дни, — проворчал Шокер. — А я добавил отвлѣк, вот об грань и стукнулись... Вагон-то есть у тебя запасной?

— У меня всё есть, — буркнул Марек. — Кроме времени и людей.

— Марек, ты когда сможешь меня назад отправить? — окликнула я его.

— Сейчас вагон вытащим, целый подгоним, и можешь ехать. И домой, отдыхать... Я сейчас пойду распоряджусь, подождите меня.

Марек исчез за какой-то боковой дверью.

Шокер подошёл и сел рядом со мной на ящик.

Через минуту из туннеля раздались характерные звуки перевода стрелки. Похоже, что с какого-то бокового пути подошла маневровая вагонетка и утащила наш вагон в смежное помещение депо.

— Кроха, ты не сердись на меня, пожалуйста. Иногда такие глупости делаю, просто диву даюсь.

— Я не сержусь, Шокер. Не умею я сердиться. Было — прошло. Да и глупости тебе сейчас простительны, это от счастья.

Он усмехнулся:

— Глупости они всегда глупости, и должны быть наказуемы.

Немного помолчав, он вдруг попросил:

— Кира, ты больше не бегай от меня, пожалуйста. Это неправда, что так легче. Не получается легче.

— Андрей, я не бегаю. Я просто отошла в сторону, чтобы вокруг тебя всё было спокойно. У тебя есть Лали...

— Да нет у меня её! — перебил меня Шокер, — Я скажу тебе, как оно есть. Я не люблю Лали. Ты была права, это обычная история: аристократ, крепкий стол и красивая девочка. Так бывает сплошь и рядом, и я ничем не лучше прочих. Надеюсь, что я не конченный негодяй, и я за многое благодарен Лали, но я её никогда не любил. Она это прекрасно знает и простить это мне не может. А я ничего с собой сделать не могу.

— Ну, раз никто из вас ничего сделать не может, значит, всё останется, как есть. Я ведь тоже ничем вам обоим помочь не смогу.

— А я тебе скажу, как будет, — продолжил Шокер. — Я не отпущу от себя сына. Наверное, я обрасту ползунками и подгузниками, и это будет здорово мне мешать, но

ребёнок останется со мной. Ему нужна мать, значит, она будет с ним. Я стану заботиться о ней так хорошо, как только смогу. Но я не собираюсь делать вид, что у нас с ней семья.

— Шокер, какая мне-то разница, как это у тебя будет называться? Семья, не семья... «Что есть... что будет». Ещё бы сказал, чем сердце успокоится. Гадальщик!..

— Ты где тут ночевала в эти дни? — спросил он вдруг с любопытством.

— А там в каморке, — я мотнула головой. — Вон дверь в проходе.

— Может, пойдёшь, отдохнёшь?

— Там окон нет. У меня клаустрофобия. Я и не спала там совсем, лежала и боялась.

Шокер грустно улыбнулся:

— Я с тобой пойду. Убаюкаю и страшно не будет.

— На чёрта ты мне там нужен?.. — фыркнула я и поймала его обнимающий взгляд.

— Я просто хочу быть с тобой. Пойдём, — тихо проговорил он. — Пожалуйста.

— Нет, Андрей. Не пойдём.

— Почему?

— Мне уже есть, что вспомнить.

Он снова повернулся ко мне, посмотрел с укором:

— А мне? Мне-то что делать?

— Что хочешь.

— Я не хочу вспоминать, я жить хочу!

— Живи! Я тебе что, мешаю? Ты приехал с Нарратором посоветоваться. Вот и советайся.

А потом живи, сколько влезет! У тебя и без меня всё замечательно. Я же сказала тебе: будет плохо — зови. Тебе что, плохо?

Шокер тяжело вздохнул, угрюмо глядя под ноги.

— Понял я всё, — сказал он холодно. — Плевать тебе на меня. Тебе только твои детские фантазии интересны. А таким, какой я на самом деле, я тебе действительно не нужен.

— Это неправда.

— Правда. Я грубый, упрямый, нудный, и долг свой понимаю не так, как тебя устроило бы. И с женщиной хочу быть, потому что хочу её, а не для того, чтобы потом вспоминать. Ты же нарисовала себе картинку и так и сидишь перед ней, вся в соплях. А я туда не вписываюсь, в твою картинку...

— Всё, Шокер! Хватит с меня! — я вскочила на ноги. — Хватит...

Он замолчал, отвернувшись.

Из туннеля выехала другая вагонетка, такая же древняя, разве что чуть-чуть меньше поцарапанная. Марат снова появился на платформе, выйдя из той двери, в которую уходил.

— Кирюш, может, отдохнёшь до утра, и вместе вернётесь? — Марек кивнул на Шокера.

— Что, у тебя совсем-совсем некому будет его провести? — закричала я. — Вот прямо совсем? Во всём Йери нет ни одного завалящего проводника, которому можно довериться?

Марат тревожно посмотрел на меня, оглянулся на Шокера, словно ища у него поддержки. Шокер молчал, сидя на ящике.

— Слушай, Марек... Давай, я тебе денег дам? На проводника. Заплатишь ему хорошенько, чтобы провёл и вопросов не задавал. Сколько нужно?

— Систер, ты спятила что ли?! Ну, не можешь, так не можешь. Найду я способ Шокера на место вернуть. А ты возвращайся, отдыхай, — Марек осторожно обнял меня. — Ну, не буду я больше тебя беспокоить, дурака сваял. Ну, прости...

— Иди к чёрту, бро! — вырвалась я. — Идите вы все к чёрту!

Я рванулась к вагончику.

— Да постой ты, успокойся! — Марат схватил меня за руку. — Успокойся, Кирюша.

Нельзя в таком состоянии лететь.

— Можно. Я же порожняком. Себя донесу.

— Я утром полечу на изнанку, по официальному каналу. У департамента операция намечена, мне надо быть на виду. Я свяжусь с тобой завтра, встретимся, надо серьёзно поговорить...

— Хорошо, звони.

Я устроилась на обшарпанном сидении. Марат захлопнул дверь.

Шокер сидел на прежнем месте, низко свесив голову. На меня он даже не взглянул.

Что ж, он прав. В мою детскую картинку он никак не вписывался. Что же я могу поделать, если до сих пор вспоминаю, как мы сидим среди валунов, как боль в ноге дёргает и пульсирует, доходя до самого сердца, а молодой Шокер травит сальные анекдоты один за другим, не давая мне опомниться, и каждый анекдот совершенно мне незнаком, и я смущаюсь и хохочу до слёз, не понимая точно, отчего же эти слёзы, и забываю о боли, и люблюсь лучистыми серыми глазами и доброй улыбкой. Ну, и чем плоха картинка? Тем более, не рисовала я её. Просто помню. Моя картинка, хочу и сижу перед ней, и нечего соваться...

Но Шокер ещё и очень неправ. Таким, какой он есть сейчас, он нужен мне ещё сильнее. Только какой смысл это признавать, если нельзя давать этому волю?

Марат нетерпеливо постучал по стеклу пальцами и вопросительно поднял брови.

— Всё нормально, бро! Поехала я, — проговорила я и нажала кнопку готовности.

Старт... разгон... лёгкий хруст на первой грани. И полёт... И правда, сколько ж я рейсов сделала за эти пять дней? Ни разу за годы работы на курьерский департамент у меня не было таких частых рейсов. Да ещё в челночном режиме.

Я уже выучила весь рисунок пути, где начинается мусор, где он рассасывается потихоньку. Но это был странный канал, даже не каждый день, а прямо каждый рейс новости. Вагон запнулся практически на ровном месте где-то в начале второй трети дистанции. Только что, когда мы с Шокером здесь пролетали, всё было чисто.

Вагонетку перевернуло на бок. И я пожалела, что не послушалась своих же правил и не пристегнулась. Только я ухватила за поручень и приняла удобное положение, как вагонетку крутануло в другом направлении... И ещё раз... И ещё... Меня мотало по жестянке во все стороны. Для того, чтобы как-то повлиять на полёт, надо было понять, где же тот самый условный низ, а где условный верх, иначе вынесет за грань, и приложишься к рельсам крышей, а не колёсами. Или боковой стороной...

И тут до меня дошла очевидная и безжалостная мысль. Поздно искать верх и низ. Если вагон вращается с такой скоростью, это конец.

И точно, как только я об этом подумала, раздался противный скрежет. Сварные швы стали рваться, как нитки на ветхом платье. Я физически чувствовала, как беспорядочный полёт замедляется, а вагон трещит и рвётся на куски. Вокруг заискрило, словно одной стеной вагон приложился к бетонному покрытию. Я поняла, что ещё несколько секунд, и меня на всём скаку вынесет в один из срединных слоёв. Так и случилось. Не успела я и пару вздохов сделать, как сильный удар разом остановил и полёт, и вращение, и отправил меня в нокаут.

Классическая ситуация. Из учебника по психологии идиотов. Вот так разругаешься враз со всем миром, набьчишься на всех, и только подумаешь: «Вот возьму и помру. Слезами горячими умоетесь. Пожалеете, да поздно будет...», как оно... ты-дымс... а помирать уже и подано. Любит судьба идиотов и всегда прислушивается к их желаниям.

Я, вообще-то, всего лишь послала всех к чёрту. Видимо, судьба плохо меня расслышала. Хотя для человека, которого канал внезапно выкинул в слой, я отделалась удивительно легко. Повезло.

В слой вылетела задняя половина вагона, та, которая с сидением. Вагонетка, кувыркаясь и помахивая разломаченными обломками металла на срезах, умудрилась сесть в слой своей неповреждённой частью так, что я не воткнулась в сухой рыхлый песок, а с силой впечаталась пусть в старое, просиженное, но ещё мягкое сидение. Физиономию я всё-таки расквасила, но выжила. Вообще, удивительно, как после стольких приключений у меня ещё нос не набок и мозги не набекрень. Впрочем, на последнем я бы не настаивала, самокритика — вещь полезная.

Когда я открыла глаза, я лежала на сидении вниз лицом, и старая синтетическая обшивка противно пахла кровью. Хотя крови было немного. Что-то вытекло из носа от удара лбом при приземлении. Это было привычное дело. Голова — это моё, как говорится, самое слабое место. Ощупав лицо, я поняла, что кровь на лице уже подсохла.

Оставалось найти воды и умыться. И напиток.

Это обычно в слоях самое сложное. Слои непригодны для жизни. И самые большие проблемы именно с водой. Если она есть, то часто в виде кипятка и пара, как в том самом слое, откуда спасал меня Шокер.

Я села на диванчике и уставилась через разлом в вагонетке на то, что было вокруг.

В первую секунду меня посетила мысль, а точно ли я в слое. Выглядело всё так, будто я всё же долетела до изнанки. Но по неведомой причине вагон не прибыл на базу в скале, а материализовался где-то в стороне, на песчаных дюнах, поросших соснами. Прямо как в курьерских байках про блуждающий вагон, который иногда приносит тебя не туда, куда ты направлялся. Или, как говорили более научно подкованные проводники, всему виной произвольное искривление пространства в канале.

Я уже чуть было не поверила, что песчаные холмы и молодые раскидистые сосны — это мой долгожданный дом, и даже почти обрадовалась, когда сообразила, что дома у меня скоро середина января, мороз и снег. Здесь же было жаркое лето.

На всякий случай я проверила телефон. Часто при таких событиях телефоны выходят из строя. Иногда физически ломаются и бьются, если неудачно приложишься карманом при падении, иногда сгорает электронная начинка. Мой работал. Грузился долго, но всё было в порядке. И разумеется, никаких сигналов от операторов. Вздохнув, я выключила телефон. Ничем он мне здесь не поможет, а мощнейший гатрийский аккумулятор хоть и рассчитан на много недель работы без подзарядки, всё равно подсаживается, так что заряд надо экономить.

Значит, всё-таки слой.

Никогда я не бывала в таких слоях, хотя слышала байки, что есть между изнанкой и поверхностью такие места, где физические условия позволяют человеку выжить без особого

труда. Нет гейзеров с кипятком или фонтанов с кислотой, нет вечной жары или вечного льда. Вот, например, как тут: сосенки и песочек, как на пляже.

Любоваться соснами — это хорошо, но пора было считать проблемы. Проблем было две.

У меня не было карты. У меня не было воды.

Воды никогда нет, когда она нужна. Но при этом курьеры никогда не летают с водой. Такой вот парадокс. А может, и нет никакого парадокса. Ну, пару литров в пластике можно с собой захватить, больше ведь всё равно не потащишь. А надолго ли хватит этих двух литров?

Но попала я не в гиблое место, а туда, где росли красивые деревца, значит, вода есть, надо только найти.

С картой дело обстояло хуже. Нельзя найти то, чего с собой не прихватил, а тут не выросло.

Карта каналов только называется картой, на самом деле это не совсем та карта, которую привык представлять себе обыватель. Если курьер или проводник отправляется в рейс, он всегда имеет в виду, что возможны всякие неожиданности. Канал зарастёт, или его испортят, или вдруг самому станет плохо, не справишься с собственным полем... Да мало ли может быть причин, по которым люди оказываются в срединных слоях.

Если тебя выносит из вертикального канала, есть шанс вернуться и продолжить путь. Вертикальные каналы — они имеют физические выходы во все слои. Если ноги не переломаны, а голова не пробита, встанешь, отряхнёшься, дойдёшь до ближайшего ущелья или ещё какой дырки на местности, и это будет твоим спасением. Нырнешь и пытаешься закончить своё путешествие. Если опытен, умеешь управлять своим полем и умеешь общаться с полем внутри канала — доберёшься до приёмного блока.

Если инцидент происходит в горизонтальном канале, то никакого возврата тем же путём быть не может. В горизонтальный канал из слоя не проникнуть, ни поперёк, ни как-нибудь иначе. Потому что горизонтальный канал — это такая штука, которой в слоях нет. Горизонтальный канал — он пронизывает все слои, но лежит в другом измерении. Из пункта А в пункт Б в вагонетке, сидя на диванчике — это пожалуйста. Если же выносит на пол дороги, то про горизонтальный канал можно забыть. И тогда остаётся искать ближайший вертикальный, с физическим выходом, то есть, выражаясь на примитивном курьерском жаргоне, с дыркой.

Вековой опыт гатрийцев и их наёмников с изнанки дал собрал много информации том, где вблизи горизонтальных маршрутов пролегают вертикальные каналы. Давно составлены инструкции для всех оживлённых и популярных каналов, иногда с визуальными схемами, в особо исследованных местах даже с раскладкой по слоям. Штатные курьеры и наёмники обычно получают в свой телефон полный атлас действующих эвакуационных каналов. А так как телефоны ломаются, то инструкциями и контрактами предусмотрено, что курьер обязан проявить инициативу и потребовать карту на визуальном носителе. Обычно это бумага или плёнка, которую всегда выдадут на отправляющей базе. Некоторым гениям достаточно взглянуть и держать в голове.

У меня в голове тоже кое-что задержалось. Да и в телефоне что-то осталось. Но не эвакуационная схема тайного канала беглецов. Почему я пять дней каталась туда-сюда в грязном канале и не подумала о том, как буду выбираться, если что? А есть такая степень дурости, горе от ума называется. Я ж лучший проводник, ё! Уверена в себе до такой степени, что возможность неудачи или ошибки отбрасывается. Сама виновата. Надо было у Лиса взять

местную карту. А теперь где я тут буду наугад искать нужную дырку в земле? Подвох в том, что каждый канал — дырка, но не каждая дырка — канал. Так прыгнешь в обычную пропасть — и привет давно усопшим предкам.

Но делать было нечего. Никаких вариантов, кроме того, чтобы начать увлекательную игру «найди то, не знаю, что», не было.

Я оставила в разбитой вагонетке свою куртку, потому что вокруг было натуральное лето, и пошла наугад через сосновое редколесье.

Где-то через часок пути пейзаж вокруг начал меняться. Кроме песка и сосен, стали появляться покрытые травой пятачки, густой кустарник и лиственные породы деревьев. Очень сложно было поверить, что это не Карельский перешеек, где всего этого в достатке.

Мне было жарко. Не думалось ни о чём, кроме воды. Наверняка, здесь были нормальные природные водоёмы, мне просто очень не повезло, что я тащилась через лес наугад, а мне даже канавы с водой не попалось по дороге.

И тут метрах в ста перед собой я увидела серую каменную стену и частокол ровных тонких труб. Свернув в кустарник, я осторожно приблизилась и, обходя свою находку кругом, стала внимательно её рассматривать.

Сооружение было не то хлевом, не то сараем. Стены метра три в высоту, никак не ниже, выложены из грубо обработанного камня. Крыша закидана сеном. Дверной проём без двери, и видно, что внутри тоже гора какой-то травы. Перед входом утоптана площадка размером примерно пять на пять метров, огороженная высоким забором из сетки, натянутой между тонкими металлическими трубами. Ячейки сетки были размером с крупный абрикос.

Прямо посреди площадки спиной ко мне сидел человек в безобразно замызганных джинсах неизвестного цвета. Никакой рубашки на нём не было, и по его сложению я бы сказала, что это должен быть молодой парень. Его давно не мытые тёмно-русые волосы свисали на плечи волнистыми прядями, выгоревшими на кончиках добела.

Я приблизилась к решётке вплотную и вежливо кашлянула. Парень не пошевелился.

— Эй!.. Хай!..

Парнишка не отреагировал ни на «эй», ни на «хай». Так и продолжал сидеть, поджав одну ногу и согнув в колене другую.

Я хлопала по сетке. Она издала не то чтобы сильно мелодичный, но всё-таки перезвон. Парень даже не повернулся.

— Молодой человек!

Ноль реакции.

Я подобрала небольшую сухую шишку и попробовала метнуть её. Шишка отскочила от сетки. Я снова подобрала её и бросила опять, но уже по-другому, подкинув так, чтобы она перелетела сетку сверху. Шишка упала в полуметре от парня, брызнул в стороны песок. Парнишка не обернулся. Я взяла ещё одну, покрупнее, и сделала то же самое. Шишка перелетела сетку и ударила парня между лопаток.

Он сначала сжался, потом резко метнулся вперёд и развернулся в мою сторону, не выпрямляясь.

Увидев меня, он вытаращил глаза и замер, всё так же сторбившись.

— Привет! — сказала я со вздохом. — Не бойся, я тебя не съем. Не дотянусь.

Он не поменял ни позы, ни выражения лица. Тогда я повторила ту же фразу по-гатрийски. Парень прищурился.

— Ты гатриец?

Он смешно наклонил голову набок. Ну прямо озадаченный щенок.

Он оказался босоногим, сильно загорелым, поджарым и, несмотря на свой неопрятный вид, симпатичным. Внимательные светлые глаза и тёмные брови, редкая и неровная кучерявистая борода и усы. На вид этому маугли можно было дать лет восемнадцать.

И только сейчас, когда он развернулся, мне стали видны ещё два обстоятельства.

Его левое запястье и правую лодыжку опоясывали браслеты-кандалы, соединённые прочной на вид цепью, позволяющей сидеть, но, вероятно, недостаточно длинной, чтобы стоять и ходить, выпрямившись в полный рост. А правой кисти у него не было вовсе. Культия правой руки примерно посередине предплечья была обёрнута чем-то вроде мешковины, а ткань закреплена жгутом, свитым из сухой травы.

— Ты здесь живёшь? Или тебя здесь держат силой?

Он поджал губы и резко развернулся, сел ко мне боком. На рёбрах с правой стороны были заметны старые синяки.

Я постучала ладонью по сетке. Парень не повернулся. Я отошла правее, туда, где он точно должен был заметить мои движения и снова постучала по сетке. Он посмотрел на меня, мрачно хмурясь.

— Ты не знаешь, где тут можно найти воду? Пить хочу, умираю просто.

Он опять наклонил голову. «А не врёшь?» — говорил его взгляд.

— Ну если нет воды, так и скажи, — вздохнула я. — Дальше пойду искать.

Я повернулась и пошла прочь. С одной стороны парня явно кто-то удерживает в плену. А с другой, он как-то не пытался поискать моей помощи, а сломать забор у меня всё равно не получится.

За моей спиной раздался звон сетки. Я обернулась. Парень стоял у забора, стучал по сетке и смотрел на меня.

— Что?

Он призывно махнул рукой.

Я вернулась к забору.

Парень, согнувшись, чтобы цепь давала возможность идти, быстро поковылял в сарай. Через полминуты он показался снова, держа большую блестящую металлическую кружку. Подойдя ко мне, он поставил кружку на землю и протянул к решётке ладонь, сложенную лодочкой.

— Не поняла.

Он ткнул указательным пальцем в мою ладонь, а потом снова показал лодочку.

Наконец, до меня дошло. А как ещё можно «передать» воду через сетку? Только попытаться налить в ладошку, резко наклоняя кружку.

Я подставила руку. Парень плеснул мне воды.

Он плескал так долго, пока в кружке не кончилась вода. Я пила маленькими глотками из пригоршни. Много просто пролилось мимо, ещё я намочила свитер, и кроссовки, но кое-что мне и внутрь попало. Последними порциями я попробовала умыться.

— Спасибо!

Он пожал плечами и ушёл в сарай, видимо, понёс кружку на место. И действительно, он вернулся и снова подошёл к забору, вцепился левой рукой в ячейки сетки.

— Как тебя зовут?

И опять этот недоверчивый прищур.

— А я — Кира. Я из Йери. Летела в канале и провалилась в слой. Ты знаешь, как это

бывает?

Он слушал внимательно, но никак не реагировал.

— Мне нужно вернуться домой. Через вертикальный канал, конечно же. Но у меня нет карты. Ты не знаешь, кто может мне помочь?

Он внезапно отпрянул, резко оттолкнувшись от сетки, повернулся и захромал, согнувшись, в свой сарай. Я ещё некоторое время постояла, думала, что он выйдет, но парень больше не появлялся. Чем-то мои невинные вопросы его напугали.

Я решила идти дальше. Если я нашла этот странный загон с пленником, значит, я ещё много чего интересного смогу отыскать на своём пути, и может быть даже кого-то, кто не станет шарахаться от моих вопросов и сможет помочь мне дельным советом.

Но недалеко успела я отойти, когда со стороны сарая раздались голоса, крики и металлический лязг.

Обратно я пробиралась по кустам со всей возможной предосторожностью. Очень не хотелось угодить в один загон с тем беднягой. Подобравшись поближе, я попыталась разглядеть, что там происходит.

У пленника было два посетителя, мужчина и женщина, одетые в лёгкую форму цвета хаки без опознавательных знаков. Таких любителей стиля милитари везде хватает, и на поверхности тоже, правда, форма у гвардейцев серая или фиолетовая, но не хаки. Женщина была худой, бесцветной, с короткой стрижкой и мальчишескими чертами, хотя лет ей было уж точно за сорок, как есть старушенция. Мужчина, наоборот, молодой, крепкий, налитой качок.

Когда я заняла свой наблюдательный пункт, женщина внутри загона ходила вдоль забора взад-вперёд, нервно ероша волосы, а мужчина избивал пленника, вжавшегося в стену сарая. Парень был уже похож на тряпичную куклу, только вздрагивал от ударов, и голова его моталась туда-сюда.

Наконец, женщина повернулась к ним.

— Всё, хорош! — хрипло крикнула она по-русски. — Хватит, а то прибьёшь ещё! Пусть посидит, подумает. Пойдём пока.

После окрика мужчина перестал наносить удары, схватил парня за волосы на макушке, взгляделся в его лицо, отшвырнул от себя, а потом равнодушно отвернулся и ушёл за своей крайне недовольной спутницей.

Они вышли в раскрытую створку сетчатого забора, закрыли створку, совместив две трубы — вкопанную в землю и ту, которая образовывала створку. Потом мужчина вынул из кармана ключ, вставил его куда-то в трубу и повернул. Они ушли молча по тропинке, по которой я пришла к сараю от моего разбитого вагона.

Я даже отдалённо не могла себе представить, кто они такие. По всему выходило, что они регулярно наведывались в этот слой и чего-то добивались от несчастного калеки. Видела я их впервые. По замашкам и приёмам это не могли быть агенты курьерской службы. Скорее, терракотовые. Но в их паре командовала женщина, говорящая на чистейшем русском. Гатрийка с абсолютным слухом и талантом к языкам? Но в её возрасте гатрийки давно и благополучно оседают в семейном болоте, а не дослуживаются до командных должностей. Русская наёмница? Это было, конечно, возможно.

Я постояла минут десять, прислушиваясь, не возвращаются ли они, и побежала к запертой калитке. У меня в заднем кармане джинсов всегда лежал маленький швейцарский ножик с полезным набором лезвий. И шило там тоже было. Я нашла замочную скважину и

принялась шарить в ней шилом. Взломщик из меня так себе, но если замок не слишком хитрый, то спокойствие и терпение могут быть вознаграждены. Несколько раз у меня это получалось, когда на заданиях приходилось наткаться на запертые проходы к старым каналам.

Замок оказался очень простой. Минут через пять я его уже открыла. Но пленнику изнутри до скважины никогда бы не добраться, даже с обеими здоровыми руками и шилом впридачу.

Парень был в сознании, но совершенно дезориентирован. Меня он сначала не узнал. А, может быть, как раз и узнал, и поэтому сильно испугался. Я осмотрела его. Открытых ран не было, но похоже, что избивший парня мужчина знал своё дело. Парнишка еле дышал.

— Не бойся, я не с ними. Я тебе помогу.

Он настороженно засопел, свернулся в клубочек и застыл.

Я оставила его и пошла в сарай. Там было темно, свет проникал только через ряд из нескольких отверстий величиной с кулак, что оставили строители в задней стенке. Слева от дверного проёма стояло ведро с водой и кружка. Справа в дальнем углу ещё одно ведро, и запах из него доносился не из приятных.

Зачерпнув воды, я вернулась к парню, дала напиться, плеснула немного ему в лицо, а остатками умылась сама.

Он немного разогнулся, опёрся спиной о стену и опять замер, закрыв глаза.

— Ты как? Живой? — спросила я и тут же ругнула себя. Толку-то разговаривать с глухим, который тебя, к тому же и не видит.

Я тронула его за плечо. Он мгновенно открыл глаза.

— Ты как?

Он только вздохнул и промычал.

— Что они от тебя хотят? За что бьют?

Парень чуть сморщился, словно говоря: «Да неважно, пустяки это всё».

— Пойдём отсюда, проход открыт.

Он отрицательно покачал головой.

— Почему?

Парень неуверенно посмотрел на меня, потом, видимо, принял какое-то решение и что-то написал пальцем на земле. Я изогнулась, чтобы прочесть. Там по-гатрийски было написано в пыли: «найдут».

— Ну можем ведь постараться, чтобы не нашли.

Он опять безнадежно вздохнул и помотал головой.

— Почему?

Парень с трудом наклонился, коснулся пальцем браслета на правой лодыжке и постучал по утолщению в металле.

— Что это? Чип?

Он кивнул.

— А снять эту штуку? Может, я попробую? Я же замок открыла.

Парень задумался. У него вообще было интересное лицо. С одной стороны, юное и свежее, несмотря даже на общую немытость и лохматую небритость, но этот напряжённый и задумчивый взгляд, в котором читалась обречённость, как-то безнадежно старил его.

— Давай попробуем! — повторила я и, вытащив из ножики шило, взяла его за руку.

Он покачал головой и показал на ногу.

— Хорошо, сначала ногу. Давай её сюда.

Немного стесняясь, он развернулся и положил ногу в браслете мне на колени.

Ковырялась я в этой железке очень долго. Сначала мне вообще показалось, что в ней просто нет отверстия под ключ. Но тогда не отливали же металл прямо на ногу. Наконец, я нашла не отверстие, а щёлку, вероятно, под ленточный ключ. Моё шило оказалось для этой щёлки слишком толстым. Пришлось достать из чудо-ножика пилку. Была там такая, не для ногтей, а даже не знаю, для чего в перочинных ножах такие лобзики. Вот она в скважину пролезла. И примерно через полчаса мне удалось нажать каким-то зубчиком пилки на самую важную точку. Замок браслета раскрылся.

Парень уже измучился ждать, но после такого успеха он уже с нетерпеливой надеждой подал мне руку.

Второй раз всегда легче. Копание в наручнике заняло у меня уже намного меньше времени, и он тоже раскрылся.

Парень скинул свои кандалы на землю и несмотря на плачевное состояние широко и радостно улыбнулся.

— Как же тебя зовут? — спросила я его ещё раз.

«Ло», — написал он в пыли.

— Хорошее имя. Недлинное, — улыбнулась я. — А фамилия у тебя есть?

Он сразу же стал серьёзным и покачал головой.

— Ну, как хочешь. Нам лучше убраться отсюда. Ты как, сможешь идти?

Он уверенно кивнул и, держась за стену, встал на ноги, выпрямился во весь свой немаленький рост. Так он стал казаться ещё более тощим.

Пошатываясь, он вошёл в сарай и вынес оттуда ведро с нечистотами. Поставив его там, где только что сидел, он поднял с земли кандалы и с каменным выражением лица утопил их в дерьме.

— Зачем? — спросила я, когда он на меня взглянул.

Ло присел и накорябал: «пусть поищут». Этот паренёк определённо начинал мне нравиться.

— Пойдём, что ли?

Он кивнул и нетвёрдо пошёл к открытой калитке. Кажется, он отвык разгибаться в полный рост.

Мы вышли. Ло прикрыл за собой калитку, посмотрел на меня и пощёлкал пальцами.

— Что? Нож?

Я вытащила шило и подала ему. Но он не взял его сразу, сначала схватил мою руку, положил ладонью на трубы и сжал.

— Подержать? Хорошо, держу.

Тогда Ло взял шило и полез в скважину.

Тысячу раз на моих глазах шилом, проволокой, иглой открывали такие замки. Но чтобы пытались закрыть, да ещё левой рукой, такое я видела впервые. Ло сосредоточенно сжал губы, тыкая шилом в замок. Там что-то щёлкнуло, и калитка, которую я придерживала, встала неподвижно. Ло вернул мне нож. Да уж, в следующий свой визит его мучители будут очень долго его искать.

— Ты знаешь, куда идти? — спросила я.

Он кивнул и махнул мне рукой. Ничего не оставалось, как следовать за ним.

— Кирочка, дверь прикрой поплотнее, сквозит!

Каждый раз, слыша это «Кирочка», я вздрагивала. Никто в жизни никогда меня так не называл.

Но я послушно встала и прижала входную дверь. Две недели подряд была какая-то адская летняя жара. Я загорела на огороде, ковыряясь в грядках с укропом и репой, один раз чуть тепловой удар не получила. А потом вдруг подул резкий северный ветер, пригнал тёмные облака, и они то и дело проливались дождём. И так продолжалось уже несколько дней подряд.

В небольшом каменном домике стало холодно, и Ло зачастил в ближайший лес за дровами, топил камин почти что непрерывно целыми днями, делая перерыв только на ночь. А я сидела дома, приглядывала за Настей и под её руководством готовила еду из того, что росло в огороде.

Когда мне удалось освободить Ло из оков, и через двое суток скитаний по лесу он привёл меня на лесной хутор, я уже была на пределе. Мне казалось, парень заблудился. Я уточняла, всё ли в порядке, не потеряли ли мы дорогу, и, видимо, делала это так часто, что он, наконец, разозлился на меня.

Но я зря боялась. Ло прекрасно ориентировался в лесу, и к своему дому вывел меня смертельно уставшую и зверски голодную, но живую.

Лесной хуторок не был чем-то особенным. За два дня пути мы много таких видели издалека. Обычно это был маленький каменный домик, какие-нибудь пристройки и сарай рядом, большой огород, поле или пастбище. В огородах и на полях что-нибудь обязательно росло, на пастбищах кто-то мычал и блеял, и всё выглядело прямо умильной пасторалью.

Настю я сначала приняла за мать Ло. Они с такой радостью бросились друг другу в объятия, она так рыдала, так целовала парнишку, так уж не могла наглядеться... Но потом я разглядела, что Настя вовсе не пожилая замученная женщина, какой она показалась мне поначалу. Она была старше меня всего лишь года на три-четыре, а значит, в матери Ло никак не годилась. Но и сестрой ему она, как оказалась, не была.

Настя тяжело болела. Она вставала с постели всего несколько раз в день и очень ненадолго, почти ничего не ела, спала некрепко и беспокойно. За те три недели, что я провела в их доме, ей стало чуть лучше, но это, видимо, было из-за того, что вернулся Ло, которого она уже не чаяла увидеть живым.

Когда-то Настя, вероятно, была болтушка. И если бы она была здорова, я услышала бы их историю сразу и во всех подробностях. Но сейчас подолгу разговаривать ей было трудно. Поэтому я всё узнавала постепенно, день за днём.

Настя была когда-то наёмницей с изнанки и попала сюда так же, как попадают в слои все курьеры. Однажды вертикальный канал её не принял и выбросил в здешний слой, в безлюдную лесную чащу. Ей было всего двадцать. Она жестоко переломалась и, наверное, погибла бы довольно быстро, если бы её не нашёл местный охотник. Он её приютил, вылечил и взял в жёны. Детей у них, к сожалению, не получилось. Однажды на хутор пришли залётные, им не понравилось, как их тут встретили, и, уходя, Настиного мужа они просто убили. С тех пор она много лет жила одна. А потом история повторилась. Пару лет назад уже другой канал, горизонтальный, выбросил в лес разломанный вагончик, в котором

был Ло. И ни за что бы он не выжил, если бы всё это не случилось у Насти на глазах. Она мгновенно поняла, что произошло, и сразу же полезла проверить, что с курьером. Счастье, что она не растерялась, увидев мальчишку с практически оторванной рукой. Ещё бы несколько минут, и парень бы умер от потери крови, не приходя в сознание. Но вовремя наложенный жгут спас Ло от смерти, а горячая забота Насти поставила его на ноги.

Мальчик оказался благодарный, добрый и по-юношески пылкий. Настя призналась мне, что поначалу гнала от себя всякие вздорные мысли, стесняясь такой большой разницы в возрасте, а потом поняла, что это, возможно, её последний шанс на счастье. И они были очень счастливы вместе, пока Настя не заболела, внезапно и настолько серьёзно, что за полгода она превратилась в развалину. А когда за месяц до моего появления Ло ушёл в ближайший город за покупками и не вернулся, Настя поняла, что его поймали залётные, и была уже готова к тому, что ей придётся умирать в одиночестве. Неудивительно, что наше возвращение её сильно приободрило. Пока Ло занимался делами, Настя потихоньку рассказывала мне свою историю и особо про Ло, какой он замечательный, умелый, ответственный, как он быстро научился всё делать левой рукой, хоть и не левша, как они терпеливо учились понимать друг друга: оказалось, что Настя почти забыла гатрийский, который никогда и не знала хорошо, а Ло по-русски мог написать пару слов, но не умел читать по губам, если по-русски говорили.

Я слушала всё это, иногда внимательно, а иногда, пропуская почти всё мимо ушей, особенно, когда меня саму начинала распирать моя собственная тоска. Я как представляла себе, что теперь мне всю жизнь придётся провести среди лесов, полей и овечьего блеяния, копаясь в грядке с репой и морковкой, так мне и жить не хотелось. Хотя, кажется, что такого страшного? Чистая природа, зверюшки, экологичная еда с грядки...

— Настя, а кто такие залётные? — решила я уточнить, видя, что Настя выглядит вполне бодренько, а значит, можно и поболтать немного.

— Здесь так зовут тех, кто залетает сюда, — усмехнулась она в ответ.

— То есть, залетает из каналов?

Она кивнула:

— Ну, конечно. Только про каналы местные особо ничего не знают. Только такие, как мы, понимают, откуда берутся залётные.

— И много тут таких, как мы?

— Думаю, много. Но я же тут живу, в город ходила редко, а теперь и вообще не хожу. Наверное, много, но мне за всю жизнь тут несколько человек всего и повстречались.

— Значит, ты, я, Ло — мы все тоже залётные?

— Нет. Мы просто пришлые. Пришли и остались навсегда. Залётные — это те, кто сюда залетает, потом уходит обратно, и снова возвращается.

— И зачем они так делают?

— А на самом деле они здесь всем заправляют. Здесь есть, конечно, своя власть, свои законы, но залётные давно всё под себя подмяли.

— Кто они?

Настя с опаской посмотрела на закрытую дверь, словно за ней уже стояли залётные и подслушивали:

— Знаешь, Кирочка, те залётные, которые моего первого мужа убили, были из наших.

— С изнанки?

— Да. И я спрашивала недавно Ло, кто держал его в плену, он тоже считает, что это

были люди с изнанки.

— А зачем они его держали? Что хотели?

Настя промолчала, закрыла глаза.

— Настя, ну скажи мне, почему вы оба молчите об этом?

— Ло просил никому об этом не рассказывать, и я не стану.

— Думаете, я тоже залётная?

— А кто тебя знает? — с усмешкой заявила Настя и отвернулась.

Она затихла, будто бы уснула.

Я встала и вышла из домика на двор, где Ло раскалывал топориком толстые сучья, собранные в лесу.

Я встала перед ним, и он прекратил махать топором.

— Поговори со мной, — попросила я.

Ло воткнул топорик в колоду и пошагал в угол двора, где у него стоял высокий квадратный ящик, доверху наполненный мелким влажным песком. Он выровнял в ящике поверхность песка тонкой дощечкой, взял в руку длинную ровную палочку и приготовился меня «слушать».

— Ло, если вы оба считаете, что я залётная, я просто уйду и не буду вас раздражать. Покажи мне, пожалуйста, дорогу туда, где кто-нибудь сможет мне помочь с картой каналов.

«все залётные знают здешние карты» — написал Ло на песке.

— То есть, ты считаешь, что я вру? Что я сама залётная и знаю карту каналов? И притворяюсь перед вами?

«это возможно»

— Тогда зачем ты меня сюда привёл?

«возможно и обратное, и тогда ты в беде»

— Так когда ты решишь, наконец, можно мне доверять или нет? — разозлилась я. — Я так не могу больше! У меня там родные, друзья и мужчина, которого я люблю, а я тут застряла! Я не хочу тут торчать, мне надо выбираться отсюда! Можешь мне дорогу в город показать?

Ло тяжело вздохнул, заровнял написанное дощечкой и снова заработал палочкой.

«дорогу могу показать, но если ты попросишь»

«помощи у залётных, они могут и убить»

— Тогда как мне быть?

«я сам отведу тебя к каналу, когда»

«смогу оставить Настю хоть ненадолго»

— Ты знаешь, где канал?

Ло кивнул.

— Давно знаешь?

«с тех пор, как попал сюда»

— Тогда почему ты сам ещё здесь?

Ло выровнял песок и пояснил:

«Насте недолго осталось, я буду с ней до конца»

— А потом вернёшься домой?

Он кивнул.

— Где ты живёшь?

«в Йери, у меня большая семья»

«я тоже очень хочу домой»

«но я не брошу Настю»

— Что здесь делают залётные?

«я не знаю, как было здесь раньше»

«теперь это их база, колония»

— Зачем ты им был нужен?

Ло угрюмо потупился.

— Ло, если бы я была из них, я бы не спрашивала, зачем ты им нужен. Я бы выпытывала то, что им нужно.

Ло решительно выровнял песок ещё раз.

«им нужны каналы»

— Ты же говоришь, они и так знают все пути отсюда.

«они знают старые каналы»

«но им нужны новые»

— И причём тут ты?

«я знаю, где новые каналы»

«я могу их найти на поверхности»

«и на изнанке, и здесь, везде»

И тут до меня, наконец, дошло.

— Ло, ты хочешь сказать... Ты — искатель?!

Он коротко кивнул и поспешно затёр строчки на песке. Потом положил свою палочку на ровную поверхность песка и быстро прошёл в дом.

Я осталась во дворе, присела на низкую скамеечку.

Такого я, конечно, предположить не могла. Это звучало почти, как розыгрыш. Если бы мне кто рассказал, я бы так и подумала. Но я своими глазами видела, как парня лупцевали, а значит, пытались чего-то от него добиться. Конечно, побоями можно добиваться чего угодно, и Ло мог и приврать для красного словца, но почему-то считать его лгуном мне не хотелось. Не похож он был. Зачем бы ему придумывать такое?

Люди, умеющие летать между поверхностью и изнанкой и даже перевозить людей, рождались часто. И их было даже намного больше, чем штатные вербовщики были в состоянии отыскать и заманить на службу. И проводники летали в официальных, учтённых и прекрасно технически оборудованных каналах. А тайная система жила своей жизнью, но её каналы, хоть и неофициальные, тоже были ею учтены и оборудованы.

Рано или поздно курьер-курсант задавал вопрос преподавателю: «А как узнали, что канал находится в этом месте? Что отправляющую и принимающую базы надо строить именно там, где они построены?»

Очень законный вопрос. Курьер принимает на веру тот факт, что если он прыгнет в заводскую трубу — именно в эту конкретную, а не в любую — то вместо того, чтобы разбиться в лепёшку, он пройдёт одну грань, войдёт в канал, потом пройдёт вторую грань и выпадет на принимающей базе. Вот скажут курьеру: в эту трубу... пропасть, скважину, кратер, шахту... прыгать можно, и курьеру ничего не остаётся, только поверить. Потому что можно гасить своим воздействием электронику, но почувствовать, это просто труба или вход в канал — невозможно.

А есть люди — их называют искателями — которые чувствуют каналы. Они чувствуют их близость, находясь вне каналов. Искатель может сказать, что здесь вот один конец

канала, а, прилетев на изнанку, может найти второй конец, потому что он его почувствует и отличит от других. И может такой искатель даже не быть ни проводником, ни курьером. А может и быть.

Нам рассказывали на курсах, что теперь искатели практически не рожаются. А каналы строятся на основе карт, которые древние искатели составляли, уединившись от мира в монастырях на поверхности и на изнанке. Когда-то искатели сами делились картами с властями. Но потом на поверхности был тяжёлые тёмные века, когда монастыри были уничтожены, а карты частично пропали, частично были переданы в архивы. Архивными картами до сих пор пользуются имперские департаменты поверхности. А пропавшими картами, я теперь так понимаю, очень прекрасно пользуется тайная система. Именно поэтому имперские официальные каналы известны всем, кому положено знать, а тайные каналы — только избранным, и терракотовые отыскать их не могут: карт нет, почувствовать каналы больше никому, а усиленное электромагнитное поле от работающего оборудования на базах наловчились умело маскировать.

Говорили, что в имперских архивах достаточно старых монастырских карт, по которым ещё можно оборудовать новые каналы. Видимо, у соратников Марека тоже запасец имеется, сделали же они новый тайный канал в Стокгольм. Кому же тогда понадобился живой искатель, а самое главное, как они умудрились узнать, кто он и где он?

Пока я размышляла, Ло опять появился во дворе и поманил меня к своему ящику.

«Настя неплохо себя чувствует»

«она разрешила мне проводить тебя к каналу»

— Спасибо, Ло! Это здорово! Когда пойдём?

«прямо сейчас, если хочешь»

— Конечно, хочу!.. Ло, а кто эти залётные, которые держали тебя в загоне?

«они с изнанки»

«все залётные с изнанки»

«гатрийцев среди них нет»

— Значит, новые каналы нужны кому-то на изнанке?

Он хмуро кивнул.

Это было что-то новенькое. На изнанке довольно много народу было в курсе, как устроено мироздание, и высоко во власти таких людей тоже было немало, и они пользовались всеми привилегиями этого знания. Похоже, кому-то из них чего-то стало вдруг не хватать.

— А как же они на тебя вышли?

«в детстве сдуру показал пару фокусов»

«кто-то это запомнил»

«и не сам я сюда вывалился, помогли»

«залётные канал испортили»

— Ты так думаешь или знаешь?

«они между собой об этом говорили»

«думали, я не понимаю»

— Но Настя сказала, ты не читаешь русский по губам.

«я ей так сказал»

«на самом деле читаю»

— Почему тогда на меня не отреагировал, когда я с тобой вначале по-русски

заговорила?

«думал, ты из залётных»

— А почему Настю обманул?

«сначала тоже ей не верил»

«потом стыдно было»

«да и неважно потом стало»

«всё равно уже понимали друг друга»

— А получается, они тебя больше года искали, прежде чем нашли? И сейчас опять за три недели уже найти не могут?

«мой гатрийский чип сгорел в испорченном канале»

«что на жилище не вышли, это просто везёт пока»

«в лицо они меня знают»

— Домой бы тебе, Ло, и срочно...

«я же сказал: сначала Настя»

«я не брошу её, а она канала не выдержит»

«я её люблю и останусь до конца»

Ло подошёл к краю обрыва и поманил меня. Я встала рядом с ним.

Бездонная пропасть. Огромная гранитная труба, со стен которой местами срывались струйки воды.

Ло повернулся ко мне, сделал левой кистью сложное движение, будто кто-то прыгает, падает, потом закручивается в спираль и, наконец, шлёпается вниз.

— Оборудованный вертикальный канал?

Он кивнул.

— Не врешь? — усмехнулась я.

Ло отрицательно качнул головой.

Что ж, придётся поверить искателю. Или тому, кто называет себя искателем. И уповать на то, что внизу и вправду нет дна.

— Спасибо тебе, Ло.

Он опять качнул головой и пожал плечами, мол, взаимно.

— Так, может быть, ты хочешь что-нибудь передать родным в Йери? Я найду их, запросто!

Ло присел на корточки и на небольшом участке скалы, засыпанном песком, написал пальцем:

«не надо обнадёживать»

«вдруг опять сцапают»

«если вернусь, то вернусь»

— Тогда найди меня в Йери, если вернёшься. Меня зовут Кира Вайори.

Он вежливо поклонился и грустно улыбнулся.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я подошла к самому краю, оценила крутизну гранитной стены, отошла на несколько метров для разбега. Взглянула на Ло. Он ещё раз улыбнулся мне и поднял вверх два пальца в виде буквы V.

Я разбежалась и прыгнула в пропасть. Падение, знакомый удар под дых, полёт...

Вертикальные каналы проще только в том смысле, что не нужен никакой разгонный модуль. Прыгнул, упал и полетел. Но принимающая часть вертикального канала — штука очень сложная. А ну-ка, летишь ты вот так с невероятной скоростью между двух измерений, от грани до грани, а потом тебе же надо затормозить, иначе выпадешь из трубы на поверхность — и прямо в мокрое место. Принимающая часть вертикального канала обычно изгибается, чуть ли не в тугую спираль закручивается, и там создаются противодействующие воздушные потоки, которые гасят твою скорость, и ты выпадаешь из приёмной трубы не быстрее, чем с водяной горки в аквапарке. Внизу в незапамятные времена яму с опилками делали, потом полиуретановые маты выкладывали, в последнее время аквагелевые амортизаторы стали расставлять.

Принимающие потоки работали, погасили скорость, но всё равно, шарахнуло меня о полиуретан со всей дури. Так всегда бывает, когда в канал ныряешь с полдороги, из срединных слоёв.

Я с трудом расстегнула карман на куртке и вытащила телефон. Он включился, но экран долго-долго было просто белым. Я подумала, что не дождусь, вырублюсь. Но всё-таки

телефон показал минимальный остаточный заряд, а потом всплыла экранная заставка и две антенны с логотипом сотовой станции Йери. В глазах темнело, но список контактов я всё-таки сумела открыть и найти Марата.

— Кирюша? — неуверенно ответил Марек.

— Я, бро...

— Родная моя... — выдохнул он. — Где ты, систер?!

— А хрен знает, бро... Меня сейчас вырубит. Ищи по пеленгу...

Я опустила руку с телефоном и позволила себе не сопротивляться обмороку.

Тем более, что это оказался не обморок, а сон. Мне снился Йан. Суровый, строгий, он безжалостно отчитывал меня за неосторожность, ругался и кричал, а я пыталась сказать ему, что не виновата, что я делала всё правильно, просто канал оказался непригодным. Он не слышал моих оправданий, и я плакала от отчаяния. Сон был на удивление длинный и тягучий, но оборвался внезапно, и в уши сразу ворвались тысячи звуков. Это были больничные звуки. Приглушённый писк аппаратуры, звяканье металлических инструментов друг о друга и о контейнеры, поскрипывание колёс у тележек. Я включила привычные звуковые фильтры, и поняла, что вокруг тишина, только чьё-то мерное сопение неподалёку.

Дышалось легко и свободно. Я открыла глаза, и вокруг оказалось много солнечного света и воздуха.

Потолок, весь в миниатюрных гранёных пирамидках, я сразу узнала. Главный госпиталь столицы, место для лечения богатеев, знати, государственных служащих и наёмников, здесь такой потолок во всех помещениях, от приёмного покоя до операционных. За те годы, что я провела на поверхности, мне несколько раз приходилось валяться здесь на койке и рассматривать этот потолок.

Сейчас первой эмоцией было облегчение. Если я и расшиблась, вылетев из принимающей трубы, то всё ж не насмерть.

Я закрыла глаза, сосредоточилась на своём теле. Ничего не болело. Пальцы сжимались в кулаки. Стопы шевелились, ноги в коленях сгибаться не отказывались. Уже хорошо. На моём лице не было никакой маски, значит, никто не опасается, что я внезапно могу отдать концы.

Я снова открыла глаза и осмотрелась.

В маленькой светлой палате не было никакой особой аппаратуры. Только небольшой пульт общей диагностики, от которого ко мне тянулись три провода.

В углу на больничном стуле-раскладушке — такой тут выдавали посетителям, остающимся с пациентами на ночь — спал мужчина в джинсах, чёрной флисовой толстовке и тяжёлых зимних кроссовках. Солнце из окна светило прямо на него, поэтому он предусмотрительно закрыл лицо раскрытой книжкой. Это был большого журнального формата «Иллюстрированный русско-гатрийский разговорник для начинающих». Одна рука мужчины свешивалась вниз, другую он бросил на грудь, и я хорошо видела его узкую длинную кисть и пальцы в веснушках.

— Миша!

Он вздрогнул, дёрнулся, книжка упала на пол.

Через секунду он уже стоял надо мной, радостно улыбаясь, но не осмеливаясь даже пальцем коснуться.

— Наконец-то, — с облегчением вздохнул он. — Добро пожаловать! Минус одна жизнь, но надеюсь, у тебя их ещё есть в запасе...

Я подняла руки, ухватилась за его шею, взъерошила рыжие вихры на затылке.

— Ты откуда взялся, Мишенька?

— Твой брат привёл, откуда же ещё?

Он, наконец, поверил в то, что я не развалюсь на запчасти прямо у него на глазах, и, присев на край койки, обнял меня, просунув руки мне под спину.

— Как ты? — прошептал он тихонько.

— Да не пойму пока. Миш, мне ещё что-то надо объяснять, или Марек тебе всё рассказал?

— Ничего не надо, — вздохнул он. — Рассказал. Чего только не рассказал. Когда я тебя не дождался ни завтра, ни послезавтра, проклял уже всё на свете, и вдруг случайно дозвонился до Марата. Он приехал. Сказал, ты пропала. Скорее всего, погибла. Мы всю ночь водку глушили, и брат твой мне небылиц всяких наговорил. Я, честно говоря, ни одному слову его не поверил, решил, что он по пьяному делу горазд врать всякое. А утром он ушёл и три недели я ничего не знал. Потом он сам позвонил и сказал, что ты нашлась, жива, и что, если я хочу тебя увидеть, он может забрать меня с собой... на поверхность. Мне как-то было всё равно, куда... И вот я здесь.

— И как тебе?

— Да я не видел ничего толком. Приехали на эту... на базу... ночью. Сюда добрались тоже по темноте. Так я никуда и не выходил. Сижу тут, неделю уже. Жду, пока тебя из комы выведут. Книжечку вот дали... любопытную... Я уже несколько фраз выучил!

Я подалась к нему, сомкнула руки на его шее и разревелась. Чем крепче он обнимал меня и чем горячее шептал мне в ухо какую-то ласковую чепуху, тем сильнее лились слёзы.

За этим мокрым делом нас и застал Марат. Когда я смогла оторваться от Миши и расцепить руки, брат, видимо, уже довольно долго стоял в палате и терпеливо спокойно ждал, когда на него обратят внимание.

— Мишенька, дай нам поговорить наедине.

— Конечно. Ты только не бей его, — усмехнулся Миша и вышел из палаты.

Марек подсел на его место, я села на койке и молча обняла брата, прижавшись к его плечу, и закрыла глаза.

— Прости, бро, — сказала я через некоторое время. — Не хотела тебя пугать. Так вышло.

— Напугать ты умеешь, что есть, то есть, — вздохнул Марек. — А знаешь, что самое страшное?.. Когда у самого ничего не выходит, и помощи просить нельзя...

— В смысле?

— Я сразу отпуск взял. Просил две недели. Дали одну. Стал в слои нырять, во все подряд, какие подвернулись. Возвращался через старый заброшенный вертикальный канал, хорошо, что я о нём знал, получалось довольно быстро. Сколько успел, за неделю облазал, потом, когда на службу вернулся, получилось ещё немного слоёв проверить в свободное время. Ничего не нашёл, никаких твоих следов, только несколько старых скелетов... И понятно, что просто пролетел мимо, в самый-то нужный слой и не попал. И если бы было несколько спасателей, то шансы многократно возросли бы. А никого вызывать нельзя, нельзя раскрывать канал. Несмотря на то даже, что я сразу же отдал приказ сворачивать работу на базах... В общем, не нашёл я тебя. Чуть умом не тронулся... Звонок твой — чудо. Ты сама — чудо, систер. Как только у тебя это получается?

— Что получается? Проблемы всем создать? Это, бро, само выходит. Без усилий.

— Главное, что ты вернулась. Остальное — ерунда.

Я кивнула. Марек ещё раз внимательно меня осмотрел.

— Неплохо они тебя подлатали, выглядишь значительно лучше, чем неделю назад.

Узнаю сейчас, когда можно будет тебя забрать.

— Я правильно поняла, вы забросили базы?

— Да. Канал беглецов больше не работает. Мало того, что дорого, трудоёмко и неэффективно, так теперь ещё и опасно.

— А что случилось? Канал просто зарос на глазах.

Марат пожал плечами:

— Вот по моим личным ощущениям, он не зарос. Он испорчен внешним воздействием. Намеренно.

— Кто мог это сделать?! — спросила для того лишь, чтобы узнать мнение Марека.

— Ну уж не террактоты точно, — уверенно сказал Марек. — Им смысла нет это делать, если уж они отыскивали тайный канал, им проще прислать отряд карателей. Два отряда — сюда и в Приозерск.

— А кто, если не террактоты? Зачем вообще портить нормальные работающие каналы?

— Для того, систер, чтобы они стали неработающими. Значит, есть кто-то, кому это нужно.

— Для чего?

Марек нахмурился:

— Тебе делать нечего, Кирюш, мозги напрягать на пустом месте.

Мне показалось, Марек просто спускает моё любопытство на тормозах.

— Если вы прикрыли базы, что тогда с людьми? Куда ты их дел?

— Пока распустил. Со здешней базы осторожно вывезли всех. На изнанке люди сами по домам разошлись. Шокер со своим табором сюда вернулся, на его счёт у начальства планы.

— Слушай, а зачем ты Мишку притащил?

Марек развёл руками:

— Ну а как иначе? Парень рыдал, сначала от горя, потом от счастья. Не мог я его не притащить.

— Ох, Марек, ну что ты у меня такой дурной...

— А что не так? — искренне удивился он.

— Да не люблю я этого мальчика, бро, — призналась я виновато. — Ну, дома ладно. Но здесь он мне совсем ни к чему.

Марат тяжело вздохнул:

— Не торопись. Смотри, как он над тобой трясётся. Славный парень, надо брать...

— Эх, Марек, сводник из тебя — никакой, — с раздражением отмахнулась я.

— Я же тебе счастья желаю, — Марат опять вздохнул. — Ну, извини, если опять всё неправильно сделал.

— Да ничего, я разберусь... А Шокер?..

— Что Шокер?

— Он знает, что я здесь? Ты ему сказал?

— Зачем? Его-то какое дело? — фыркнул Марек.

— Бро, ты дурак?!

Наверное, что-то было в моём голосе, что заставило Марека призадуматься. Он пристально посмотрел на меня, потом медленно кивнул:

— Похоже, дурак, Кирюша. Извини... Я ему позвоню.

Я хотела было сказать, не надо, мол, что уж теперь, сама позвоню. Но поняла, что не могу сама. Пусть лучше Марек.

— Да, бро, позвони, пожалуйста. Человек же волнуется... наверное.

Марек ушёл, а Мишка снова вернулся в палату, принялся рассказывать мне о разных смешных пустяках, случившихся с ним за эти дни на поверхности. Пытался развеселить, держал меня за руку и смотрел так тревожно и трогательно, что у меня опять появились эти опасные мысли, к которым так настойчиво подталкивал меня Марат: славный парень, надо брать...

Не прошло и получаса, как в палату без стука ворвался Шокер, увидел нас вдвоём и остановился на пороге.

По его лицу кто-нибудь посторонний не заметил бы ничего особенного. Но я уже знала, как читать эти черты. Эти едва заметные движения... Гремучая смесь безотчётной радости и возмущения.

— Почему мне сразу не сказали? — процедил он, глядя на меня. — Почему никто мне не позвонил? Какого чёрта?!..

— Извини, Марат не догадался.

— Ладно, проехали... — Шокер, наконец, отлип от косяка и быстро пошёл ко мне.

Я приподнялась, протянула к нему руку и, когда он склонился, чмокнула в щёку.

— Здравствуй, Шокер!

Он тяжело, прерывисто вздохнул и потёр ладонью моё плечо.

Я сразу же отстранилась и повернулась к Мише.

— Миша, познакомься с моим другом. Я тебе о нём рассказывала.

Миша чуть приподнял брови:

— А, я понял, — коротко кивнул он и, привстав, неторопливо протянул руку Шокеру. — Михаил!

— Андрей! — отозвался тот и, оглядев всех, перевёл взгляд на меня. — Кира, можно тебя на пару слов?

— Да, конечно, — я посмотрела на Мишу. — Мишенька!..

— Пойду повоюю со здешним кофейным аппаратом, — сказал Михаил. — Хитрая штука. Адская машина...

Он тихонько вышел в коридор.

Едва за ним закрылась дверь, Шокер сграбастал меня в охапку:

— Как бы я жил, если бы ты никогда не вернулась? — проговорил он задумчиво. — Всё это время я был уверен, что своими руками сгубил тебя...

— Шокер, уймись! Никто не виноват во всём этом, кроме грязи в канале!

Знать о том, что кроме грязи виноват кто-то ещё, Шокеру пока не стоило. Без серьёзных доказательств мои слова — просто слова.

Он в ответ на мои утешения покачал головой:

— Да знаю я всех виновников, что уж там!

Я освободилась из его рук и сказала построже:

— Андрюша, ты осаживай своё богатое воображение! Нельзя так.

Он закрыл глаза и кивнул.

— Как твой малыш? Ему же месяц уже?

— Да. Завтра месяц... Он в порядке. Уже что-то весит, чувствуется, когда на руки

берёшь, — улыбнулся Шокер.

— А остальные?

— Всё по-прежнему. Нормально.

Я смотрела на него, и у меня предательски щипало в носу.

— Извини, что тебе только сейчас позвонили.

— Да всё правильно. Выбравшись, ты сразу позвонила Нарратору, а кому ещё звонить, как не брату? И кому сидеть с тобой в госпитале, если не мужу? Я здесь совершенно лишний.

Я погладила его по щеке:

— Я очень по тебе скучала.

Он хотел что-то сказать, но вошёл Мишка с двумя парящими стаканами кофе.

— Не принёс третий стакан не потому что я жадный, — проговорил Мишка. — Тем более, что кофе бесплатный... Просто там стаканчики кончились.

— Я не в претензии! — поспешил заверить Шокер.

— Кира почти месяц кофе не пила, поэтому один стакан ей, — продолжил Мишка и подал мне стакан. — А мне тут ещё сидеть и сидеть, поэтому второй стакан мне. Так что не до церемоний и этикетов. Без обид? — Мишка со вторым стаканом присел на свою раскладушку.

— Абсолютно без обид, — искренне улыбаясь, подтвердил Шокер. — Тем более, что мне пора. Поправляйся, Кира!

— Увидимся, Шокер! — кивнула я.

И снова был этот взгляд-объятие. А потом Шокер вышел.

Я хватанула горячего кофе и обожглась. Теперь выступившим слезам можно было не искать других правдоподобных объяснений.

* * *

— А вот там были мои апартаменты в общежитии, целых десять лет!

— Где? — заинтересовался Мишка.

Я ткнула пальцем в многоэтажный корпус:

— Смотри: седьмой этаж, третье и четвёртое окна от угла.

— Вид, наверное, шикарный оттуда.

— Пожалуй. Но он примелькался за несколько месяцев, и потом уже так не впечатлял.

Мишка ещё раз глянул на мои бывшие окна, и мы побрели в направлении канала. Прогулка по морозу несколько затянулась.

Я забыла перчатки, и как не прятала руки в рукава куртки, пальцы всё равно застыли. Поэтому, когда зазвонил мой телефон, вынуть его и ответить оказалось совсем непросто.

— Я слушаю, — буркнула я, раздосадованная борьбой с телефоном.

— Привет, Апрель! — услышала я голос Лиса, который показался мне каким-то через чур энергичным.

— Здравствуй! Ты что такой взведённый?

— Дык!.. Ёлы!.. — гаркнул Лис. — Слушай, подруга, ты можешь прийти сейчас?

— Куда?

— К нам. К Шокеру домой.

— Зачем ещё?

— Наша Валюха... это чудо природы... решила-таки рассказать отцу о своей большой и чистой любви. Я боюсь, как бы не дошло до детоубийства.

— О, Господи! А я-то вам чем помогу?!

— А командир любому из нас способен врезать, но не тебе, я так думаю. Может быть, у тебя получится его успокоить.

— Адрес какой?

Лис назвал. Это было совсем рядом с набережной канала и не так уж далеко от моего дома.

Вдвоём с Мишкой мы добежали до дома Шокера минут за десять.

По сравнению с моим, этот дом был просто огромный, белокаменный, со множеством крыльев-отростков, с большим заснеженным садом.

Лис в наброшенной на плечи куртке встречал нас на парадном крыльце и нервно покуривал.

— Ну что у вас тут? — спросила я, взбежав по ступенькам.

— Валюха пошла к Шокеру, он как раз был в библиотеке. Ну и понеслось... Крики, вопли, шум, грохот... Потом стихло всё, намертво. Скай не вытерпел, туда пошёл. И началось по новой: вопли, грохот... Сейчас опять тихо. Лали с мальцом сидит в детской, боится нос высунуть. Да что там Лали... — вздохнул Лис. — Верить, нет — я боюсь туда сунуться. Не за себя боюсь. Я там что-нибудь страшное увидеть боюсь.

— Да ну тебя нафиг! — возмутилась я. — Что ты из Шокера чудовище делаешь? Ну, он, конечно, тот ещё деспот, но не до такой же степени! Где там эта библиотека?

— Пойдём, покажу. Тут такой дворец — заблудиться, как дважды два...

Мы вошли в шикарный огромный холл в стиле хай-тек, сбросили верхнюю одежду на скамеечку и побежали вверх по лестнице.

— Это кто, кстати? — недоверчиво покосился Лис на Мишку.

— Муж мой. Ты ему давеча привет передавал.

Мишка уставился на меня, даже споткнулся на ступеньках. Я сделала ему страшные глаза.

— Вот, — Лис указал на двухстворчатые двери в одном из коридоров, отходящих от лестничной площадки.

— Хорошо, — я повернулась к ребятам. — Ну-ка идите отсюда, оба.

— Отважная у тебя жена, — сказал Лис Мишке и махнул ему. — А пойдём-ка, выпьем за знакомство.

Я открыла дверь, стараясь сделать это негромко, и бочком протиснулась в библиотеку.

Ну, что можно было сказать при первом беглом осмотре помещения: главное — книги не пострадали. Ряды книжных стеллажей, опоясывающие комнату, стояли целые и невредимые.

Но зато... Массивный письменный стол, наверняка из дерева редкой породы, никак не мог стоять боком. Но он-таки был странно развёрнут, а всё, что, видимо, на нём прежде лежало и стояло, сброшено на пол. Несколько лёгких плетёных кресел валялись вверх ножками в самых неожиданных местах, а небольшой овальный столик лежал на боку, и одна из его четырёх ножек была отломана.

На полу рядом с письменным столом сидел Шокер, согнув ноги, упираясь локтями в колени и сцепив пальцы на затылке. Он низко наклонился и смотрел в пол.

Рядом с ним на коленях стояла Валея, заботливо гладила его по спине и шептала:

— Папочка, родной, успокойся, всё будет хорошо, я тебе обещаю... Не волнуйся, нельзя так волноваться, ну что ты? Давай, я всё-таки тебе успокоительного накапаю? Давай? Немножко? Тебе полегче будет...

Шокер слабо помотал головой и что-то неразборчиво простонал.

Скай, как всегда в таких случаях, бледный и в багровых пятнах, стоял поодаль и на его лице было написано нешуточное страдание.

— Командир, — Скай шагнул вперёд и присел на корточки с другой стороны от Шокера. — Командир, ты правда в порядке? Валя, может, скорую вызвать?

Шокер взмахнул руками, и Ромео с Джульеттой отпрянули в разные стороны.

— Валя! — завопил Шокер. — Ну как?!.. Как я могу доверить твою жизнь этому... этому...

— Кому «этому»?! — возмутилась Валея. — Папа! Я поверить не могу, что это говоришь ты! Да, Скай не знатного рода. Но ты же сам всегда мне говорил, что титул в наше время — фикция!

— Титул-то фикция, — Шокер с трудом вздохнул. — Но есть вещи поважнее титула! Как я могу доверить тебя человеку, который не может... не может вовремя оформить шенгенскую страховку!!!

— Страховку?! Папа! Это страховка-то важнее титула?!

— Да, детка, вот в данном случае важнее! — уверенно сказал Шокер. — Потому что такие проколы характеризует человека лучше всяких титулов. Как я могу доверить тебя человеку...

— Папа, хватит!

— Командир!

— А ну, не перебивайте меня! — зловеще прошипел Шокер.

Ребята примолкли.

— Согласия на брак я не даю. Сделаете всё мне вопреки — больше на глаза мне не попадайтесь, — сурово сказал Шокер. — Я не шучу.

— Мы и не собираемся, — заявила Валея. — Я не выхожу замуж, папа. Ты что, меня не слушал совсем? Просто мы со Скаем любим друг друга и решили быть вместе. Поэтому я в его комнату переселяюсь. Я всего-то хотела, чтобы это не стало для тебя неприятной новостью.

— А чем это теперь для меня стало, как ты считаешь? — холодно уточнил Шокер.

— Это, папа, обстоятельство непреодолимой силы, — уверенно сказала Валея. — Если я что-то решила, то так и будет. Это моя жизнь, папочка. Ты имеешь право быть в курсе, и я тебе сообщила. Уважай моё решение, пожалуйста!

Скай посмотрел на свою любимую с невыразимой гордостью и приосанился.

— Нет, ну что ж это такое, — пробормотал Шокер и снова начал принимать позу эмбриона.

— Папочка, успокойся! — Валея бросилась ему на шею. — Скай теперь всё будет делать вовремя! И страховку оформлять, и просыпаться, и носки менять, и всё-всё-всё! Я прослежу!

Шокер снова поднял голову. И увидел меня.

— Ты зачем здесь? — растерянно проговорил он.

— Вопли твои слышно не только во всём Йери, но даже на изнанке.

— Зачем ты здесь? — повторил Шокер.

— Пришла ребят навестить. А то с тобой я виделась, а с ними нет. А у вас тут что? Что-

то интересное, как я посмотрю...

Шокер внимательно осмотрелся.

— Скай, Валея, а ну-ка, выйдите отсюда! — скомандовал он.

Они оба испарились в одну секунду.

Шокер тяжело поднялся на ноги и стал обходить комнату, ставя на место кресла. Сломанный столик он отставил к дальней стене, передвинул громадный письменный стол на его законное место и стал подбирать всякие мелочи с пола.

— Тебя сюда кто-то позвал? — прозвучало даже не как вопрос.

— Ребята испугались за Валею.

— Бред какой! Никогда её пальцем не трону.

— А это? — я повела рукой. — Разгром устроил...

— Ну куда-то надо было пар спустить. С наименьшими потерями.

— Андрей, ты с ума сошёл? Так себя надрывать, и ради чего? Девочка выросла, вот и всё.

— Это не твоё дело, — отрезал Шокер, не поворачиваясь ко мне.

— Валея — да, не моё дело. А ты — моё дело. Не смей так с собой поступать!

— Хорошо, не буду, — равнодушно подтвердил он, подошёл к столу, стал раскладывать предметы. Но тут же снова взвился. — Не понимаю! Моя девочка — и Скай! Как так?! Скай!.. Нет, он, конечно, добряк и очень заботится о тех, кого любит, но... Он же рохля, Кира! Во всех смыслах! Невежда, лох и рохля! Только и умеет, что стрелять и драться. Что такая умница могла в нём найти?! У меня не укладывается это в голове!

— Мы с тобой тоже не укладывались в голове Йана. Но он мебель не ломал. По крайней мере со мной. А с тобой?

— Дал мне в морду разок, — мрачно отозвался Шокер. — Я не смог отказать ему в этом удовольствии.

Открылась дверь, и вошла Валея со стаканом.

— Папочка, выпей, пожалуйста!

Шокер взвёл глаза к небу.

— Пей, пей, — сказала я. — Нервы беречь надо. Они тебе ещё пригодятся. А я пойду всё-таки с ребятами поболтаю. Пока, Шокер!

Я вышла из библиотеки. Больше я там была не нужна. Да и вообще я там была не нужна с самого начала. Валея прекрасно справилась бы сама, характер у девочки ещё круче, чем у отца.

Я спустилась вниз в небольшую гостиную, где со стаканами посиживали Лис, Скай и Мишка.

— Берегите командира, ребята, — сказала я, входя. — Кажется, всё обошлось. Я больше не нужна? Тогда мы пойдём.

Лис потащился нас провожать.

— Всё хотел спросить тебя, — обратился он ко мне уже у самого выхода. — Как ты выбралась? Я же тебе карту не давал. И у Шокера ты не просила. И у брата не просила. Тогда как?

— Встретила человека, у которого была карта, — пожала я плечами. — Ну, она была привязана к другому каналу, разумеется. Но покрывала всю нужную местность. Повезло.

— А, — кивнул Лис. — Ясно... А то я, пока в ловцах ходил, этим всем не интересовался, а теперь как-то стыдно, что тёмный такой... А что за человек, у которого

была карта? Откуда он там взялся одновременно с тобой?

— Там вообще очень много народу, Лис, — отмахнулась я от него. — Так, женщина одна, немолодая уже. Когда-то завязла в слое и решила там остаться. А карта у неё до сих пор с собой, на всякий случай.

История сочинилась сама собой. Рассказывать о мальчике по имени Ло мне совершенно не хотелось.

— А, ясно, — снова важно кивнул Лис. — Ну ладно, очень рад был тебя увидеть, подруга. И муж у тебя приятный.

Мишка, уже уставший топтаться на морозе и ждать, пока Лис от меня отстанет, встретил меня нетерпеливой гримасой.

— Пойдём уже... домой. Твои друзья, наверное, классные, но мне общаться с ними неудобно. Особенно с этим Лисом.

— Почему?

— Вопросов много задаёт, а ответов не слушает. Зачем тогда спрашивает?

— Из вежливости. Или, может быть, занять тебя хотел, пока меня не было.

— Вот уж я повеселился, — угрюмо кивнул Мишка.

Гатрийская свадьба — ужасно скучная затея. Полдня помирать на долгой торжественной службе в церкви, а потом — на банкете с чопорными танцами. Ни тебе напиться, ни покурлесить.

Правда, в случае с Марекком всё обещало быть немного лучше, чем на обычной гатрийской свадьбе. Всё-таки Марек — бывалый агент, пол жизни проведший на изнанке, да и многие его нынешние терракотовые коллеги были такими же, а значит можно было ожидать поистине безудержную попойку: не со сладкими коктейлями, а с мартини и даже с коньяком. Никто бы не осудил молодых героев, вынужденных перенять образ жизни тех, среди кого им пришлось вытворять всё, что прикажут, во славу родины.

Ради брата я второй раз в жизни серьёзно поступилась своими твёрдыми убеждениями: купила себе модное платье. Зелёное. С туго обтягивающим лифом и широченной подвижной юбкой-колокольчиком. На изнанке в таких шестилетки на выпускной в детсад ходят.

С Мишкой тоже пришлось повозиться. Он краснел, бледнел и отказывался идти подбирать наряд. Я сказала, что без него никуда не пойду, а с ним таким тоже не пойду, потому что из-за его толстовки и кроссовок сторю со стыда. Поэтому, если он не хочет, чтобы из-за него я обидела Марата, он пойдёт со мной в бутик и позволит его принарядить.

Мы были красивой парой. Моё зелёное платье великолепно подходило к Мишкиным огненным вихрам, а его вишнёвые штаны от подмышек шли просто ко всему, мимо чего он проходил. Меня разбирал смех, едва я представляла, как выгляжу со стороны. Мишка же всё время меня одёргивал и убеждал, что я выгляжу замечательно.

И всё же, несмотря на его убеждения, я не решилась быть в центре внимания и всё время отиралась где-то на задворках торжества. После заунывного действия в гатрийской церкви все гости перебрались в один из фамильных домов семейства Клайар и расслабились. Я урвала момент, когда молодые были практически наедине и лично поздравила их. Марек растрогался, для него это вообще оказалось плёвым делом. Сентиментальный у меня бро... А общаться с Ритой я боялась, поэтому моё ей поздравление прозвучало не очень-то душевно. Но Рита была любезна, и на мои угрюмые извинения за то, что нам с ней пришлось породниться, ответила с подковыркой, мол, зато этого мужа я у неё точно увести не смогу.

Столик я выбрала в самом дальнем и тёмном углу зала, и пока нормальные люди мило общались, шутили, участвовали в каких-то идиотских конкурсах и танцевали, я, не вставая из-за стола, надралась. Миша пытался с этим что-то сделать, но не смог.

Надраться, как известно, можно по-разному и с разным же результатом. Большинство женщин, перебрав, теряют двигательные реакции. Что называется, голова ещё всё соображает, а вот ноги уже заплетаются. У меня, надо признаться, всё бывает с точностью до наоборот. Я вполне владею своим пьяным телом, оно прекрасно слушается моей пьяной головы. А вот чего при этом слушается голова, о том я в тот момент не задумываюсь, а после не помню и даже вообразить себе не могу.

Белый мартини был просто отпад. Эксклюзивная партия с изнанки, Марек признался, что сам лично вёз, никому не доверяя. Гигантские зелёные оливки были местные, и настолько жирные, мясистые и вкусные, что я только и делала, что отправляла в рот одну за другой и запивала мартини.

— Кир, давай завязывай, — уже в который раз попросил Миша, когда я подозвала

официанта и сняла с его подноса ещё два бокала, а ему вернула четыре пустых.

— Миша, у меня единственный брат, и это его первая свадьба, я могу за него порадоваться, как ты считаешь? И в конце концов, я сижу себе смирно, никого не трогаю. Что ты дёргаешься?

— Боюсь, мне придётся тебя отсюда нести, — буркнул Миша.

— Ты сильный, справишься.

— Я-то справлюсь, но, по-моему, для леди это не лучший способ покинуть вечеринку.

— П-ф-ф, — отмахнулась я и снова занялась разглядыванием гостей.

Гостей, мне знакомых, было немного. Из терракотовых — Файр Альдон. Он пришёл позже, был сусально вежлив и что-то долго говорил, поздравляя молодых. Из родственников со стороны жениха, кроме меня, приехал отец Марека с женой. Мне и в голову не пришло бы этому удивляться, но лорду Дарену Вайори удалось-таки меня удивить. Он заметил меня, подошёл к нашему столику, обнял, расцеловал и назвал дочкой. Слава Богу, что в этот момент я была ещё трезва, как стёклышко, а то было бы стыдно. Он, кстати, тоже был трезв, что делало его порыв совсем уж странным. Я была уверена, что, если бы не просьба Марата, чихать лорду Дарену на меня. Лишний раз вспоминать о своей потере — да кому это надо...

Со стороны невесты главной гостьей была Валея. Юная красавица всколыхнула всех холостых жеребцов, и они весь вечер усердно били копытами. А далеко от меня, на противоположной стороне зала за столиком я заметила Шокера и Лали. Лали была немного бледна, слегка заторможена и на людей поглядывала с недоверием, впрочем, это было её обычное состояние. Шокер сидел немного грустный, но вежливо отвечал, если кто-то из знакомых пытался о чём-то его расспрашивать. И впервые в жизни я видела его в этой нелепом ультра-модном гатрийском наряде. Его брюки от подмышек были ещё шикарнее, чем у Мишки, хотя, кажется, это было невозможно.

Музыка звучала постоянно, в зале всё время танцевали. Распорядитель торжества время от времени что-то объявлял. Мне было не то чтобы скучно, нет, наоборот, интересно. Но одно меня раздражало. Шокер. Шокер и Лали. Кто-то ведь совсем недавно говорил, что не собирается изображать с Лали семью. Так какого же тогда?.. Что она здесь делает? Зачем он её привёл? Какое отношение она имеет к Мареку или Рите?

— Куда ты всё время смотришь? — подозрительно уточнил Миша.

— На своих старых знакомых.

— Это я догадался. И что интересного увидела?

— Так, всякое, — я отвлеклась на проходящего мимо официанта. — Будьте добры!.. — я сдёрнула с его подноса бокал и, едва не перевернув его, поставила перед собой.

— Кира, достаточно, — строго заявил Мишка.

— Лучше дай оливку. У тебя есть? — я вгляделась в свалку на его тарелке и потянулась вилкой.

— Не позорься, — усмехнулся Мишка и быстро поменял местами наши тарелки. — Поедем домой, леди Вайори! Пора тебе в душ и баиньки.

Я вытащила из его тарелки пару маслин, не торопясь, сжевала их и с удовольствием прикончила ещё один бокал.

— Хорошо, поедем домой, — согласилась я. — Но сначала надо произвести фурор. А то как-то даже обидно, что за свадьба без фурора...

— Я думаю, без фурора мы как-нибудь обойдёмся, — осторожно сказал Миша. — Не стоит, пожалуй.

— Не волнуйся, никакого экстрима. Просто я хочу, чтобы я в этом чёртовом платье и в этих туфлях не напрасно мучилась.

Снова заиграла музыка, что-то на три четверти. Пары потянулись танцевать.

— Миша, ты не обидишься, если я танцевать пойду, но не с тобой?

Он озадаченно почесал висок:

— Обижусь, но не сильно... Только ты уверена, что в ногах не запутаешься?

— А я что, веду себя, как пьяная? У меня язык заплетается? Я посуду бью?

Миша со вздохом отмахнулся. Я сжала его руку:

— Ты настоящий друг, Мишенька. Просто подожди меня здесь.

Я встала и пошла через танцпол, между парами, которые изображали что-то истинно гатрийское народное. И что вечно все ко мне придираются? Ноги меня слушались, спину я выпрямила, волосами гордо тряхнула. Я умница и вообще звезда.

Я держала курс на столик Шокера. Пусть попробует отказаться, убью на месте...

Шокер моего триумфального прохода через зал не заметил. Он внимательно следил, как его дочь отплясывает с молоденьким терракотовым офицером. Зато Лали увидела меня сразу, оцепенела и уставилась в упор. Шокер мельком глянул на неё и сразу же проследил, куда же она смотрит.

Я шла, глядя ему в глаза и улыбаясь.

— Лорд Клайар, позвольте вас пригласить, — проговорила я, подойдя вплотную к столику.

— Я... Да я... и не собирался танцевать-то, — пробормотал Шокер, вскакивая. — Кира, ты присаживайся, поболтаем!

Он схватился за спинку ближайшего стула, чтобы отодвинуть его. Никто ведь не слышал, что я сказала, подойдя. Всё выглядело бы, будто я пришла поговорить со старыми знакомыми.

Но ты хрен отвертишься, лорд Клайар.

Я чуть присела, склонила голову в лёгком поклоне и застыла. Так приглашают на танец гатрийские дамы гатрийских кавалеров. Теперь все видели, что мне от него нужно. Ни один уважающий себя гатриец не посмеет навлечь позор на даму и отказать ей.

— Сочту за удовольствие, — вздохнул Шокер и протянул мне руку.

Мы сделали несколько шагов к середине зала.

— Я не умею, — процедил Шокер. — Никогда в жизни не танцевал эти народные танцы...

— Ты «раз-два-три» слышишь? — улыбнулась я, поворачиваясь к нему и кладя руку на его плечо.

— Ну? — он нервно облизнул губы.

— Пусть они своё народное пляшут. Кто нам запрещает вальс? Уж вальс-то ты осилишь? Главное — в кого-нибудь не врезаться.

Они меня не подвели: платье и Шокер.

Широкая мягкая юбка-колокольчик колыхалась туда-сюда, обвивала наши колени, но тут же разворачивалась обратно, не мешая движениям.

А Шокер проявил неожиданную удачу. Допустим, до брата ему было далеко. Командор Йан танцевал божественно, и, собственно, он меня и научил отличать вальс от фокстрота. Но танцевали мы с ним такую классику всегда только наедине. Шокеру же досталась нелёгкая задача: при всём честном народе провести по танцполу даму так, чтобы никто не

понял, что дама пьяна в хлам, а кавалер вальсирует, дай Бог, если второй раз в жизни. Кажется, у него это получалось довольно сносно. Ну а что, всё-таки человек с музыкальным слухом. Поёт неплохо. Уж в «раз-два-три» должен был вписаться.

— Ты же еле на ногах стоишь, — выдавил из себя Шокер, когда мы уже заканчивали третий круг.

— Неправда! Прекрасно стою, не выдумывай. Лучше посмотри: на нас все глазают! Мы с тобой классные! Правда ведь?

— Ты чокнутая! — холодно сказал он.

— Как тебе моё платье? — сделала я вторую попытку нарваться на комплимент.

— Ты в нём скользкая, — фыркнул Шокер.

Когда музыка закончилась, Шокер ещё сделал несколько поворотов, поднял руку, я крутанулась, и он поймал меня в объятия. Раздались аплодисменты. Не то чтобы бурные, но и не жиденькие. Фурор удался.

— Пойдём выпьем с нами. Такой мартини сегодня, брат постарался...

— Ну, пойдём, — Шокер цепко подхватил меня под руку и повёл через зал в сторону моего столика.

За нашей спиной заиграло что-то совсем медленное.

— Лорд Клайар, может, продолжим? Какая приятная мелодия...

— Если ты не заметила, я здесь не один, — сухо отозвался он. — Я должен вернуться к Лали.

— Зачем ты вообще её привёл?!

— Тебя не спросил.

— Я сейчас опять перед тобой склонюсь, и попробуй только не пойти со мной!

Наверное, я выполнила бы свою угрозу, но меня подхватили сильные руки и поволокли к столику.

— Ты была супер! Я аплодировал громче всех! Но тебе надо посидеть, ты устала, — решительно сказал Миша, усаживая меня. — Отдохнёшь, и тогда снова можно...

— Ты о чём вообще? Она уже невменяемая... — послышался позади шёпот Шокера.

— Без тебя вижу, — так же тихо огрызнулся Мишка.

— Сможешь увести?

— Попробую.

Шокер подошёл ко мне, взял меня за руку, церемонно коснулся губами кончиков моих пальцев и сказал с коротким вздохом:

— Спасибо за прекрасный танец. Приятного вечера!

И поспешно пошагал через зал обратно к Лали. Она так и сидела, неподвижная, как изваяние. Шокер подошёл, наклонился к ней, спросил что-то. Она не отреагировала. Шокер обошёл её стул с другой стороны, тронул за плечи, ещё раз спросил. Она покачала головой. Шокер заботливо чмокнул её в висок и сел рядом. Опять что-то спросил, она снова отрицательно покачала головой, потом повернулась к нему и произнесла какую-то короткую фразу. Шокер засмеялся, погладил Лали по плечу и махнул рукой официанту...

И мне вдруг стало так тошно, что хоть волком вой.

— Сволочь! — я резко отвернулась к столу и опрокинула на скатерть пустой бокал.

Миша ловко поймал его, не дав скатиться на пол.

— Пойдём домой, Кира. Ты устала.

— С места не сдвинусь, — сообщила я со злостью.

— Хорошо. Не сдвигайся. Я сейчас.

Миша куда-то исчез.

— Позвольте?

Я подняла голову. Надо мной стоял Файр Альдон.

— Я вас не звала.

— Наверное, это очень банально и избито до синяков, но таких, как я, не зовут. Такие всегда приходят сами, — серьёзно сказал он.

Я, честно говоря, напряглась. Но Альдон вдруг широко улыбнулся:

— Фирменная шутка!

— Этой шутке на изнанке лет сто. Или больше.

— Настоящая шутка — не та, над которой смеются, а та, которая всегда актуальна. Впрочем, зачем о таких вещах на свадьбе? На свадьбе надо веселиться и получать удовольствие. Я вот получил истинное удовольствие, наблюдая ваш танец с лордом Клайаром... Я очарован. И мне хочется оказаться на его месте. Не откажете мне в любезности?

— Вы что, приглашаете меня?

Альдон склонился в почтительном поклоне.

От того, что я ему откажу, большой беды не будет. Гатрийской даме позволительно устать и отказать очередному кавалеру. Ничья репутация не пострадает. Но я взглянула на столик Шокера, где они с Лали уже потягивали что-то из бокалов. Лали говорила, а Шокер посмеивался и кивал...

— Ну, хорошо. Хоть я порядком устала...

Я подала руку Альдону, и он повёл меня на середину зала.

Красивая медленная мелодия всё продолжалась. Пары медленно кружились, кто как хотел. Альдон решительно притянул меня к себе и повёл, то плавно меняя направление, то совсем замедляя вращение, то резко разворачиваясь. Танцор из него был отменный.

— Думаю, вы сразили всех мужчин в этом зале, — усмехнулся Альдон. — С вас глаз не сводят.

— И толку мне с их глаз? — проворчала я.

— Они не осмеливаются подходить к вам. Во-первых, вы с загачным спутником. Допустим, я знаю, что это ничего не представляющий из себя субъект с изнанки, но остальные-то не в курсе. Во-вторых, все безумно боятся вашего брата.

— Больше, чем вас?

— Больше, — кивнул Альдон. — Марек Вайори возник из воздуха, с блестящим послужным списком, умный, расторопный, предусмотрительный. Его любит начальство. Он удачно совмещает высокую должность в департаменте и свои личные агентские инициативы. За полгода в должности он вывел на чистую воду с десятков двойных агентов, а от своих доверенных людей, которых, кроме него, никто не знает, получает информацию из первых рук. И в ответ на любые претензии умеет отовратиться. Как же не бояться такого?

— И вы боитесь?

Альдон лукаво улыбнулся:

— Я — нет.

— Почему?

— Потому что я ему не верю, — зловеще отозвался Альдон.

Я остановилась.

— Нет, так дело не пойдёт. Танцуйте, прелестная Кира. Это длинная композиция, мы с вами ещё покружимся, и вы успеете очаровать тех, кто ещё вас не разглядел.

Альдон сдвинул меня с места и снова закружил.

— Я не верю лорду Вайори, — повторил он после паузы. — И когда я разберусь в деталях и свяжу концы с концами, и с Марекком Вайори, и с его так называемой агентурной сетью, а проще говоря, с группой опасных заговорщиков, будет покончено. Но для этого мне нужно время.

— У вас ничего не выйдет, потому что Марек — не тот, кем вы его считаете. Он честно выполняет свой долг.

— Похоже, он считает своим долгом в первую очередь чинить мне препятствия. Все мои разработки... ну почти все... заканчиваются тем, что мои подозреваемые оказываются доверенными агентами Вайори, и их нельзя трогать.

— Может быть, вам просто надо лучше работать?

Альдон засмеялся.

— Может быть... Впрочем, зачем я говорю о служебных делах с пьяной женщиной... Не хотите отдохнуть? Здесь наверху замечательные гостевые комнаты... удобные диваны... всё очень приватно...

— Идите к чёрту, Альдон! — я попыталась отпихнуть его. — За кого вы меня принимаете?

Но из его рук было не так-то просто выскользнуть. Особенно в моём состоянии.

— На нас смотрят. Ваши движения могут неправильно истолковать, — усмехнулся он. — Лучше закончим танец и спокойно пройдем наверх, отдохнуть...

— Отпустите меня!

— Если я вас отпущу, вы тут растянетесь. Я не могу себе позволить так опозорить вас, Кира Вайори!

— Извините! — раздался рядом суровый Мишкин голос. — Я забираю у вас даму!

Альдон остановился.

— Я не говорю на вашем языке, — презрительно процедил он по-русски с сильным акцентом, продолжая держать меня.

— Да мне пофиг, — с чувством сказал Миша. — Если не хочешь прилюдно в рожу схлопотать, отвали! Фурор на этой свадьбе уже был, а вот драки пока не было. Непорядок.

Не знаю, говорил ли Альдон по-русски, но понимал точно. Улыбаясь загадочно, он отпустил меня и отвернулся.

— Пойдём, Кира, — Миша взял меня за локоть и стал разворачивать к выходу. — Я попросил Марата, он вызвал машину, сам-то я не могу...

За его спиной Альдон резко развернулся.

— Миша!

Но похоже, что Миша и без моего крика был готов. Один удар на развороте. Всего один. Я даже не поняла, куда метил Мишка, в ухо Альдону или в челюсть. Но Альдон мешком свалился на пол.

Терракотовые мальчишки в зале были сплошь подчинёнными Марека, и вряд ли они всерьёз сочувствовали Альдону, валяющемуся на полу. Но честь мундира есть честь мундира. И если неизвестный гражданский бьёт прилюдно старшего офицера, честь мундира велит вступиться. Со всех сторон к нам рванули парни в терракотовом.

Мишка не шевельнулся. Стоял со сжатыми кулаками и напряжённо смотрел по

сторонам.

— А ну-ка... Прошу прощения! — Шокер пролез через плотный круг терракотовых. — Господа, не придавайте значения... Чего не бывает сторяча...

Он бросил на нас с Мишкой озабоченный взгляд и склонился над Альдоном:

— Файр, ты как? Тебе помочь?

Альдон что-то пробурчал и сел на полу. Из уголка его рта текла струйка крови.

— Всё нормально, — проскрипел он, тяжело поднимаясь. — Бывает, да... Всякое бывает...

Терракотовые мальчики с явным облегчением разошлись, музыка заиграла снова, на этот раз весёлая-весёлая.

Шокер повернулся к нам.

— Это было обязательно? — сурово спросил он. — Я же просил тебя увести её отсюда!

— Я не мог вызвать машину сам! Языка не знаю! — буркнул Мишка.

— Вы что тут натворили? — Марек возник откуда-то. — Машина пришла, уезжайте, пока стенка на стенку не пошли... Михаил, блин... Не ожидал от тебя таких фокусов.

— Каких фокусов?! — заорала я. — Он собирался Мишку в спину ударить! Не знаете, в чём дело, так нечего нотации читать!

— Оставь, Кира! — Миша настойчиво потянул меня к выходу. — Пойдём. Пойдём отсюда!

Марек подхватил меня с другой стороны, и они почти понесли меня.

— Да пустите, я сама пойду! И не смей Мишку отчитывать, ты слышишь, Марек!

— Систер, успокойся... Не переживай, в самом деле, какая свадьба без мордобоя? Хотя, конечно, лучше бы ты, Миша, кому-нибудь другому в морду дал...

— Понадобится другому — дам и другому, — фыркнул Мишка. — Пойдите, я сейчас пальто принесу.

Мы остановились в холле у самого выхода, и Мишка ушёл.

— Что он вдруг развоевался? Такой вроде миролюбивый парень... Что ему Альдон сказал?

— Не ему, а мне. Он собирался тащить меня в гостевую для частного отдыха! — разозлилась я.

— Ах вот как... — глаза Марата гневно блеснули. — Ну что ж...

Вернулся Мишка с нелепым длинным пальто, которое прилагалось к моему платью, и со своим пуховиком.

Марат повернулся к Мише и протянул ему руку:

— Спасибо тебе! Правильно всё. Хорошо, что я этого всего не слышал... Могло кончиться хуже.

Миша пожал его руку, набросил на меня пальто, сунул руки в рукава пуховика и повёл меня в машину.

Машин у парадной лестницы стояло две. Такси и внедорожник в терракотовой расцветке.

Мы спускались по лестнице одновременно: я, Мишка, прилагающий все усилия, чтобы я не свалилась со ступеней, и офицер Альдон, красный от перенесённого унижения и ярости.

Каждый пошёл к своей машине.

Альдон уже взялся за ручку дверцы, но вдруг шагнул в нашу сторону и заявил на вполне чистом и разборчивом русском:

— Вы оба ещё пожалеете, что на свет родились!

Я послала его. Хотя и не слишком далеко, но матерно.

— Что ж ты Йана Клайара позоришь, шлюха? — фыркнул он.

Я вспомнила уроки местной изящной словесности, преподанные мне за годы службы — и не в последнюю очередь братьями Клайар, и ответила ему по-гатрийски так, что он даже рот разинул, а потом метнулся было ко мне, но Мишка молча задвинул меня себе за спину и шагнул ему навстречу. Альдон скрипнул зубами и полез в машину.

В такси я орала, рвалась выйти на полном ходу и продолжить разборку. Миша молча боролся со мной, и у него это получалось на удивление хорошо.

Дома он ещё в холле стряхнул с меня пальто, а потом затащил наверх и прямо в платье положил меня в ванную и включил воду.

— Ну что, теперь-то ты понимаешь свою жестокую ошибку? — пробулькала я из-под струй душа.

— Какую именно? — уточнил Миша.

— Забери обратно своё предложение. Нафиг я такая тебе сдалась?

Миша только молча вздохнул и ушёл за полотенцем.

* * *

На следующее утро я готовила завтрак сама: у Ятиса был очередной законный выходной. Мишку это только обрадовало. Он с трудом мирился с присутствием в доме непонятого чужого мужчины, который повсюду хозяйничал.

— У тебя вкуснее получается, — заметил Мишка, поглощая яичницу.

— Да хватит тебе врать! — разозлилась я. Настроение у меня с утра было даже не на нуле, а значительно ниже.

— Я никогда не вру, — возразил он. — Ятис в прошлый раз яичницу пережарил. И супы у тебя вкуснее, однозначно. А вот рецепт мяса с фасолью ты у него возьми, мне понравилось. Но это и всё, что он делает лучше тебя.

— Ладно, зачёт тебе. Подлизался, — усмехнулась я.

— Мы когда домой вернёмся?

— Что, не нравится в зазеркалье?

Миша пожал плечами:

— Не знаю. Странное тут место. Чтобы разобраться, двух недель мало.

— Так кто тебе мешает остаться дольше и разобраться?

— Да куда уж дольше? Я же не думал, что так задержусь. Не предупредил никого. Родители, наверняка, волнуются, что я им не звоню. А с работы и вообще, скорее всего, уволили за прогулы.

— Жаль, если так.

— Жаль, но не очень. Работу я найду, без проблем. Хорошие фармацевты в дефиците.

— Слушай, а вот как это ты, скромный фармацевт без вредных привычек, махнул разок — и офицер службы безопасности с катушек долой? Ты что, бывший собровоц какой-нибудь?

Миша покачал головой:

— Нет.

— Тогда откуда такая реакция? Да и не боялся ты совсем.

Он опять помотал головой:

— Почему не боялся? Страшно стало, когда вокруг толпа собралась. Просто я знаю, что показывать страх нельзя, это развращает противника. А реакция... Так привычка. Многолетняя необходимость защищаться.

— От чего?

— Дразнили. Много дрался.

— Так что, обязательно было драться? Всегда же можно как-то доказать сопернику, что он не прав...

Мишка рассмеялся:

— Это не мой случай. Можно доказать, что не дурак, не трус, не жадина, не ябеда. Но я не знаю способа доказать, что я не рыжий и не конопатый. Может, ты знаешь?

— Слушай, я даже не подумала... — растерялась я. — По мне так ты такой симпатичный... В общем, спасибо тебе, Мишенька. Ты вчера меня спас от очень многих неприятностей.

Он смущённо улыбнулся:

— Я бы спас тебя от неприятностей куда проще, если бы с самого начала знал, что от мартини тебя надо держать подальше.

Он встал к мойке и принялся мыть посуду.

— Кира, а кто такой Йан Клайар?

Искать отговорки было бессмысленно.

— Старший брат Шокера... ну, Андрея. Друг и соратник Марека. Первый муж Риты. А ещё он мой вербовщик. Мой бывший начальник. Мой любовник. Мой опекун и защитник. Человек, который купил этот дом для меня.

— И где он?

— Умер прошлым летом.

— И после этого ты перебралась в Питер?

Я кивнула.

— Ясно, — коротко подытожил Мишка.

— Да что тебе ясно?! — разозлилась я.

— То, что тебе совсем не надо было полгода упираться, когда я просил тебя рассказать о себе. Рассказ-то вон, всего-то в двух словах.

— Это он сейчас в двух словах, когда ты уже знаешь об изнанке и поверхности.

— Я закончил, — Миша выключил воду. — Чем займёмся?

Зазвонил мой телефон.

— Привет, систер! Ну как, протрезвела?

— Угу. Извини, Марек, я тебе, наверное, праздник испортила.

— Ты мне? Ну уж нет. Всё в порядке, не выдумывай... Я вам на завтра заказал время, в десять утра на канале номер семь. Возвращайтесь домой.

— Спасибо.

— Михаил далеко там?

— Рядом.

— А ну-ка, включи на громкую... Миш?!

— Я здесь, — Мишка подошёл ко мне поближе.

— Пусть Кира тебе объяснит, как дойти до главного входа в департамент

безопасности, — тоном, не предполагающим возражений, приказал Марат. — Я тебя тут ждать буду через пятнадцать минут.

— Зачем?

— Надо тебя как-то оформить, чтобы проблем не возникло. Заключу я с тобой агентский контракт и чип сделаю. На будущее пригодится. Да и сейчас, если этот говнюк Альдон решит пасть открыть, у нас всё будет легально и железно. А то пока ты в статусе моего гостя, а гость — это хлипко. Как мой личный агент-осведомитель ты будешь вне придинок моих коллег.

— Хорошо, — согласился Миша.

— У меня уже всё подготовлено, подходи.

— Спасибо, бро! Ты умница!

— Это у нас семейное, — степенно согласился Марат. — Всё, до скорого. Жду.

Я показала Мишке на карте в планшете простой путь в департамент, он оделся и ушёл. А я посидела ещё немного на кухне, прошлась по первому этажу, постояла у окна в гостиной и посмотрела на заснеженный сад, а потом поднялась наверх и зашла проведать спальню.

Цветы сакуры на фоне голубого майского неба... Они были всё так же прекрасны.

Странно, но я вдруг почувствовала, что отношусь к этой комнате уже не как к бездушному мемориалу, а, скорее, как к живому существу, которое многое видело, многое помнит, нуждается в уходе и в общении. Уход Ятис обеспечивал замечательный. Всё было, как обычно, вылизано до блеска. А по обеим сторонам кровати на полу теперь лежали овальные синие пушистые коврики.

Эта комната должна была многое помнить. Прежде всего, конечно, Йана и то, как он пытался тут всё устроить. Она знала, о чём он мечтал. И она видела, как я эти мечты запихала подальше... Ничего нет тяжелее, чем обмануть чью-то надежду, особенно, когда уже не можешь ни попросить прощения, ни оправдаться, ни исправить. Когда человека больше нет, и ты всю оставшуюся жизнь будешь знать, что он ушёл с обидой в сердце. Даже если перед смертью он сказал тебе, что всё у вас было замечательно.

Я разгладила и без того безупречное синее шёлковое покрывало, развернула поровнее коврики. Пусть здесь всё будет идеально. Конечно, Йану хотелось другого: скомканных простыней и счастья под этими чудесными вишнёвыми цветами. Но теперь здесь будет только так.

Раздался звонок в дверь. Я быстренько оглядела себя. Прилично ли будет открыть дверь в шёлковом халате? Возможно, среди гатрийских леди это не принято. Да наплевать, в конце концов, это мой дом, и я тут хозяйка.

Я спустилась вниз.

За дверью стоял Файр Альдон.

— Что вам нужно?

Он любезно улыбнулся:

— Пришёл принести вам извинения.

— Хорошо. Принесли. Всего вам наилучшего!.. — я попыталась захлопнуть дверь, но Альдон упёрся рукой.

— Подождите, Кира. Прошу вас...

— Послушайте, Альдон. Я могу быть вежливой через силу, если очень нужно. Но сейчас мне не нужно. Оставьте меня в покое.

— Я хочу поговорить с тем смельчаком, который вчера мне врзал.

— Его нет дома.

Альдон улыбнулся:

— Ну, тогда поправьте меня, если я неправ. Ваш брат в департаменте, я его только что там видел. У вашего слуги выходной, я знаю его расписание, и я знаю, что утром он покинул дом и не появится до завтрашнего утра. А ваш безупречный рыжий рыцарь... Его тоже нет дома?

— И что?

— Ну тогда вы просто обязаны угостить меня кофе! — заявил Альдон и с такой силой толкнул дверь, что я не смогла её удержать.

Он вошёл и резко захлопнул дверь за своей спиной. А потом, продолжая улыбаться, снял тёплую форменную куртку, повесил на вешалку и подошёл ко мне.

— Я вас не приглашала. Убирайтесь вон!

— Леди Кира, вместо того, чтобы быть такой праведной, сердитой и строгой, вам стоит вспомнить законы гостеприимства. Я просил кофе. И подумайте сразу о десерте. Послаще.

Я сунула руку в карман за телефоном. Альдон бросился ко мне и выкрутил руку. Телефон упал на пол. Альдон пинком отправил его далеко-далеко по коридору.

— Ну вот что, — сказал он, улыбаясь. — Прелюдии оставим для тех, кому позволительно долго играть в эти игры. Перейдём к главному. Мне запало в душу ваше зелёное платье...

— Я могу вам его подарить! — буркнула я, пытаюсь высвободить руку.

— Нет, спасибо! Мне оно больше нравилось на вас. Особенно, когда я представлял, как я его с вас сниму.

Я попыталась ударить его ногой, но он легко увернулся.

— Брось, тебе со мной не справиться, — сказал он раздражённо. — А ну, пойдём!..

Он потащил меня за собой в гостиную.

Да, действительно, куда мне с тобой справиться, с таким бугаем. Но хрен тебе я просто так дамся.

Альдон швырнул меня в кресло и стал быстро раздеваться. Сбросив форменную рубашку, он скинул ботинки и стал расстёгивать брюки. Я рванулась из кресла. Выругавшись, Альдон бросился меня ловить, поймал и снова швырнул в кресло. Брюки он всё-таки стянул, путаясь второпях в штанинах, и остался в трусах и терракотовой майке.

— Только прикоснись, гад! — завопила я, когда он подошёл ко мне.

— Ой, как страшно! Для таких шустрых, как ты, у меня свой метод...

Он вытащил меня из кресла и швырнул на стену. Я сильно ударилась затылком, так, что в глазах потемнело, и осела на пол. А когда пелена рассеялась, Альдон, наклонившись, уже сдёргивал с меня халат. Я попыталась подняться, но он упёрся ногой мне в плечо и толкнул. Теперь я ударилась затылком уже об пол. Через секунду он уже плюхнулся на меня.

И я обхватила его за шею, а потом быстро-быстро потащила вверх его терракотовую майку.

— Ммм... Вот, значит, как мы любим... — просопел он мне в ухо. — Вот так-то лучше...

Я скомкала майку у него на шее, подлезла рукой спереди, вцепилась в ткань обеими руками, потянула и крутанула вентиль изо всех сил, даже не на сто восемьдесят, а на все триста шестьдесят.

Альдон захрипел и свалился с меня на бок. Я вскочила на ноги, схватила деревянный

табурет с маленьким круглым сидением — предполагалось, видимо, что на него поставят вазон с цветком — и с размаху врезала им Альдону. Удар пришёлся ему по спине, табурет сломался, скосбочился, но не развалился. Я замахнулась и врезала ещё. И ещё. И ещё...

И тут кто-то выхватил моё оружие. И поймал меня. И крепко сжал.

— Систер, всё! Не надо больше! — услышала я голос Марека.

— Отпусти!.. Я его убью нахрен!!!

— Не пачкайся, Кирюш... Миша, займись ею! — руки брата отбросили меня назад.

Мишка подхватил меня.

— Всё, Кира, всё... Тише, успокойся... Мы здесь... Всё хорошо... — он что-то ещё говорил, крепко обхватив меня и не давая шевельнуться.

А я не слушала его, смотрела, как Марек наносит Альдону удары ногами в живот, в грудь, в лицо. Альдон пытался закрыть руками голову, но ему хорошо доставалось.

Наконец, Марек пнул его покрепче и отошёл к нам, тяжело дыша. Я ещё ни разу не видела его таким разъярённым. Он посмотрел по сторонам, увидел мой халат, поднял его.

— Кирюша, держи.

Миша отпустил меня, и Марек помог мне надеть халат. Я завернулась в мягкий шёлк, накрепко завязала пояс, шагнула, ноги подкосились, и я шлёпнулась на пол.

— Я всё равно убью его! — завопила я сквозь слёзы и сопли, колотя кулаками по полу.

— Нет, моя хорошая, не убьёшь, — Марек поднял меня и взял на руки. — Миш, присмотри тут за ним. Чтоб лежал смирно.

Марек понёс меня наверх в спальню, там просто сел на пол у кровати, устроил меня поудобнее у себя на коленях и долго ждал, пока я успокоюсь.

— Почему? Почему ты не дал мне самой навалить ему?!

— Ты действительно могла убить его этой штукой.

— Да что за беда?! Одной мразью меньше!

— Нет, Кирюша.

— Что, за свою карьеру волнуешься? Как бы не вышло чего?!

Марек вздохнул:

— Не говори ерунды! При чём тут моя карьера?.. Мне случалось ломать чужие шеи. Этот опыт не для тебя, поверь мне.

— Но если ему сойдёт сейчас, он придёт ещё раз! И трюк, что ты мне показал, больше не сработает! Он и так не сработал бы, если бы он чуть покрепче приложил меня о стену! Мне что теперь, всю жизнь его бояться?!.. Марек, я хочу, чтобы он сдох!

— Когда-нибудь он нарвётся и сдохнет.

— Да почему не сейчас?!.. Марек, да что с тобой такое?! Тебе что, наплевать на меня?!

— Вот как раз потому что не наплевать...

— Марек!!!

— Ну ладно, — тяжело вздохнул он. — Не могу я его прибить. И ты не можешь...

— Ой, ещё как могу!

— Кирюш, это твой брат.

— Это мой кто?!

— Единственный законный сын лорда Свейна Альдона. Того самого, которого мой отец когда-то распял и кастрировал. Так что Файр — твой родной брат по отцу. Ещё один бро, в общем. Такой же, как я.

— Такой же, как ты?! Такой же?! Ты головой соображаешь, чёртов умник, когда

говоришь такое?!!

— Я о формальной стороне.

— Плевать мне на формальную сторону, бро!

Я выбралась из рук Марека, нашла свою одежду и побрела в ванную. Марек тоже поднялся на ноги.

— Слушай, Марат, — я обернулась на пороге. — Я тут долго мокнуть буду, очень. И когда я выйду, я хочу, чтобы этой твари в доме не было даже запаха. И не вздумай ничего ему говорить.

— А может, всё-таки сказать? Может, хоть это его встряхнёт.

— Его встряхнёт топор промеж глаз. И промеж ещё кое-чего... Не говори ему, бро. Только хуже будет, у него и так на тебя большой зуб. Мало того, что мне за себя теперь бояться, так ещё и за вас всех?

— Но, Кирюша...

— Я тебя прошу, не говори! А если ещё раз случится что-то подобное со мной или при мне, я его всё-таки убью, своими руками!.. Да, и Мишке ничего не говори.

— Мишке — скажу, — твёрдо заявил Марек. — Пусть знает до конца, с чем имеет дело, это будет честно. Я собираюсь полностью поручить тебя этому парню, так что он должен быть в курсе.

— Это с какого ж хрена ты меня ему полностью поручаешь?!

— Он хороший парень и не слабак.

— Я не о том, какой он парень. Я о том, Марек, что ты вообще меня не слышишь. Я не выйду за Михаила, хоть он и славный. Я всё равно буду сама о себе заботиться. Я сама буду решать, где мне жить и как долго. Поэтому не надо меня никому поручать, из этого всё равно ничего не получится, кроме проблем! Марек, я так долго жила без тебя, я умею, поверь!

Он покачал головой:

— Это неважно, выйдешь ты за него или нет. Тем более, что ваш брак, если бы он состоялся, здесь всё равно недействителен. И дело не в том, умеешь ли ты жить без меня. У меня есть обязательства, есть слово, которое я себе дал. Я должен обеспечить тебе помощь и защиту. И хорошо, что ты так удачно сошлась с этим рыжиком. Иначе я уже собирался просить отца присмотреть за тобой. Он бы не отказал, конечно, я уверен. Но Мишка для этой цели тебе больше подходит, по всему.

— То есть ты говорил, что рад за меня, что хочешь мне счастья, а на самом деле тебе просто было нужно, чтобы за мной по пятам ходил надёжный соглядатай?

— Да не указчик я тебе в твоём счастье, систер! — вздохнул Марек. — Мне живая сестра нужна, вот и всё. Дело идёт к тому, Кира, что мне придётся резко сменить статус. И может случиться, что угодно. И если... А теперь уже, скорее, не если, а когда... когда это произойдёт, ты не должна остаться одна.

Я выронила на пол тряпки, рванула к Мареку, повисла на нём.

— Вот же дурёха... — пробормотал он с досадой. — Пока-то я ещё тут и успею тебе надоест до изжоги.

Я вылезла из ванны очень нескоро. Долго вытиралась, одевалась, сушила волосы. Очень не хотелось выходить наружу, но поселиться в ванной насовсем было бы слишком радикальным решением.

Мишка сидел на кровати в глубокой задумчивости. Увидев меня, обрадовался:

— А я думал, чем себя занять, пока ты плещешься, и решил обед приготовить, уж как умею. Тебе, может быть, и не понравится, но пахнет вкусно. Пойдём, а то после стресса мне всегда жрать охота.

Так хотелось послать его подальше с его обедом. Но я кивнула:

— Хорошо. Пойдём.

Обедом оказалась кастрюля, полная разваренных макарон, перемешанных с мясными консервами.

— Где ты взял консервы?

— В подвале рядом с гаражом есть кладовая. Там запасов, как на случай ядерной войны. Есть упаковки, которые я опознать не смог, но тут на банке была нарисована корова.

Он наполнил тарелку и поставил на стол.

— Поешь, пожалуйста.

— Хорошо, я съем, — я взяла вилку и села. — Только, Миш, не надо со мной сейчас так себя вести, будто я хрустальная ваза. Ничего со мной страшного не произошло, только затылок ушибла.

Макаронны оказались съедобными, если с большой голодухи. Я ела без комментариев. Мишка с аппетитом опустошал свою тарелку.

— Миш, мне надо прибраться в гостиной.

— Я уже, — кивнул он. — Мебель я выровнял. Да и не пострадало там ничего, кроме табурета.

— Его можно починить?

Мишка вытаращил глаза:

— Ну, можно, в принципе. Только он станет ниже, и ножки внизу шире разойдутся.

— Починишь?

— Зачем?

— А пусть стоит дальше. Видишь, какая полезная и удобная вещь оказалась.

— Ну, для этих целей я там у стенки лучше бы кочергу поставил, — буркнул Мишка.

Я засмеялась. Он тоже невесело улыбнулся.

— Хорошая мысль. Я скажу Ятису... А табурет всё-таки почини, пожалуйста. Там в гараже должны быть какие-то инструменты.

— Ладно, сейчас доедим, посуду помою и починю.

— А я прогуляюсь, не возражаешь?

— Возражаю! — вскинулся Мишка. — Подожди меня и вместе пойдём.

— Миша, на улицах этого замечательного города среди бела дня ни с одной женщиной не может произойти ничего плохого. Особенно с женщиной, у которой такая гнилая наследственность, как у меня.

Он угрюмо вздохнул и покачал головой.

— Миша, я не знаю, что тебе Марек наговорил, и что он от тебя хочет, но ты-то хоть

слушай меня. Если я говорю, что со мной всё в порядке — значит, в порядке. Если говорю, что справлюсь сама — значит, справлюсь. А если не справлюсь, я тебе так и скажу: «Мишка, помоги!»

— Хорошо, — кивнул он.

— И уж извини, что ты из-за меня так попал, я этого не хотела.

— Ладно, ты иди гуляй, а я почию твою дубину возмездия... И вот, телефон твой в коридоре валялся, — Мишка подал мне трубку. — Пока ты в ванне мокла, тебе тут звонил Шокер, раз двадцать.

— Вот чёрт...

— Я ему ответил в конце концов, потому что знаю, каково это, вот так впустую названивать.

— Что ты ему сказал?

— Ничего. Он просил перезвонить, как сможешь.

— Спасибо, Мишенька. И за обед, и за телефон.

Я убежала одеваться и вскоре была уже на улице.

На канале было морозно и малоллюдно. Обычно даже зимой не бывает так холодно в Йери. Климат здесь мягкий и гораздо теплее, чем, например, в Питере. Но в этот раз, видимо, специально для меня подморозило.

Я достала телефон и перезвонила Шокеру.

— Привет, что ты хотел?

— Что у тебя случилось? — спросил он.

— Ничего такого, что стоило бы обсудить.

— Да? Как же мне враньё твоё надоело... — со вздохом сказал Шокер.

— Если ты и так знаешь, зачем спрашиваешь?

— Проверка на вшивость... Ты где?

— Гуляю.

— Конкретней?

— Иду по каналу, в сторону департаментов.

— А, вижу тебя. Отлично. Стой на месте, я сейчас.

Он отключился. Я остановилась, повернулась к заиндевевшему парапету, глубоко вдохнула морозный воздух.

Шокер подошёл, встал рядом.

— Не замёрзла?

— Я только вышла.

— А я давно уже болтаюсь по улице. Пойдём со мной.

— Куда?

— Пойдём, — он взял меня за руку и повёл, сначала по каналу, потом свернул на поперечную улицу с симпатичными особнячками.

Он ничего не говорил, просто шагал вперёд так быстро, что я почти бежала за ним.

— Шокер, куда ты меня тащишь?

— В отцовский дом.

Я не стала спрашивать, зачем, только крепче ухватилась за его замёрзшую ладонь.

От ворот в дом мы пробирались по неубранному рыхлому снегу. Шокер открыл дверь и подтолкнул меня в пустой, но светлый холл.

— Раздевайся, здесь тепло, я не выключаю отопление.

Он сбросил ботинки, снял куртку и пошёл куда-то вглубь дома.

— Ты не голодная? — крикнул он оттуда.

— Нет, — отозвалась я. — Что вы меня все кормите всю дорогу, житья от вас нет!

Я сняла куртку и обувь и пошлёпала искать Шокера. Нашла его в огромной пустой комнате с большим овальным столом посередине. Больше никакой мебели вокруг не было.

— Почему дом такой пустой?

— Продаю я его, — вздохнул Шокер. — От мебели уже почти избавился. Жалко очень. Я тут жил ребёнком, сразу после смерти мамы. На втором этаже одно крыло — отца и его жены, а в другом мы с Йаном хозяйничали. Больше я — он уже работал всюю, когда я здесь поселился. Когда я женился, отец мне другой дом подарил, тот, где ты уже была. Это отсюда недалеко, через две улицы. Там мы жили, пока у нас всё было хорошо... Потом Валею и Илая пришлось сюда переселить, к деду. А когда Илай погиб, отец мой стал совсем плох, ему наняли сиделок, а Валя переехала к Йану и Рите... Крепко у нас всё запутано.

— Да, я с трудом вникаю.

— Всего в Йери у семьи Клайар три дома. Этот, мой и дом Йана, где сейчас Рита с твоим братом, где свадьба была. Этот дом после отца достался Йану, а от него практически сразу — мне. Но мне в Йери хватит и моего дома, он большой, мы там все прекрасно поместились.

— Шокер, у тебя дочка взрослая, ей пора жить самостоятельно. Так зачем ты дом продаёшь? Тем более, если жалко?

— Деньги нужны, — коротко ответил он.

— Всё так плохо? — испугалась я.

— Ну не настолько. На жизнь моему разросшемуся семейству должно хватить. У нас стабильный доход с семейных предприятий. Но деньги нужны. Не мне — Нарратору.

— А какое право имеет Марек заставлять тебя расстаться с домом?

— Он и не заставляет. И не спрашивал даже. Я просто знаю, что нужны деньги. А продать дом, да ещё такой хороший и в хорошем районе, можно куда быстрее, чем ферму в провинции, даже если ферма тоже неплоха и приносит доход.

— Да, дом хороший, это точно.

— Хочешь, покажу? Ну, это гостиная была. Я её не очень любил. Ещё внизу всякие хозяйственные помещения и жильё для прислуги. А вот наверху...

Шокер взял меня за руку и повёл за собой. Мы поднялись по лестнице наверх.

— Справа — отцовское крыло, тут ничего не осталось, я уже все комнаты очистил, — Шокер остановился в начале коридора и махнул рукой. — Здесь одна большая спальня, две маленьких и общая комната в торце.

Он потащил меня в левое крыло.

— А тут четыре маленькие спальни и общая комната.

Сначала мы по узкому коридору пришли в самый конец в просторную комнату с четырьмя огромными окнами. В ней не было ничего, кроме теннисного стола.

— Йан учил меня играть, — сказал Шокер с улыбкой. — Кончилось это тем, что однажды я так загонял его, что он упал и вывихнул руку. Больше он со мной не играл.

Мы пошли по коридору обратно.

— Здесь, — он махнул рукой на одну сторону. — Здесь одно время были гостевые спальни, потом в них жили мои дети. А напротив — ещё две спальни.

Он открыл дверь:

— Это комната Йана.

Я заглянула с порога. Комната была пуста, только в углу стоял довольно старой модели музыкальный центр и стеллаж, заполненный под завязку дисками.

— Не поднимается рука избавиться от этого. Йан очень долго собирал свою коллекцию, большинство с изнанки притащил. Не знаю, почему он с собой не забрал после свадьбы. Куда теперь это деть, не представляю... А вот это — моя комната.

Я рассчитывала увидеть голые стены и пару стульев, но была разочарована.

Оптимистичные сиреневые полосатые обои. Но их почти не видно за множеством плакатов и рисунков. Плакаты — что-то из жизни рок-музыки, рисунки — какие-то карандашные наброски, лица, человеческие силуэты.

Неширокая кровать, по-холостячки придвинутая к стене, небрежно наброшенное на постель одеяло, а сверху ещё и клетчатый плед.

Письменный стол, такой обычный, ученический, со старым-старым компьютером, какой-то дурацкой настольной лампой и кучей книжек, половина из которых на гатри, половина на русском. Обкусанные карандаши в полинялом деревянном стаканчике. Полустёртый ластик.

Щербатый скейтборд в углу. И там же теннисные ракетки в прозрачном пакете и рядом поношенные кроссовки, в которые сегодня вряд ли влезла бы нога Шокера.

— Так вот ты какой на самом деле, Андрей Клайар...

— Разочаровал? — усмехнулся он.

— Нет. Но ждала другого. Думала — очередной муляж жилища. А ты, оказывается, когда-то был живым.

— Здесь я себе это позволяю. В своём доме раньше тоже позволял. Теперь только здесь.

— Что за рисунки на стенах?

— Мои, — равнодушно отозвался он. — Давно когда-то баловался.

Я вышла на середину комнаты, хорошенько осмотрелась вокруг и повернулась к Шокеру.

— Нельзя тебе этот дом продавать.

Он повёл плечами и сказал задумчиво:

— Есть вещи поважнее ностальгии. И есть долги важнее всех вещей.

— Это что, стихи?

— Да.

— Только не говори, что твои. Я этого не перенесу.

Он рассмеялся, пожал плечами и ничего не сказал. Вот и пойми его.

Мой телефон затренькал. Я вынула его из кармана.

— Да, Миша.

— Ты где?

— Гуляю.

— Я всё закончил, давай я к тебе навстречу выйду.

— Не надо, Миша.

— Почему? — удивился он.

— Мишенька, если я сегодня вернусь, то я вернусь сама. Не надо меня встречать.

— То есть как «если вернёшься»? — испугался он.

— Вот так, Миша.

Он молчал долго, будто ждал от меня каких-то пояснений. Не дождавшись, буркнул:

— Ладно, я понял.

Я опустила телефон в карман.

— Я сейчас был у Нарратора, — подал голос Шокер. — Припёр его к стенке. Так что я всё знаю.

— Что ты знаешь?

— Ох, ну вряд ли совсем уж всё, на это я не надеюсь. Но многое. Про выходку Альдона, про то, кем он тебе приходится. И про то, в чём же ты мне врёшь: этот рыжий ведь тебе и не муж вовсе.

— Да, видимо, ты неслабо припёр Марека. Или стенка была раскалённая.

— Просто был серьёзный мужской разговор, — вздохнул Шокер. — Я ему объяснил, что, когда я интересуюсь тобой и твоими делами, это не любопытство и даже не вежливость. Это личное. Это моё личное.

— И что Марек?

— Разозлился.

— Почему?

— Не знаю. Возможно, я — не совсем то, чего он хотел бы для своей сестры. Или даже совсем не то.

— Да уж, меньше всего для своей сестры он хотел бы...

— Чего? — напряжённо уточнил Шокер.

— А, неважно. Я завязала высказывать мужчинам претензии. Всё у нас с тобой в порядке, Шокер, всё именно так, как единственно возможно.

— Да что ты? В порядке? Да у нас всё никак, Кира, — он внимательно посмотрел мне в лицо. — Никак.

— Шокер, не надо.

— Я тебе удивляюсь. Да что там — восхищаюсь тобой! Ты как-то умеешь с этим «никак» смириться.

Я покачала головой:

— Не умею, Шокер. Умела бы — не устроила бы вчера этот позор с танцами. Я ж всё тебе назло делала. За то, что с Лали любезничал. Как будто бы непонятно было, что ей тоже нужно и хорошее настроение, и выход в свет, и не чужая она тебе, у вас общий ребёнок... Но я всё-таки пошла и оторвалась по полной... А ты говоришь, умею смириться. Три раза «ха-ха»... Ты, кстати, прости меня за всё это. Стыдно теперь.

— Ты вчера красивая была. Очень. Невероятно, — тихо сказал он.

А я взбесилась:

— Не смей об этом!

— Да почему?!

— Альдон тебя опередил с этим комплиментом. И теперь, наверное, кто бы ни сказал, что я красивая, буду в первую очередь эту мразь вспоминать.

Он подошёл поближе и взял меня за плечи.

— Ты, наверное, сильно испугалась, кроха?

— Нет. Просто очень гадко.

Он осторожно обнял меня и стал поглаживать по спине, как маленького обиженного ребёнка. Но мне совсем не хотелось быть для Шокера ребёнком. У меня было и есть, с кем чувствовать себя ребёнком.

— Андрюша, поцелуй меня.

Он прижался губами к моей макушке.

— Нет. Не так.

Я чуть отодвинулась от него, взяла его голову в ладони и поцеловала. И ещё, и ещё раз. Я целовала его губы и щёки медленно и нежно, а он всё не отвечал... Прямо, как та пуганая ворона... Один раз чуть до беды не дошло, теперь робеет, что ли?

— Андрюша, прости меня!

Он что-то промычал возмущённо.

— Никогда больше не буду тебя отталкивать!..

— Иногда надо.

— Но не сейчас!

И наконец-то он поцеловал меня так, как я ждала. Так, что сразу же захотелось и его рук, и его сильного тела, и прямо сейчас, и чтобы всё мне, мне одной...

Он шагнул к кровати, наклонился и одним рывком сдёрнул одеяло.

* * *

За окном давно стемнело. Мы задёрнули штору и включили настольную лампу.

Я всё играла в самую замечательную игру на свете. Называется «вылепи себе Шокера».

Мне нравилось просто гладить и целовать его. Нравилось, как он довольно жмурится под моими руками. Нравилось просто прижаться и слушать дыхание. И обводить пальцем его красивые ладони, словно очерчивая контур. Сколько, оказывается, всякой милой ерунды может нравиться, если рядом Шокер... Например, потереться щекой о его щёку, оцарапать и спросить: «Андрюша, что ж ты вечно такой колючий?» И уже в который раз убедиться, что огромные мужские руки могут быть не только сильными, но ещё и ласковыми.

И я подумать боялась, что всё скоро закончится. И придётся встать и уйти. И никто не скажет, сколько осталось. Может быть, час ещё есть, а может быть и меньше. И Шокер снова исчезнет куда-то, где его ждёт что-то очень важное, куда более важное, чем я. А я останусь без него. Без надежды на что-то определённое. И лови потом опять момент, когда судьба сведёт. И ладно ещё, если сведёт, а то и столкнёт лбами.

Эта мысль пугала. Хотелось стать страусом, запихнуть голову в песок, чтобы извести эту мысль на корню.

Песка вокруг не было. Я просто покрепче обняла Шокера, пряча лицо у него на груди.

— Я завтра ухожу на изнанку.

— Я знаю, мне Нарратор сказал.

— Я не хочу.

— Кира, только не подумай, что я тебя гоню... — вздохнул Шокер. — Но я тебя здесь совсем не представляю. Когда думаю о тебе на поверхности, вспоминаю почему-то семейный парк и тебя, такую... нездешнюю. Трудно тебе будет здесь, да и опасно. Возвращайся в Питер. Я как-нибудь к тебе загляну, если адрес оставишь.

Я выпрямилась и села рядом с ним.

— Я к тебе сюда скорее загляну. Наверное, сделаю несколько ходок туда-сюда. Хочу ещё раз туда наведаться...

— Куда? — не понял Шокер.

— В тот слой, где три недели проторчала. С первого захода, наверняка не попаду. Но

память у меня хорошая, я довольно точно представляю, где из канала выскакать...

Его глаза округлились... Нет, они сначала округлились, а потом превратились чуть ли не в вертикальные овалы...

— Думать забудь!!! — рывкнул он так, что стёкла задрожали. Я даже уши руками закрыла.

— Что ты орёшь?!

— Тесты каналов и разведка в слоях — это особая работа! Это годы риска и очень дорого приобретённый опыт! Если тебе посчастливилось там побывать и вернуться самостоятельно, это не значит, что теперь ты можешь навещать туда, когда захочешь!

— Что? Ты? Орёшь?!

Шокер с трудом сбавил тон:

— Да как же можно о таких вещах спокойно говорить? Да ещё с тобой!

— А ты попробуй. Дыши глубже, помогает.

— Ты с братом говорила об этом?

— Нет. И не собираюсь. Он слишком пытается меня контролировать.

— И правильно делает, — проворчал Шокер.

— Нет, неправильно. Я взрослый самостоятельный человек!

Шокер только укоризненно покачал головой:

— Странно, что уроки прошлого тебе впрок не пошли. Что ты в том слое забыла?

— Это необычный слой, Шокер. Там люди живут.

Я думала, он не поверит, и мне придётся его убеждать. Но он лишь удивился:

— Очень редко и очень немногим доводилось попадать в такие слои.

— Слои? Значит, такой слой не один?

Он пожал плечами:

— Никто точно не знает. Те, кто побывал в пригодном для жизни слое, описывают очень разные места. Или таких слоёв много, или он один, но природа там разнообразна не менее, чем на поверхности или на изнанке.

— А откуда ты всё это знаешь?

Он уставился на меня. И я приготовилась запустить руку в мусорную кучу по самое плечо.

— Я сам лазал в такие слои. Или слой. И не понял, одно это измерение или разные.

— А ты что в них забыл?

Шокер усмехнулся:

— Это была моя работа.

— Работа? Ещё и это? Ты же был курьером, командиром курьерской группы, проводником, ловцом, подпольщиком тайной системы... Когда ты успел?

— Между проводником и ловцом. Три года до того случая с тобой я работал разведчиком в слоях. Составлял карты слоёв вокруг самых оживлённых маршрутов, прокладывал пути к ближайшим эвакуационным каналам. Ими потом пользовались штатные спасатели и волонтёры.

— И ты был в слоях, в которых живут люди? Не выживают после катастроф, а просто живут?

— Да, был.

— И что ты об этом думаешь? Слои ли это, или... Или это что-то стабильное, как поверхность или изнанка?

— Хорошие вопросы, — кивнул Шокер. — Если это «третий этаж» мироздания, то теорию зарождения и развития вселенной, возможно, придётся переписать ещё не раз. Но чтобы найти точный ответ, нужно значительно больше времени, чем три года. И образование требуется не моего уровня.

— Ты не считаешь себя образованным человеком? — удивилась я.

— Бегло говорить на древнегатрийском — ещё не значит быть образованным человеком, — рассмеялся Шокер. — А уж тебе самостоятельно никогда не разобраться в том, что это за слои... Не обижайся, но это правда. Поэтому не надо лишний раз рисковать. Не искушай судьбу, которая столько раз была к тебе добра, — он стал совсем серьёзен. — Если с тобой что случится, слишком много людей будут горевать. Себя не жалеешь — их пожалей.

Я не стала развивать тему. Вместо этого спросила:

— А ты когда-нибудь видел живьём человека, который чувствует каналы?

— Искателя? Нет, конечно. Говорят, они больше не рождаются. Или рождаются, но не обнаруживают себя. Дураков нет... — мрачно буркнул Шокер.

— Почему?

— Потому что ради того, чтобы завладеть таким человеком и заставить работать на себя, официальная и тайная системы поверхности перережут друг другу глотки. А искатель потом окажется в самом жестоком рабстве. Я бы ему не позавидовал, независимо от того, кому именно он в итоге достанется.

— А что, разумно к делу подойти — никак? Чтобы все были целы и довольны, и каналы новые отыскивались?

— Где ты видела разум в борьбе за власть? В этом деле много чего есть, но с разумом напряжённо. С совестью ещё хуже. И уж всем плевать на отдельного человека, когда дело доходит до всяких подлостей ради якобы великих целей... — угрюмо нахмурился Шокер. — Найдёшь ты тему, Кира... Прямо для романтической беседы.

— А разве новые каналы так нужны?

— Мне кажется, империи и так хватает того, что есть и что официально известно. Тайной системе не помешали бы ещё каналы. Но я подозреваю, что в распоряжении тайной системы есть ещё уникальные монастырские карты.

— Но искателей ищут?

— Да нет, никто их намеренно не ищет. Их нельзя найти. Тестов нет, не может их быть, — усмехнулся Шокер. — Придумывают разные тесты, но это без толку. Способности искателя извне не выявить. Нет физического индикатора, только сам человек может сказать, что он чувствует на местности что-то необычное. Не скажет ничего — никто и не узнает. Вот собственные проникающие способности можно выявить у очень маленьких детей, даже до года, для этого достаточно показаний приборов. Искатели — совсем другое дело. Никто не знает точно их физической природы, поэтому в древности их считали божественным проявлением. Поэтому они в монастыри и уходили.

— Но если предположить, что искатели всё-таки кому-то сильно понадобились, и их активно ищут, то кто это может быть?

— Я-то откуда знаю? — невесело засмеялся Шокер. — Отвяжись ты от меня с этой тягомотиной. Зачем тебе это всё?

— Разобраться хочу со всем этим, со слоями этими странными. Почему курьеры вдруг проваливаются. Почему выжить не могут. Кто каналы намеренно портит...

— О-о-о, — тревожно протянул Шокер. — Это ты далеко замахнулась.

— Тебе это не интересно? Это же и тебя касается. Всей жизни твоей касается. И того, что с тобой случилось, и с сыном твоим... Вот я и хочу разобраться.

— Если ты о моей жизни, то даже не вздумай ради этого что-то затевать! Ты мне ничего не должна! Когда-то я вытащил тебя из слоя, но ты мне ничего не должна! Наоборот, ты с тех пор столько для меня сделала, что это мне теперь с тобой расплатиться нечем...

— Что, прости, тебе нечем? — я посмотрела ему в глаза. — То есть, по-твоему, я тогда на шхерах с тобой... расплачивалась?!

Шокер хватанул ртом воздух, закрыл глаза, помотал головой:

— Кира... Это просто фигура речи!

— Ах, фигура! А я-то думаю, какого ж хрена?.. А это просто фигура!

Я встала, прошлась по комнате, собрала в кучу бельё и одежду Шокера, подошла к нему... Хотела швырнуть в физиономию, но просто аккуратно положила ему на колени.

— Одевайся.

— Кира, не надо.

Я смиренно села на краешек постели.

— Что смотришь? Я сказала: одевайся.

Он подчинился. Я внимательно наблюдала. И когда он, наконец, заправил свитер в брюки и затянул ремень, уточнила:

— Всё? Тогда вали.

— Я у себя дома вообще-то.

— Не вопрос. Уйду я.

Я встала, собрала свои тряпки и, не одевшись, пошла к двери.

Он догнал меня, развернул и схватил. Я только ногами в воздухе взбрыкнула, и он прижал меня к себе на весу.

— Отпусти.

— Вылезешь из бутылки — отпущу.

— Шокер, твою ж мать! Отшутиться думаешь? Хрен тебе! Отпусти, и всё на этом. Нищесброд! Придёшь, когда будет, чем расплатиться!

Он попытался меня поцеловать, я не далась.

— Слушай, это в самом деле так обидно? — с досадой спросил он. — Вот так, из-за одного дурацкого слова? Ты же умная девочка, добрая, чуткая, ну зачем же так? Из-за одного слова?

— То ли ещё бывает из-за одного слова!.. Отпусти! — я вырвалась, скользнула вниз, и меня обожгла резкая боль. — Аййй!

— Что такое? — испугался Шокер.

Я посмотрела на себя. На животе наливалась кровью огромная глубокая царапина. Это я о ремень Шокера приложилась, пропоролла острым торчащим язычком пряжки.

Шокер выругался.

А у меня слёзы закапали. Не от боли, боль полоснула и исчезла. От обиды и нелепости ситуации.

— Ш-ш-ш... — зашипел на меня Шокер. — Пятачок, не реви... Не плачь, кроха.

— Да поди ж ты прочь, наконец!

Он потянулся ко мне.

— Руки убери! Измажешься...

— Стой и не двигайся. Сейчас лекарство принесу!

Шокер убежал, потом вернулся с бутылочкой снадобья для обработки ран и куском бинта, щедро накапал настойки, протянул руку.

— Я сама!

— Да уймись уже, — устало сказал он и приложил бинт к ране.

Щипало и дёргало ужасно, но через минуту кровь остановилась.

— Шрам останется, — вздохнул Шокер.

— Мои шрамы меня украшают, — буркнула я. — И вот что, Шокер... Список наших с тобой особых правил растёт. Запоминай на будущее, а лучше запиши: или оба в штанах, или оба без штанов.

Шокер засмеялся.

— Так и что?.. — уточнил он сквозь смех. — Ты оденешься? Или мне раздеться?

Я пошмыгала носом и тоже заржала.

И тут у него зазвонил телефон. Всё ещё смеясь, Шокер глянул на экран и ответил:

— Да, Нарратор, слушаю.

И улыбка мгновенно исчезла с его лица.

— Я понял. Буду через полчаса... Хорошо, постараюсь быстрее.

— Что случилось? — спросила я, когда он убрал телефон.

— Нарратор вызывает.

— Зачем?

— Не знаю.

— Врёшь. Знаешь. Вон физиономия сразу стала про войну.

Шокер вздохнул:

— Быстро одевайся, уходим отсюда. Я тебя провожу, заскочу домой, потом к Нарратору. Давай, давай, Кира, не спи!

Шокер довёл меня до ворот моего дома. Мы простились наскоро, сумбурно. Наговорили друг другу какой-то торопливой чепухи, даже поцеловаться было некогда. Шокер бегом помчался обратно.

Я дошла до входной двери и позвонила.

Миша открыл быстро, словно за дверью стоял.

— Всё-таки пришла, — сказал он без особого выражения. — И даже сегодня, а не завтра.

— Здравствуй!

— Вечер добрый, — фыркнул он. — Да входи уже, что ты как неродная. Твой дом, вроде бы.

Он отвернулся и пошёл было к лестнице, но остановился.

— Мне где лечь сегодня?

— Где обычно.

— Если лягу, где обычно, то думаю, тебе будет немного неловко... — отозвался он. — Мне тоже.

— Миша...

Он обернулся.

— Миша! Я тебе говорила ведь: не трать на меня время! Говорила?

Он насупился.

— Так легко сначала все мои слова игнорировать, а теперь меня же ещё и... — я обошла его и побежала вверх по лестнице. — Где хочешь, ложись! Весь дом в твоём распоряжении, кроме главной спальни!

— Могла бы и не говорить! Разве я посмею осквернить мавзолей?! — воскликнул он.

— Вот только попробуй что-нибудь вякнуть про Йана!

— Даже не собирался! — возмутился Миша. — Но вот как так у тебя выходит, а? Любишь одного, скучаешь по второму, а утешаешься третьим. Извини, я на роль третьего не гожусь. Может быть, и гожусь, конечно, но не хочу. Прости... Перед братом твоим неудобно, он хороший мужик, и я ему слово дал...

— Я освобождаю тебя от любых обязательств, которые ты себе вообразил! Завтра мы вернёмся домой, и всё закончится, я тебе обещаю. Потерпи до завтра.

Он отмахнулся и пошёл в гостиную. Там был неплохой диван, годный для ночёвки.

Я поднялась вверх, как всегда, долго принимала ванну, переоделась и отправилась горевать в главную спальню. Уселась на синем пушистом коврик, скрестив ноги и уставилась на две луны в ночном зимнем небе. Дежавю. Хотя нет, тогда летом ковриков ещё не было. А Шокер был. И были красивые грустные песни...

Внизу раздался звонок.

Придётся встать и спуститься. Мишка не обязан работать привратником, да и вряд ли он сейчас в настроении.

Я вышла на лестницу и услышала снизу Мишкин голос и второй, тоже знакомый.

— Кира, тут к тебе пришли! — крикнул Миша.

В холле стоял Скай, подмёрзший, без шапки, в огромной куртке, расстёгнутой у ворота.

— Привет, Скай! Ты как-то не по погоде одет... Что случилось?

Скай облизнул губы. Эта его дурацкая привычка. Он всегда проводит языком по губам, когда волнуется или собирается соврать. Интересно, в чём же дело сейчас.

— Апрель! Шокер просил тебе передать...

Он принялся расстёгивать куртку, пальцы плохо слушались его.

— А позвонить Шокер не мог? — удивилась я.

— Видимо, нет, — ответил Скай и наконец-то расстегнул куртку совсем.

Под курткой Скай самым причудливым образом был обмотан широким шарфом-слингом. В слинге спал крошечный младенец, одетый и укутанный, как кочан капусты.

— Шокер вот это просил передать?! — изумилась я.

Скай кивнул.

— Развяжите эту штуку, — попросил он и скрестил руки, поддерживая ребёнка.

Мы с Мишей осторожно распутали слинг. Скай вздохнул с облегчением и ловко взял малыша так, как их обычно берут. Те, кто умеют.

— И что всё это значит, Скай?!

— Присмотри за ним, пожалуйста!

— Как долго?

— Некоторое время.

— А вы все куда отправляетесь? По грибы?

Скай мотнул головой и снова облизнул губы.

— Что случилось, Скай?! Говори, немедленно!

— Нам нужно срочно покинуть город. Мы не можем тащить с собой Тима, это опасно. Он должен оставаться в спокойном месте. Шокер велел отнести его сюда... Его надо развернуть, здесь жарко.

Скай оглядел холл, и, за неимением лучшего, опустил ребёнка на банкетку, развернул флисовый плед, сложенный в три слоя, одеяльце, снял с младенца шапку.

Я смотрела на малыша. Такой милый, маленький, уже никакая не зверушка, а совсем-совсем человечек. И так сладко спит... Но что я с ним делать-то буду?!

— Апрель!

Я очнулась и взглянула на Ская.

— Возьми! — сказал он и протянул мне ребёнка.

Я, как дурочка, покрутила руками в воздухе, не понимая, как руки-то сложить, чтобы взять младенца. Но кое-как справилась. Он был мягкий, тёплый и тяжёленький.

— Я же не умею, Скай! — кажется, мой голос прозвучал жалобно.

— Да ничего сложного...

— Ёлки-палки, Скай! Ничего сложного? А подгузники где? А кормить чем? Переодеть во что?

Скай судорожно сглотнул:

— Извини. Вот... только Тим.

— Что происходит, Скай?!

Он покачал головой.

— А почему тогда ты Лали не привёл? А ей можно оставаться в опасности? А Валея? Из неё что, хорошая партизанка?

Скай со страдальческой гримасой всплеснул руками:

— Не спрашивай меня ни о чём, я тебя умоляю! Шокер попробует с тобой связаться. Сама не звони, наши прежние симки уже не действуют.

Мальш зашевелился у меня в руках, закричал, хныкнул. Я чуть качнула его, и он успокоился. Может, и правда ничего сложного...

— Ну, я побежал, — виновато сказал Скай и стал снова застёгивать куртку.

— Послушай... Ты — Скай, да? — подал голос Мишка, до этого молча стоявший в стороне. — Может, вам там люди нужны? Я могу помочь.

Скай пожал плечами:

— Знаешь, вот как по мне, я бы сказал «да». Но Шокер, скорее всего, ответил бы, что здесь... — Скай кивнул на меня. — ... тоже есть, чем помочь. Лучше, если Апрель не будет одна.

— Здесь есть... ну как его... слуга... по хозяйству, в общем, — возразил Мишка.

— Нет, спасибо тебе, приятель. Но останься тут.

Скай наклонился к племяннику, тронул мизинцем крошечную ладошку, выпрямился и неловко улыбнулся мне:

— Пока, Апрель, я побежал!

Он вышел и захлопнул за собой дверь. Я стояла в оцепенении и смотрела ему вслед.

— Кир, ты в порядке? — осторожно уточнил Мишка.

— В полном! — бодро ответила я. — Вот только если он проголодается или обкакается, я точно сойду с ума.

— Здесь ведь есть круглосуточные магазины или аптеки?

— Вообще-то в Йери ночью принято спать. Но надо попытаться. Я позвоню Ятису.

Я прошла в гостиную, положила малыша на диван к самой спинке подальше от края, взяла телефон.

— Ятис, у нас проблема!

Он выслушал мои возбуждённые вопли и ответил, что постарается найти всё, что нужно, и придёт, как только всё это добудет.

Я попыталась позвонить Марату, но номер брата оказался недоступен.

И сразу же раздался входящий звонок.

— Кира, ты прости меня за такой подарок, — сказал Шокер. На заднем плане слышались какие-то металлические шумы. — Ты говорила, что если мне понадобится помощь... Этот тот случай. Другого выхода не было.

— Да ладно, — отозвалась я слегка заторможено. Тут было два варианта: или наорать на него в панике, припомнить ему, что он собирался непременно держать ребёнка при себе, или же делать вид, что ничего особенного не случилось. Орать на Шокера я сейчас не могла: в его голосе отчётливо слышалась катастрофа. — А где Лали, почему ты и её не прислал?

— Лали? Лали пропала. Я не знаю, где она.

— Как она могла пропасть, у вас там толпа народу!

— Об этом не сейчас, Кира.

— Ну, ладно. Ничего, справлюсь как-нибудь сама, не переживай.

— Если завтра будет возможность уйти на изнанку, уходи и Тима забирай, — сказал Шокер торопливо. — Я найду вас, где угодно. Но лучше, если вы переберётесь туда.

— А что происходит, Шокер? И почему Марек не доступен?

— Не телефонный разговор.

— Во что ты опять вляпался, чудо?

— Сбереги моего сына, пожалуйста. И прости, — он горестно вздохнул. — Если сможешь.

Он сбросил звонок.

Прощу, конечно, какие проблемы... Я тяжело вздохнула и убрала телефон.

— Кир, тебе, может, чаю заварить? — растерянно предложил Мишка.

— Миш, мне бы водки.

— Понимаю тебя. Сам бы не прочь, — усмехнулся он. — Но нет ничего страшнее двух неумелых пьяных нянек. Пока у нас этот карапуз, объявляется сухой закон.

— У нас с тобой сухой, но не у него, — вздохнула я, глядя на младенца, который всё ещё спал, но забеспокоился во сне и задёргал ножками. — Кажется, подгузник пора менять.

— Подгузники нынче такие делают, что полведра впитать могут, так что не паникуй, — уверенно сказал Мишка. — В любом случае, в доме есть полотенца, из которых можно что-то смастерить, если понадобится.

— Его мать куда-то исчезла. И я так и не поняла, как давно его кормили...

— Внизу в кладовке чего только нет. Если есть сухое или концентрированное молоко в любом виде, выкрутимся. Ты не забывай, я всё-таки химик.

От нахлынувшей благодарности к Мишке накатили слёзы. Он не заметил, сказал что-то ещё и вышел в холл.

Малыш заплакал. Сначала тихо, потом всё горше и громче. Я села поудобнее, взяла его на руки и положила к себе на колени.

— Ну что, мелкий, не повезло тебе... Ты уж потерпи, пока мы что-нибудь придумаем.

Тима немного отвлекли новые ощущения, но, когда он понял, что тот, кто его держит, кормить не собирается, заплакал с новой силой.

Из холла сквозь крик младенца доносились какие-то звуки, шаги, дверь открылась и закрылась. Но оказалось, что, когда на твоих руках орёт ребёнок, какой бы ни был острый слух, ничего, кроме этого крика толком не слышишь.

Заглянул Мишка с радостной физиономией.

— Кира, Ятис пришёл! Принёс огромную упаковку подгузников, большую банку со смесью и ещё что-то в сумке. Сейчас всё сделаю.

Возился он долго, я чуть с ума не сошла от ожидания, но, наконец, Мишка показался в дверях с детской бутылочкой.

Малыш бойко зачмокал. Молоко в бутылочке стало медленно убывать.

— Молодец, Тимоха, — вздохнула я с облегчением.

— Всё будет хорошо, не волнуйся, — Мишка погладил меня по плечу. — Я с тобой.

Я кивнула и шмыгнула носом.

Тим не допил бутылочку до конца, уснул прямо с соской во рту. Пушистые волосики на затылке взмокли от трудов праведных.

— Всё нормально, значит, больше не хочет, — авторитетно заявил Мишка и забрал бутылочку. — Куда бы его положить, чтобы уж там и спал?..

И тут где-то на улице раздался громкий сухой хлопок. Потом ещё один. Спустя секунд десять целая очередь хлопков, но уже где-то дальше. Я взглянула на Мишку. Он недоумённо пожал плечами.

— Что это? Выстрелы?

— Возможно, — процедил Мишка. — На всякий случай к окнам не подходи. Даже к тем, что выходят на задний двор.

И тут грохнуло. Это был уже не хлопок. Это был полноценный грохот, сочный, густой, вселенский грохот с раскатами, отозвавшийся вибрацией и жалобным звоном стёкол в доме.

Миша рванулся ко мне, присел рядом и обнял нас с Тимохой, обоих сразу.

— Спокойно, Кира. Не паникуй.

— Это взрыв?

— Да. Очень сильный и очень далёкий. Будь такой близко, стёкла бы просто вышибло. Раздался второй такой же взрыв, и снова запели стёкла. И внезапно в доме погас свет. Мишка вскочил и бросился в холл.

— Миша!

— Спокойно, Кира! Я здесь, никуда не уйду... Ятис!

Я услышала шаги Ятиса и его встревоженный голос:

— В доме всё исправно, — заверил он. — Похоже, электричества нет во всём районе.

Я полезла за телефоном. Он работал, заряд батареи был ещё вполне приемлемый, но вот ни одной антенны моих симок на экране не было.

Я с трудом встала с дивана со своей ношей и вышла к мужчинам в холл.

— Миша, связи нет!

— Неудивительно, — вздохнул он.

В три широких окна, выходящих на заснеженный парадный садик и на ограду, не было видно ни одного огонька. Ни на улице, ни в домах. И не только на берегах канала, вообще везде. Только две луны освещали погрузившийся во тьму Йери.

— Если лишит нас электричества, накроется всё. От работы в каналах до простейших бытовых удобств... — сказала я. — Если кто-то взорвал что-то серьёзное, нам конец. На улице мороз и не работает ничего.

— Всегда есть резервные схемы энергоснабжения, — уверенно сказал Мишка. — Если в такой ситуации весь город, кто-то должен этим заняться.

Снова грохнуло, и основательно.

— Похоже, уже занимаются, — фыркнула я.

Тимоха заворочался у меня в руках, напрягся, вытянул ручки и захныкал.

И мне очень хотелось заплакать, но я только покрепче прижала к себе этот кусочек Шокера.

* * *

После полуночи наши телефоны показали наличие сигнала от оператора. Но все набираемые номера были недоступны. Даже когда я звонила стоящему рядом Ятису, а он потом звонил мне на мой включённый телефон.

Единственным номером из известных мне, который был доступен, оказался номер диспетчерской. Но и тут не обошлось без форс-мажора. Номер диспетчерской был доступен, но занят.

Сколько лет я имела дело с гатрийскими диспетчерами и на поверхности, и на изнанке, никогда, ни разу не было такого, чтобы я им позвонила — а там занято. Очень чётко у гатрийцев было рассчитано необходимое количество операторов диспетчерской, вероятно, с большим запасом. Все знали: если кому-то нужна помощь, ждать её не придётся. И вот, всё когда-нибудь случается в первый раз. Видимо, количество операторов диспетчерской в Йери оказалось слишком ничтожным, чтобы обслужить всех желающих пожаловаться на свалившиеся напасти.

Несколько часов город был обесточен полностью. То, что не было света на улице и в домах, было только частью проблемы. Гораздо хуже было то, что перестал работать ещё и водопровод. Про такую роскошь, как связь и информационные сети, уж и говорить не приходилось.

Не знаю, как выходили из положения другие, но мы с бытовыми напастями кое-как справились. И то лишь благодаря тому, что вокруг много снега, а в нашем саду его было очень много, и он был чистый. У Ятиса в хозяйстве нашлась очень старая горелка, работающая на чём-то вроде керосина или горючего масла. На мой вопрос, откуда она взялась, Ятис пояснил, что набивал кладовку, чётко следуя инструкциям Йана, поэтому именно Йану мы обязаны тем, что в доме припасено множество полезных вещей. Вероятно, Йан, как человек, понимающий, что происходит на поверхности, предполагал, что вскоре привычная жизнь может в одночасье разрушиться. На этой допотопной керосинке мы несколько раз за ночь кипятили талую воду, чтобы приготовить ребёнку смесь и немножко помыть его. Сами же мы испытали на себе все прелести жизни в пещере. Разве что постели не из мха и сена. А так практически никакой разницы: темно, холодно, поесть не приготовить, туалет не работает и, самое неприятное — никакой информации о том, что происходит, и как долго это продлится.

Всю ночь напролёт я думала о двух вещах. Первая: как бы мне не заснуть и не задавить случайно малыша, которого нам пришлось положить с собой в кровать, чтобы он не замёрз. Вторая: что бы я делала, не окажись рядом Мишки и Ятиса. Этот чёртов Шокер, чем он думал, когда решил оставить мне Тима? Поручить крошечного ребёнка такой безрукой простофиле, как я, это же надо додуматься! Мишка и тот понимал в уходе за младенцами больше, чем я.

К утру кое-что изменилось. Иногда — не всегда, но иногда — из кранов текла вода. Опять же ненадолго появилось напряжение в домашней сети, и Ятис смог кое-что приготовить. Полы, которые ещё вчера были ощутимо тёплыми, а за ночь стали ледяными, теперь снова слегка затеплились.

Меня же больше интересовало, когда появится нормальная связь.

Мы сидели в гостиной, набросив на себя тёплые тряпки. Я пыталась дозвониться до диспетчеров. Пока это был единственный возможный источник информации.

Мне повезло, наверное, с сотого раза.

Голос диспетчера был убитый. Что тут удивляться, им, видимо, вздохнуть некогда. Представившись, я задала самый главный вопрос: что с рейсом на изнанку, заказанным на утро.

— К сожалению, в связи с чрезвычайной обстановкой все частные рейсы отменены. Приносим извинения за неудобства.

Этого следовало ожидать.

— Похоже, домой мы сегодня не вернёмся, — сообщила я Мишке, который сидел на краю дивана и присматривал за спящим малышом.

Вид у Мишки стал очень расстроенным, но он только тяжело вздохнул:

— Не переживай, ты в этом не виновата. Переживать бесполезно, если сам ничего не можешь с этим сделать.

Раздался энергичный громкий стук во входную дверь.

Я выглянула в холл.

— Ятис, что опять света нет?

— Есть, — отозвался Ятис из кухни. — Но энергосистема дома сама себя перенастраивает в условиях нестабильной подачи и падения напряжения. Видимо, звонок обесточен, как не самый необходимый бытовой электроприбор... Я открою, госпожа, не волнуйтесь.

— Занимайся делами, я сама.

Я подошла к двери и открыла.

На пороге стоял Файр Альдон.

Я не трусиха. Была бы трусиха, никто бы не заставил меня прыгать в трубы, даже под самым искренним клятвенным заверением, что там бездонный канал. Но, увидев Альдона ещё раз, в том же самом месте и практически в то же самое время суток, что и вчера, я испугалась. Даже зная, что в доме двое сильных и решительных мужчин, которые этому мерзавцу и рукой пошевелить не дадут, если что.

Альдон был одет не по-зимнему легко. Не в тёплой куртке, а в тонком френче поверх форменной рубашки. На его лице красовались трофеи: тёмно-фиолетовые синяки и глубокие царапины, оставленные моим табуретом.

— Здравствуй, Кира.

— Не всё получил в прошлый раз? За добавкой пришёл? — процедила я, совершенно не зная, как вести себя с ним.

Он отвернулся, рассеянно глядя на заснеженный сад.

— Я пришёл узнать, не нужна ли помощь, — сказал он несколько равнодушно.

— От тебя?! — поразила я. — Да Боже упаси. Проваливай.

— Я знаю, что у тебя был заказан рейс на изнанку. Все заявки на частные рейсы аннулированы...

— Я в курсе.

— Я могу дать тебе место в одном из служебных рейсов департамента, от моего имени, — сказал он, всё так же смотря в сторону. — Точное время сейчас не скажу, но в течение дня попадёшь на изнанку.

— Это с чего вдруг? Да пошёл ты знаешь куда? Не нужна мне твоя помощь, даже в качестве извинения. Я не принимаю от тебя извинений, ни так, ни как иначе.

Я стала закрывать дверь.

— Кира, подожди! — крикнул он, не пытаясь удержать дверь, как в прошлый раз.

— Что? — я чуть приоткрыла дверь и выглянула.

— Это не извинения. Это просто помощь.

— Да плевать мне! — возмутилась я.

— Вчера мне надо было выяснить, почему никто из вас не выдвинул обвинения против меня. Я разговаривал с Марекком Вайори. Теперь я знаю, почему.

А я-то понадеялась, что Марек выполнит мою просьбу и будет молчать. Но, похоже, вчера был не мой день. Да и сегодня тоже.

— Даже если ты знаешь, это ничего не меняет. Я вчера еле отмылась от твоих рук. От того, что ты мне кровный родственник, мне только тяжелее, а не легче. Так что пошёл вон, Альдон. Не до тебя сейчас.

Он тяжело вздохнул и взглянул мне в глаза.

— Ты меня завела, давно, с первой встречи. Когда умер Йан Клайар, мне показалось, что... В общем, я не за ту тебя принял.

— Я догадалась. Ты ошибся, да. Я не дорогая шляха, которую можно передавать с рук

на руки.

— И уж я бы никогда не взял себе в голову ничего подобного, если бы мог предположить, что ты мне сестра.

— Нет, Файр. Никакая я тебе не сестра. Так что иди отсюда. И в следующий раз прежде, чем расстегнуть штаны, лучше спроси женщину, знает ли она, кто её отец. Покойный лорд Альдон, говорят, был любвеобилен, так что у нас с тобой, Файр, может быть очень много кровных родственников в Йери. Всё, пока!

Я толкнула дверь, чтобы окончательно её захлопнуть.

— Кира, постой!

— Да что тебе?!

— Тебе в самом деле лучше бы уйти на изнанку на время, пока всё не успокоится и не восстановится. Дело пары недель, я думаю, но обыватели за эту пару недель натерпят. Мы за ночь восстановили подачу энергии на несколько транспортных баз, но мятежники блокируют энергоснабжение по основным контурам, поэтому в городском хозяйстве возможны серьёзные сбои. Да и инциденты с применением оружия в городе нельзя исключать... — торопливо заговорил он. — Не упрямясь, позволь помочь тебе.

— Я не одна. Нас трое.

— Трое? — он озадаченно сжал губы.

Я обернулась. Мишка стоял в дверях гостиной с малышом на руках и внимательно наблюдал за нашим разговором.

Я кивнула Альдону на Мишку:

— Да, вот, видишь? Нас трое. Так что спасибо, одна я никуда не полечу.

Альдон задумчиво посмотрел на меня и полез за телефоном:

— Майрен, это Альдон... Как там, третий канал заработал?

— Да, запустили, — динамик у телефона Альдона был безобразно громкий.

— Отлично, — отозвался Альдон. — Мне надо отправить троих.

— Кто такие?

— Семья.

— Ты же своих давно отправил, — фыркнул на том конце неведомый Майрен.

— У меня большая семья! — отрезал Альдон и проворчал вполголоса. — Сам не ожидал...

— Хорошо, вези. Но троих! Три места зарезервирую, если окажется больше народу, отправлю обратно.

Альдон отключил телефон и обвёл нас серьёзным взглядом:

— Полчаса даю. Хватит?

Я оглянулась на Мишку. Он кивнул.

— Минимум вещей, — скомандовал Альдон. — Вот, для ребёнка что-то, и всё.

— Куда ведёт этот третий канал?

Он пожал плечами:

— Это имеет значение? В Норвегию, в район Харданьгервида.

— У нас с собой нет шенгенских документов для изнанки.

— Неважно. На базу я отвезу вас сам. А чтобы отсидеться, документы не нужны. Место тихое, даже дикое, спокойное. Местная коммуна кормится от гатрийской базы. Никто посторонний вами не будет интересоваться. Но зато гарантирую нормальные условия... Всё, будьте готовы, я заеду через полчаса.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Файр, а где Марек? Я не могу до него дозвониться.

— Командует спецоперацией, — коротко ответил Альдон. — Стандартные симки действуют только для звонков в диспетчерскую, ты не сможешь дозвониться до него, пока чрезвычайное положение не будет отменено. Никто ни до кого не сможет дозвониться.

— А у тебя другая симка, особенная?

— Разумеется, — устало вздохнул Альдон и уставился на меня. Потом ещё раз вздохнул, вынул телефон, долго мотал список контактов туда-сюда, сделал вызов и сунул телефон мне. — Поговори.

После долгих длинных гудков Марек всё-таки ответил:

— Что тебе, Альдон?

— Марек, это я.

— Систер, ты в порядке? Ты цела?

— Да, всё хорошо.

Я бросилась вверх по лестнице, подальше от всех, чтобы никто не слышал разговора.

— Почему ты звонишь с номера Альдона?

— Он пришёл к нам, предложил вывезти меня на изнанку. По третьему каналу.

— Обычный служебный канал, — задумчиво сказал Марек. — Им редко пользуются для оперативных целей, там приёмная база неудобно расположена, в чёртовой глуши...

— Я согласилась. Может, не стоило?

— Кирюш, если он дал тебе позвонить мне, значит, дурного на уме у него нет. Он своей шкурой дорожит, и он знает, что я с ним сделаю, если он решится на что-то скверное. Поезжай спокойно.

— А что вообще происходит, Марек?

— Возможно, скоро жизнь на поверхности начнёт меняться. Если мы сделаем всё правильно.

— Марек, я бы лучше осталась здесь. Подумаешь, с электричеством перебои! Ни за что не уехала бы, но со мной ребёнок Шокера. Он просил уберечь его.

— Вот поэтому, Кирюша, поезжай с Альдоном. Я сообщу о том, где ты, всем, кого это касается.

— Марат, только береги себя, пожалуйста!

— Ну, само собой, а как же?! Не думай о плохом. Всегда помни, что я у тебя есть.

Я вернулась вниз и отдала телефон Альдону.

— Собирайтесь, — буркнул Альдон, засовывая телефон в карман. — Я скоро вернусь.

— Какая отличная погода, даже ветра нет! И Тим спит уже два часа, — я склонилась над коляской, проверила. Малыш спокойно спал. — Миша, ты не замёрз?

Мишка молча покачал головой.

— Миш, что с тобой?

— Всё нормально, — спокойно ответил он.

— Миша...

— Всё в порядке! — рывкнул он и сделал несколько быстрых шагов вперёд, потом резко развернулся. — Извини, Кира. Ты ни при чём. Правда, всё хорошо.

— Ну, как знаешь, — вздохнула я. — Не хочешь — не говори.

Тимоха в коляске заворочался, насколько это было возможно в его многослойном одеянии, да ещё внутри мехового конверта. Я наклонилась к нему, потискала, погладила, потрясла коляску, и он снова затих.

— Отлично справляешься, — сказал Мишка. — Я тебе уже и не нужен.

— Шутишь? Вот потому и справляюсь, что ты рядом. Иначе давно с ума бы сошла.

— Не шучу. Ты вполне обошла бы без меня. Ты всё за что-то переживаешь, а уже давно не за что.

— Ты что, хочешь уехать?! — испугалась я.

— Куда я денусь? — удивился Мишка. — Без паспорта и без данных о пересечении границы.

— А был бы паспорт?

— Что об этом говорить? — буркнул Мишка.

— Ну, хоть об этом поговорить. Ты же молчишь уже который день. Тимоха и тот со мной больше разговаривает, чем ты.

— Кира... — Мишка нахлобучил лохматую шапку на самые брови и насупился. — Ну не надо этих разговоров. Не ломай ты мне последний кайф...

— И в чём тот кайф? Чем у тебя вообще голова занята?

— Я мечтаю.

— Замечательно. И о чём?

— О несбыточном. О том, чего никогда не будет.

— Например?

— Вот мы ходим тут кругами, гуляем... Ты, я, ребёнок в коляске. И я представляю себе, что уже год прошёл, мы давно вернулись домой, и мы вместе, и это не Тим, а наш сын. Я представляю себе то, чего никогда не будет. Глупые мечты. Этого никогда не будет, я теперь понимаю. Но пусть хотя бы так... А ты с разговорами своими.

— Миша! — я остановилась. — Ну, прости меня, что же я могу поделать?!

Он покачал головой:

— Да я не обижаюсь. Я давно все твои слова вспомнил и понял, что ты ни разу никогда не давала мне никаких обещаний. Не к чему придраться. Ты была со мной честна. А я... Я просто с детства такой. У меня мечты одна за другую цепляются, и всё так живо, что я верю, будто всё уже стало явью. Потом всегда облом за обломом, а винить некого... Эй, ты не вздумай реветь на морозе! — Миша снял варежку и стал осторожно вытирать тёплыми пальцами слёзы с моих щёк. — Не плачь, лицо обморозишь! Пойдём домой!

Мы побрели к гостевому домику, который за три недели стал таким привычным.

Никогда прежде я не бывала в Норвегии зимой. Да и вообще, в сравнении со Швецией, я бывала тут очень редко, пару раз в год. Последние семь лет каждой весной мы с Йаном обязательно ездили в район Ослофьорда, как только становилось известно, что в долинах по берегам рукавов фьорда зацвела скандинавская сакура. Иногда это случалось в конце апреля, но обычно — на первой неделе мая. Наша с Йаном традиция стала, наверное, даже чем-то большим. Это уже был почти мистический ритуал. Провести несколько дней где-нибудь в глуши, у воды, недалеко от ледника, с которого по весне стекают десятки шумных водопадов. Не спать уже почти белыми ночами, гуляя под светлеющим небом. Сделать непременно фотографии под изумительно красивыми деревьями... Фотографий этих, кроме нас, практически никто и не видел, сама не пойму, зачем мы их снимали. Обычно бывал и второй раз в году, когда мы с Йаном ездили в Норвегию, но уже не к воде, а к горным ледникам или в прохладную тундру, и обычно это случалось в сентябре. Это был уже такой своеобразный комфортный экстрим.

Норвегия была, без сомнения, прекрасна в любое время года. Но, даже несмотря на то, что в Швеции я обычно работала, а в Норвегии отдыхала, чувствовала я себя здесь немного не в своей тарелке. Эта страна держала меня на почтительном расстоянии. И вроде бы все вокруг приветливы и доброжелательны, и жить удобно, и природа глаз радует, но меня не оставляло чувство, что всё это меня принимать не хочет и ждёт, когда же я уберусь прочь.

И вот я впервые попала сюда зимой, и, хотя местные жители утверждали, что это ещё маловато снега для здешних мест, у меня появилась лёгкая снегобоязнь. Нет, не снежная слепота, а такое странное чувство, что невероятное количество снега вокруг, особенно снежные отвалы вдоль расчищенных дорог, вокруг ферм и внутри усадеб, что всё это нападёт на меня, набросится и погребёт плод белой толщей, задавит меня, и я задохнусь. Первые несколько дней на ферме я вообще не могла уснуть, мне казалось, что, если вдруг поднимется сильный ветер, то появятся огромные блуждающие сугробы, и наш домик занесёт. Фантазия у меня оказалась богатой и вредной для нервной системы.

Коммуна, в которую нас направили на приёмной базе, была не очень многочисленна, но её поселения занимали большую площадь вдоль одной из трасс, проходящих через плато-заповедник Харданьгервида. Нас поселили на хуторе, хозяином которого был молодой здоровенный норвежец Харальд, типичный и стопроцентный викинг: синеглазый русоволосый бородач, молчаливый, но решительный. Он был женат на гатрийке, которая казалась старше мужа лет на десять, была невероятно деятельной активисткой, почти каждый день уезжала куда-то по делам коммуны, оставляя мужа заниматься детьми и хозяйством. Сколько у них было детей, мне так и не удалось сосчитать, потому что их было, во-первых, много, во-вторых, они были все погодки и не сильно-то отличались друг от друга, а в-третьих, на месте они никогда не стояли и лезли всюду, как муравьи. Слава Богу, в наш домик им лезть запретили. Мешать гостям и нарушать их покой строго воспрещалось, и не только на хуторе Харальда, но и везде в коммуне, в которой гатрийские временные поселенцы не были чем-то редким. А в последнюю пару месяцев, как сказал Харальд, заняты были практически все пустовавшие гостевые жилища.

Наш домик мне нравился. Небольшой, одноэтажный, с кухней-студией и спальней. В домике было тепло, просторно, уютно. В плохую погоду, если ещё и холодильник был полон, можно было днями не вылезать наружу, всё необходимо для жизни было внутри и работало безупречно. В первую неделю нам пришлось так и сделать. Мишка тогда только один раз

съездил с Харальдом в ближайший городок, чтобы закупить продуктов и всё, что было необходимо для ребёнка, и мы долго потом просидели в доме, пытаясь что-то разглядеть через залепленные метелью стёкла. Потом стихия унялась. Дни стали солнечными, а мороз установился под двадцать, и мы начали потихоньку выползать из норы.

Хозяева любезно выдали нам коляску на полозьях. Судя по её виду, это была довольно старая штука, практически антиквариат, но для таких условий подходила идеально. Когда на улице не было сильного ветра, мы укутывались потеплее, одевали малыша и гуляли вокруг фермы по дорожкам, которые Харальд каждое утро расчищал на маленьком юрком тракторе.

Я научилась ловко управляться с младенцем, который, кстати, день ото дня становился всё упитаннее, и я уже стала беспокоиться, что Шокер меня потом отругает за то, что слишком раскормила ребёнка. Тим стал улыбаться и интересоваться яркими игрушками. Я уже не терялась, если долго оставалась с ребёнком одна, тут Мишка был прав. Но мне не хотелось остаться без его помощи. Миша внушал мне уверенность. Может быть, он сам тоже паниковал и чего-то опасался, но был всегда невозмутим.

В гостевом домике была всего одна спальня. Детскую кроватку мы переставили к окну, а нам с Мишкой пришлось спать вместе на единственной огромной кровати. Наверное, Мишке было нелегко, но он вёл себя, как друг и джентльмен, то есть не только не намекал на интим, но и не показывал, насколько всё это его тяготит. А в том, что тяготит, я не сомневалась, и продолжать мучить парня, которому я основательно подпортила жизнь, мне было неловко. Выход из ситуации был только один: дожидаться, пока появится возможность переправить Мишку в Питер, чтобы он оказался, наконец, дома. С мечтами я его подвела, но хотя бы вытащить его из этой странной заварухи я должна была. А пока Миша заботился о нас с Тимом, словно это был самый главный долг в его жизни.

Вернувшись с прогулки, мы занялись обычной рутинной по давно обкатанной схеме: переодели и покормили ребёнка, сами выпили по чашке кофе, включили стиральную машину.

— Ты полежи, отдохни, пока Тим спит, — сказал Мишка, проверив ребёнка в кроватке. — А я поеду в город, в магазин зайду. Харальд вчера обещал меня взять.

— Попробуй узнать последние новости.

— Здешние гатрийцы не знают английского. В магазин приезжают женщины с детьми-подростками, с ними особенно не поговоришь.

— Не гатрийцы так местные знают. Здесь вся коммуна должна быть в курсе. Все так или иначе связаны с гатрийской базой.

— Хорошо, попытаюсь разузнать.

Мишка оделся и ушёл к Харальду.

Я по его совету повалялась на кровати, даже подремала немного, потом встала проверить Тима и поглазеть в окно на просторный утопанный двор, где сходила с ума малолетняя банда хозяйских детей.

Я увидела, как подъехала машина Кайи, жены Харальда. Она вылезла и принялась командовать своей малышняй, наводя порядок. Я быстренько накинула на себя куртку, сунула ноги в ботинки и вышла из домика. Подойдя к Кайе, я поинтересовалась, что нового слышно с родины.

— Никто ничего не может сказать, — вздохнула она. — Что-то происходит, но никто не знает, что именно. У нас в совете коммуны есть несколько наших, таких же, как я, гатрийских жён. Все беспокоятся, но информации не добиться.

— А как же раньше информация доходила сюда?

— Ну, как... — пожалала плечами Кайя. — Либо родственники, знакомые приезжали с новостями, либо обычной почтой. Мне брат каждую неделю писал из Йери, а теперь уже месяц никакой почты не возят вообще... Да и не удивительно. Базу нашу опять на три дня закрывали. Всё было обесточено, заблокировано, подъезды перекрыты. А когда открыли наконец, оказалось, что персонал на базе новый.

— А беженцы что, ничего не рассказывают?

— А не было ни одного беженца с тех пор, как на базе всё поменялось, — зловещим шёпотом поведала Кайя. — Прилетают только те, другие.

— Какие другие?

Кайя посмотрела на меня с некоторым недоумением. Видимо, невысокого мнения была она обо мне и особенно о моей осведомлённости.

— Другие — это которые всё это затеяли. Из-за которых всё рухнуло, — с раздражением пояснила Кайя. — Очень многие гости коммуны прилетели сюда переждать смуту, рассчитывали, что через несколько недель смогут вернуться домой. А непохоже, чтобы кто-то собирался их возвращать. Да и с родственниками теперь никто связаться не может. Люди тревожатся, все хотят домой...

— Ты тоже давно дома не была?

— Я-то не была, да и не собираюсь, — усмехнулась Кайя. — Мне некуда особо ехать. Родители меня прокляли, бывший муж убить обещал. Так что возвращаться некуда. Да и незачем.

— Да за что же тебя проклинать?

— За то, что здесь осталась. За то, что живу с мужчиной с изнанки. Только брат принял мой выбор, но и он никому не рассказывает, что поддерживает со мной связь, а то дома заклюют.

— Те люди, из-за которых, как ты говоришь, всё рухнуло... Они, Кайя, хотят, чтобы жизнь на поверхности изменилась. Чтобы гатрийские традиции, которые делают людей несчастными, больше не имели силы.

Кайя с тоской взглянула на меня, отвела взгляд и тяжело вздохнула:

— Да ну, что ты, Кира. Не в этой жизни. Не для нас. Не под силу это никому... Я тут очень счастлива. Муж-семьянин, дети, важная работа в коммуне... Здесь это возможно. Там, дома — нет.

— Почему?

— Молодая ты ещё, видимо, ты под этот гнёт каким-то чудом не попала.

— А мне кажется, что-то должно измениться...

— Да что может измениться к лучшему, когда уже столько народу убили?! — воскликнула Кайя.

— Убили?! Кто? Когда?

— Перед тем, как базу второй раз закрывали, последние прилетевшие рассказывали, что в Йери настоящая резня была.

— Кто кого резал-то? — ужаснулась я.

— Да не так уж и важно, кто кого. А важно то, что, когда такое творится, ничего хорошего потом получиться не может, — сурово подытожила Кайя.

Новость меня повергла не просто в шок, а в состояние, близкое к панике. Но выяснить подробности можно было или у пронырливых сплетников в городе, или на самой базе.

Пытать дальше встревоженную Кайю было бесполезно.

Я вернулась в домик, и очень вовремя, потому что Тимоха проснулся и громко требовал, чтобы ему сменили подгузник.

И я вдруг поняла, почему я всё ещё что-то соображаю, почему даже кошмарные тревожные новости не выбивают меня из колеи настолько, чтобы я потеряла голову. Только потому, что на моих руках сейчас этот кругленький, крикливый, требовательный человечек. Потому что ему нужно пять раз в день давать бутылочку со смесью, а ночью двадцать раз встать, чтобы перевернуть, покрыть или укачать, и ещё бессчётное количество раз сменить мокрый или грязный подгузник, и потрясти перед ним игрушками, и покатать в коляске по снегу... Что бы я делала, о чём бы думала, чем бы я себя занимала, если бы мои беспокойные любящие или просто совестливые родственники отправили меня в ссылку в одиночестве?

Когда уже переодетый и всем довольный Тимоха просто катался на моих руках туда-сюда по комнате и тарачился вокруг, я услышала, как открывается входная дверь.

Подойдя к порогу спальни, я выглянула в прихожую.

Там стояла высокая женщина в длинной расстёгнутой дублёнке и высоких меховых унтах. Её беспорядочно окрашенные пряди свисали на плечи, а от её пристального бирюзового взгляда мне захотелось вжаться и провалиться сквозь стену, столько ненависти она на меня вылила, даже не проронив ни слова.

— Лали?! Ты откуда здесь?

Она не ответила. Только запустила правую руку в карман дублёнки, а когда вынула её, я увидела небольшой пистолет.

— Ты с ума сошла?! Убери!

Я поспешно отступила внутрь комнаты, пытаюсь оказаться как можно дальше от Лали. Но она сразу же вошла в спальню, и теперь её и нас с Тимом разделяла только огромная кровать.

Лали перестала обращать внимание на меня. Она, не отрываясь, смотрела на Тима.

— Не волнуйся, Лали, с ним всё в порядке! Шокер поручил его мне, и я очень стараюсь, правда...

Она вдруг скорчила брезгливую гримасу и усмехнулась:

— Стараешься, говоришь? Поручил, значит?.. Ладно, с ним я после разберусь, — она нетерпеливо махнула рукой с пистолетом. — Положи Тима!

— Лали, успокойся!

— Я тебе сказала, дрянь, положи моего ребёнка, быстро, ну! — она вскинула руку и направила оружие на меня.

— Хорошо, — сказала я, глядя на смотрящее на меня пистолетное дуло.

Я шагнула к кровати.

— Я сказала: положи! — процедила Лали.

— Что, на пол?!

— Положи его немедленно, сука!

Она взмахнула пистолетом. Я присела и, как можно осторожнее, чтобы Тимоха не ударился головой, положила его на маленький прикроватный коврик.

— К стене! — скомандовала Лали.

Я отступила назад.

— Дальше! К самой стене!

Я шагнула ещё назад. Лали снова подняла оружие.

Тимоха на полу вдруг захныкал, а потом заорал сразу и в полную силу. Я подалась к нему, и Лали выстрелила. Удар отбросил меня назад на стену и сшиб с ног.

Тут открылась входная дверь, и через секунду в дверном проёме я увидела два мужских силуэта. Это были Мишка и Харальд. Конечно же, они слышали выстрел.

Лали обернулась, направила пистолет в их сторону.

Я вскочила с пола, но ноги меня совсем не слушались. Я свалилась на четвереньки, добралась до Тима, лежащего на коврик, и вместе с ковриком толкнула его под кровать. Вряд ли туда залетит случайная пуля.

Лали снова стремительно обернулась ко мне и в упор направила на меня пистолет. Она сжала губы, сосредоточенно прищурилась, целясь, и стала нажимать на спуск.

И тут сзади на неё налетел Мишка, ударил снизу по руке. И та пуля, которая должна была прострелить мне лоб, ушла в потолок. Мишка схватил Лали за руку, стал выкручивать, она отчаянно сопротивлялась, не желая выпускать оружие, тянула его к себе, согнулась пополам, пытаясь защитить руку с пистолетом. Раздался ещё выстрел...

Лали так и не разогнулась. Мешком упала на колени и вниз лицом ткнулась в кровать. Мишка, растрёпанный и раскрасневшийся, пару секунд постоял рядом с ней, потом бросился ко мне.

— Кира, жива?!

— А что, непохоже? — проговорила я, чувствуя, как невыносимо начинает жечь левое плечо. — Миша, Тимоху вытащи... Он так орёт!

— Да что ему там сделается? — отмахнулся Мишка. — Ты ранена. Надо помощь вызвать... Харальд!

Хозяин тем временем склонился над Лали, приподнял её голову, пощупал пульс на шее и с озабоченной гримасой присвистнул.

— Что там, Харальд? — окликнул его Мишка по-английски.

— Мертва, — отозвался Харальд.

Тимоха всё плакал под кроватью. Я рванулась туда. Мишка удержал меня, полез сам, вытащил малыша и отнёс к окну в кроватку. Тимоха не прекращал орать, но Мишка вернулся ко мне.

— Харальд, нужна скорая!

— Наша или ваша? — деловито уточнил тот.

— В смысле? — не понял Мишка.

— Да ничего пока не надо, — сказала я. — Никакая не нужна, ни наша, ни ваша... Миша, помоги мне встать.

Он поднял меня на ноги. Чувствовала я себя странно. Жгло плечо, но отказывались работать ноги. Я наконец-то посмотрела на свою левую руку. В водолазке над локтем была прострелена дырка, и трикотажа вокруг намок от тёмной крови. И только после того, как я увидела рану, я ощутила боль по-настоящему. И закружилась голова.

— Миша, если врачей, то только гатрийских. Нельзя других...

Мишка поймал меня уже у самого пола, усадил у стенки и принялся перетягивать моё плечо своим ремнём. Я ещё раз взглянула на окровавленную руку и потеряла сознание.

Пару раз я приходила в себя, но ненадолго. В первый раз я увидела над собой несчастное и бледное лицо Мишки. Во второй — хлопчущую надо мной троицу из гатрийской экстренной помощи.

Когда же я очнулась окончательно, то обнаружила себя на кровати, под лёгким

прохладным одеялом, в полной тишине и в полумраке. Руку жгло и дёргалo, но она была туго забинтована.

— Миша!

— Я здесь! Всё в порядке, я сейчас!

Он прибежал, присел на корточки около меня, положил руку на плечо.

— Ну, как ты?

— Ничего не соображаю.

— Это от укола. Всё будет в порядке. Тебя обследовали, рану обработали, антибиотик ввели. Сказали, прострелены навывлет мягкие ткани. Всё быстро заживёт.

— Холодно почему-то, даже под одеялом.

— Тебе кажется. У тебя температура.

Я покосилась на вторую половину кровати, куда свалилась Лали. Никого там, естественно, не было.

— Где она?

— Харальд перенёс её в свой сарай. На таком морозе с телом ничего не случится.

— Как же мы так, Мишка?! Ну как же мы так...

— Я в неё не стрелял. Пистолет был в её руке. На спуск нажала она сама, — угрюмо сказал Мишка. — Это кто вообще такая была? Ты её знаешь?

— Это мать Тима.

Мишка вздрогнул. Его рука на моём плече задрожала, и он глухо, но хлётко выругался.

— Миша, мы же Тимоху сиротой сделали...

— Замолчи! Тогда уж не «мы», а я! Я же пытался у неё оружие вытащить. Я, не ты.

— Миша!..

— Что «Миша»?! — возмутился он. — А что нужно было сделать? Подождать, пока она тебя убьёт? Она в тебя стреляла! Не случайно, причём!

— Поверит ли нам Шокер? — прошептала я, холодея от одной дурацкой мысли, что всё произошедшее можно истолковать самым разным образом. Кому как на душу ляжет.

— Кира, мне наплевать на Шокера! — повысил голос Мишка. — Она в тебя целила! Я это видел, Харальд это видел тоже. Если у неё были не все дома, это не значит, что я должен был позволить ей тебя пристрелить. Да эта чокнутая и ребёнка своего могла убить!

— Да не могла, ну, что ты?! — возразила я. — Да, она чокнутая, и она просто не хотела, чтобы я Тима касалась! Меня бы она убила запросто, но не сына! Миша, а где Тимоха?

— Спит. Тут Харальд предлагает забрать его к себе на пару дней, чтобы ты могла отдохнуть. Его жена может за ним присмотреть.

— Ты с ума сошёл?! Какая ещё жена?! Тима поручили мне! Ты понял? Мне! Он должен остаться с нами!

— Ну хорошо, не кричи! — очень недовольно, но покорно сказал Мишка.

— Если с рукой ничего страшного... А там ничего страшного, подумаешь, мягкие ткани... Я утром встану на ноги... Я смогу со всем справиться, ты только немного помоги мне, хорошо? Миш?!

— Да хорошо, хорошо, — согласился он обречённо.

— У тебя готово? — крикнул Мишка.

— Да, уже иду!

Я нагнула на бутылочку крышку с соской и поспешила в спальню. Там я уселась на кровати, а Мишка положил мне на колени Тима. Теперь такая помощь была нелишней. Тим лежал на моей здоровой руке, а левой я держала бутылочку. Двести граммов моя левая рука даже с дырками от пули была в состоянии удержать.

Конечно, ничего страшного не случилось. Я, как и надеялась, быстро встала на ноги. Через сутки жар прошёл, ноги стали уверенно держать меня, рука болела сильно, но терпимо, и я справлялась, если и не точно так же, как раньше, но очень даже прилично. Готовила, что попроще. Одевалась долго. Плохо спала, потому что нельзя было поворачиваться на левый бок. Но это, в общем-то, пустяки. Хуже всего было то, что я не могла брать Тима на руки так, как обычно, и уж совсем никак не получалось носить его по комнате, а он это очень любил.

Мишка рвался помогать каждую секунду, крутился рядом и теперь старался вообще не оставлять меня одну. Даже покупать продукты больше не ездил, просил Харальда.

— Ну что, порядок? — уточнил Мишка.

— Да, конечно, спасибо.

— О, а Харальд, оказывается, ещё не уехал. Его какие-то приезжие разговорами отвлекают, — сказал Мишка, глядя в окно на двор. — Очень удачно. Пойду попрошу его кое-что нам купить.

Мишка ушёл.

Я держала Тиму бутылочку долго, но в конце концов рука заболела так сильно, что пришлось опустить её. Тимоха захныкал: молока оставалось ещё много.

— Сейчас, маленький, отдохну минутку, и доешь.

Тим возмущённо заорал.

Пришлось отдых отменить и опять поднять бутылочку.

Хлопнула входная дверь.

— Миш, помоги, пожалуйста! Что-то совсем рука не держит.

В прихожей зашуршала ткань верхней одежды, стукнули об пол сброшенные ботинки. Пришедший обошёл кровать, опустился передо мной на колени и взял бутылочку из моей руки.

Шокер.

— Андрюша...

Он посмотрел на меня серьёзно и очень печально, ничего не сказал и принялся внимательно следить за тем, как Тимоха поглощает остатки молока.

— Андрюша, у нас тут...

— Я знаю. Всё уже знаю, хозяин рассказал.

— Шокер, прости меня. Я этого не хотела.

— Разумеется, не хотела, — спокойно сказал он, не поднимая головы. — Успокойся, кроха.

Он по-прежнему не смотрел на меня, только на сына.

Шокер выглядел плохо. Похудевший, усталый, очень бледный. И непроницаемо мрачный.

Наконец, Тим допил бутылочку. Шокер отложил её, осторожно поднял сына с моих колен и встал на ноги. Прижав к себе малыша, он отошёл к окну.

— Как же ты вырос, Тимошка... — тихо проговорил Шокер. — Тебя и не узнать...

Тимоха гукнул, немного срыгнул Шокеру на плечо. Шокер усмехнулся, переложил сына к другому плечу и осторожно поцеловал его.

— Шокер, я правда, не хотела этого!

— Конечно, я знаю, — тихо сказал он, бережно расправляя Тиму воротничок.

— Шокер, ты мне веришь?

Он повернулся ко мне, каменно-невозмутимый, только глаза влажные.

— Пожалуйста, Кира, дай нам с Тимом побыть вдвоём, — сказал он и тяжело вздохнул, словно с минуту задерживал дыхание.

— Да. Конечно. Сколько хочешь... Вот тут, в коробке под столом, подгузники. Смесь и бутылочки — в кухне. Одежда, полотенца — в комод. Игрушки... игрушки везде, сам видишь. Если что, звони. Номер всё тот же.

Пока я говорила, он растерянно смотрел то на меня, то на сына.

— Кира, я ж не на неделю приехал. У меня только пара часов...

— Ты разве не знаешь, сколько раз за пару часов ребёнку может понадобиться всё это?

— Знаю, — кивнул он. — Но я не это имел в виду. У меня мало времени, и мне надо побыть с сыном. А учитывая то, что произошло, мне надо поговорить с ним. Наедине... Мне показалось, ты решила, что я тебя выгоняю...

— Я ничего не решила, — буркнула я.

— Кира... — он с досадой покачал головой.

Я через силу улыбнулась ему:

— Правда, всё в порядке. Не стесняйся, всё вокруг в твоём распоряжении... Я на связи, если что.

Я вышла в коридор, кое-как сунула ноги в ботинки, набросила куртку на плечи и вышла на улицу.

Там стояли Мишка и Елисей. Угрюмые, злые и растерянные.

Я подошла к ним.

— Привет, Лис!

Он мрачно посмотрел на меня и кивнул.

— Лис, так получилось.

— Я понял, мне уже сто раз объяснили, — он отвернулся, не желая смотреть мне в глаза.

— Ты зачем гольшом выскочила? — рассердился Мишка, рассмотрев меня повнимательнее. — Шапка где?

Не дождавшись ответа, Мишка ушёл в домик.

— Вот так едешь иногда совсем за другим, а получаешь... — пробормотал Лис и вынул сигареты. — Хреново мне, Апрель. Мало того, что я сам теперь... — Лис замолчал, не уточняя, потом закончил раздражённо. — А уж что со Скаем будет, даже не представляю.

Он взял сигарету и полез за зажигалкой.

— И мне дай.

Он сунул мне пачку, потом поднёс прикурить.

Настоящих сигарет я не брала в рот очень давно. Вкуса с тех пор в них, и правда, не прибавилось.

— Лис, прости меня!

Он печально скривился:

— Если бы вы были виноваты, я бы не простил. Но вы не виноваты, так что не надо этих дурацких разговоров. Не за что тебе извиняться. Ни тебе, ни мужу твоему.

— Миша мне не муж.

— Без разницы, — пожал плечами Лис. — Он ни при чём. Ещё неизвестно, что вышло бы, окажись я на его месте. Да любой из нас... Виноват тот, кто сказал Лали о том, что вы здесь. Вот он виноват.

— Это знали двое: мой брат и... человек, который нас сюда отправил. Но вряд ли он был знаком с Лали. Да и что за ребёнок со мной, он не знал. Скорее всего, думал, что мой.

— Когда лорд Вайори рассказывал нам... — начал Лис.

— Марек в порядке? Он цел?

Лис тряхнул головой в замешательстве:

— Абсолютно. Цел и невредим, насколько мне известно... Так вот, когда он нам рассказывал, куда тебя отправили, Лали с нами не было. Мы её с того дня не видели, когда заваруха началась.

— Тогда я не представляю, откуда он узнала, где я.

— Да какая теперь разница? — процедил Лис.

Из домика выскочил Мишка с моей шапкой в руках. Подбежал, сунул шапку мне в руки, велел надеть, а сам присел на корточки и принялся подтягивать и завязывать шнурки на моих ботинках.

— Миш, не надо!

— Надо. Тебе одной рукой не справиться. А нынче не лето на дворе, — отрезал он.

Я послушно напялила на себя вязаную ушанку с мехом внутри и взглянула на окно спальни гостевого домика. Шокер с сыном на руках стоял у окна и смотрел на нас.

Мишка выпрямился и взялся за мою куртку, снял её с моих плеч и развернул:

— Давай, быстро надевай, как положено!

Я сунула сигарету в рот, осторожно пропихнула сначала левую раненую руку, потом правую. Мишка застегнул мне молнию и наконец-то посмотрел мне в лицо.

— Это что ещё?! — злобно проговорил он, показав на сигарету.

— А говоришь — не муж, — усмехнулся Лис, наблюдая за нами исподлобья.

— Мишенька, это не твоё дело, — ответила я.

— Когда ты вдруг называешь меня Мишенькой, это означает «поди прочь, болван!», — невесело засмеялся Мишка.

— Это означает, что я докурю эту сигарету, нравится тебе это или нет... Лис, вы с Шокером как сюда с базы добрались?

— Вон, машину взяли, — Лис кивнул на небольшой внедорожник у въезда на хутор.

— Давайте съездим в город, тут километров двенадцать. В баре посидим.

— Мысль, — вздохнул Лис. — Выпить не помешает.

Мишка молча пожал плечами.

Я первая двинулась к машине, а ребята за мной.

Мы и часа не просидели в баре, а Лис уже совсем расклеился. Если смотреть со стороны, держался он замечательно. Не кричал, не плакал, никуда не рвался, просто сидел, облокотившись на стол и пристально смотрел в рюмку. Иногда он хватал Мишку за рукав и начинал ему что-то тихо, неторопливо и многословно рассказывать, а потом вдруг совершенно терял интерес к беседе, снова застывал над рюмкой и угрюмо замолкал.

Мне Мишка принёс какой-то коктейль и заявил, что это мой первый и последний, поэтому у меня полная свобода действий: хочу — пью залпом, хочу — по глотку в час.

Мне было, честно говоря, всё равно, как. Когда я звала ребят поехать сюда, я думала только о том, чтобы отвлечь Лиса. Хотя, чем уж тут отвлечёшь. Ухажёр и борец за своё личное счастье из Лиса был никудышный, но это не значит, что его горе от этого было слабее.

Когда Мишка направился к барной стойке, чтобы взять для Лиса ещё бутылку, Елисей мрачно посмотрел на меня:

— А я ведь всё время надеялся, что командир устанет под неё подстраиваться и пойдёт подальше. А тут я, весь такой в белом. И она поймёт, что не на того ставила... Эх, Лялька, Лялька... — он зажмурился и подпёр голову рукой, прикрыв глаза ладонью. — Глупо, правда?

— Чудовищно глупо. Даже я на такое не надеялась. Если что-то отвечает представлениям Шокера о долге и чести, он от этого никогда не устанет.

— Теперь-то расслабься, — язвительно бросил Лис. — Это я навечно в пролёте. А тебе всё в руку. Как по заказу.

— Иди ты в жопу, Лис! — рассердилась я.

— А что, скажешь, не так? Всё теперь, тебе путь открыт. Погорюет немного командир и поймёт своё счастье. Это он сегодня в сарае слезу пустил над Лялькой, а завтра уже приободрится...

— Пустил слезу? — переспросила я. — Шокер?

Лис угрюмо кивнул.

Значит, не привиделось мне, что глаза у Шокера были влажными. Значит, я опять дурочку сваяла, когда решила, что Шокер в чём-то меня винит и не хочет меня видеть. И как у меня только мозги вывернуты, диву даюсь. Человеку больно, а я его одного бросила.

Я встала из-за стола и пошла прочь из бара. Мишка с бутылкой в руках загородил мне дорогу.

— Куда?

— Я вернусь на ферму.

— Зачем?!

— Мне надо вернуться к Шокеру! Без вас.

— Каким, интересно, способом? — фыркнул Мишка.

— Возьму машину Лиса. Я не выпила ни капли, коктейль тебе оставляю. Посидите вдвоём, потом такси вызовете или попутку найдёте... Справишься?

— Я-то справлюсь, но, Кира, ты же не сможешь вести!

— Смогу! И не вздумай мне мешать!.. Дай ключи!

Мишка молча вынул из кармана брелок с ключами.

Куртку застёгивать я не стала, добежала до машины и забралась на водительское место.

Вести машину было очень трудно. Сразу же сильно заболела рука, а одной рукой никак было не управиться: коробка на внедорожнике была механическая.

До фермы Харальда я доехала быстро, бросила машину вместе с ключами в зажигании, подогнав её примерно на то же самое место, где оставили её Лис с Шокером.

Уже почти стемнело. Света в окнах гостевого домика не было.

Я взбежала по ступеням, ворвалась в прихожую, тряхнула плечами, чтобы сбросить куртку.

Шокер вышел из спальни, протянул ко мне руки. Я напрыгнула на него, как обезьянка, обняла за шею.

— Куда же ты сбежала, кроха? Зачем?..

— Прости! Не знаю, что делаю.

— Я же к вам обоим приехал. А ты бежать...

— Прости меня, Андрюша!

Я расцеловала его, прижалась щекой к щеке.

— Как ты, Андрюша?

— Нормально, — вздохнул он. — Всё в порядке.

— Я с тобой, мой хороший. С тобой. Больше не сбегу.

Он потоптался на месте, шагнул в кухню, посадил меня на край стола, наклонился к моим ботинкам, расшнуровал, снял, отнёс обратно в прихожую. Вернулся, подошёл и обнял крепко-крепко.

— Я ведь летел сюда вас с Тимом увидеть. Только за этим...

Я обхватила Шокера за спину и только сейчас, почувствовав его так близко, поняла, как мне страшно, горько и тоскливо от того, что случилось.

— Андрюша, как же мне плохо...

— Я знаю.

— Как она узнала про нас?

— Не понимаю. Я выясню. Пока не понимаю.

— Посмотри на меня.

Он отстранился, взглянул мне в глаза.

— Не вздумай считать себя виновным, Андрюша.

— Но я виновен. Я слово дал беречь сына и заботиться о его матери. Я его не сдержал. И тебя подверг опасности.

— Это всё какое-то чудовищное совпадение. Несчастный случай.

— Может быть, но ведь не легче от этого, — Шокер вздохнул и покачал головой. — Она очень сильно меня раздражала иногда. И претензии её были неуместны. И да, всё это было тяжело и мне совсем не нужно... Но я никогда не желал её смерти. Никогда.

Я притянула его к себе, погладила по спине, прижалась к его груди.

— Что же я Тиму скажу, когда вырастет и спросит?.. — прошептал он.

— Зачем сейчас мучить себя этим вопросом? Ты всё равно ничего не сможешь ему сказать, кроме правды.

Шокер только вздохнул в ответ.

В спальне захныкал Тим. Шокер расцепил руки и помог мне спрыгнуть со стола. Мы побежали в спальню.

Тимоха в кровати ворочался под двумя одеяльцами.

— Шокер, ты зачем его так укрыл?!

— Ну... на всякий случай. Мне показалось, тут свежо.

— Тут жарко! Эх, ты, папаша!

Я сняла одно одеяло и положила Тимоху на бочок. Он почмокал и снова крепко уснул.

— Шокер, а ты ведь голодный?

— Ну, съел бы что-нибудь, — согласился он.

— Пойдём, накормлю.

На кухне я быстро достала тарелку и приборы. Налила супа и подогрела его в микроволновке, вынула хлеб. Поставила всё перед Шокером, а сама села напротив.

Вот ничего нет лучше, чем это: сидеть и смотреть на мужчину, который... Нет, не ест. «Ест» — тут не подходит, это слишком бесстрастно. «Жрёт» тоже не подходит, не потому что грубо, просто не отражает суть процесса. Шокер... наворачивал. Бойко, с удовольствием, откусывая сразу по половине ломтика хлеба. Ложка только мелькала.

— Очень вкусно, — сказал он, вычерпав всё до дна. — Никогда такого не ел.

— Ой, что ты врёшь?! Никогда не ел суп из консервированного лосося?

— Нет, — он смущённо пожал плечами.

— Может быть, ты и макароны с обжаренным фаршем никогда не ел?

— Случалось, — улыбнулся он. — Но уже очень давно.

Я наполнила тарелку, подогрела и поставила перед ним:

— Ешь.

Он принялся наворачивать и это.

— Вот когда ты всё-таки придёшь ко мне в гости, по-настоящему, — мечтательно проговорила я. — Когда я буду не где-то в чёртовой тундре, а дома, вот тогда я тебя накормлю самым лучшим, самым вкусным, что только умею делать. А пока, уж извини, готовлю только то, что можно легко сделать одной рукой.

Шокер перевёл взгляд на мою левую руку и перестал жевать.

Я покосилась на рукав. По рубашке расплылось небольшое, но яркое кровавое пятно.

— Не обращай внимание! — я повернулась к Шокеру правым боком. — Это бывает. Ничего страшного.

— Тебе нельзя было вести машину, — сурово сказал он.

— Вы с Мишкой сговорились?

— Мы с Мишкой... — он помолчал, подыскивая слова. — ... многие вещи понимаем одинаково правильно.

— Рада за вас. Не отвлекайся на ерунду, ешь спокойно.

Он доел второе, потом сам поколдовал над кофеваркой и налил две чашки кофе.

Мы пили его молча, глядя друг другу в глаза.

— Куда ты тогда исчез, Шокер? Тогда, в последний раз, когда мы с тобой были вместе...

Шокер тепло и немного загадочно улыбнулся, хотя, вроде бы, какая уж там загадка — да никакой.

— Тогда Нарратор срочно меня вызвал, потому что было принято решение начинать активные действия. Мне с ребятами надо было уйти из Йери. Я знал, что так рано или поздно произойдёт, и я собирался отправить Лали с Тимом и Валю к дальним родственникам Лали и Ская, у них маленькая ферма довольно далеко от города. Там спокойно, к тому же осталось много всяких полезностей из прошлых времён, с которыми

можно пережить нехватку электричества. Но я прибежал домой, и оказалось, что Лали нет, она оделась и куда-то ушла ещё днём, когда я к Нарратору в департамент ходил. Она никому ничего не сказала. С ней и раньше такое бывало, ещё когда мы все были ловцами. Обижалась на что-то, уходила в себя и отправлялась, куда глаза глядят. Уходила от силы на час-полтора, не знаю, куда, зачем, что у неё происходило в голове, но она всегда возвращалась. А тут не вернулась. Я настаивал на том, чтобы Валея с Тимом всё-таки уехали из города, но Валея вдруг поставила ультиматум, что идёт с нами, хочется мне или нет...

Шокер замолчал и тяжело вздохнул.

— Андрей, она вся в тебя, характер — второй ты.

— Да уж, — покачал головой Шокер. — Похоже на то. Мать её была ангелом, покладистая и разумная. Эта же какой-то дьяволёнок... Заявила, что Скай её подготовил, и она будет нам полезна. Ну, что мне оставалось? Только отправить Скаю с Тимом к тебе. Представляю, как ты меня возненавидела.

— Так, самую малость. Я же прежде младенцев только в рекламных роликах видела, да на этикетках, а живьём вблизи — нет... Значит, с тех пор вы не знали, куда пропала Лали?

— Нет, не знали. Возможностей поискать, как следует, сначала не было. Потом, когда у нас появился доступ к поисковым системам и сканерам, всё выглядело так, что Лали нет на поверхности. И, похоже, так оно и было. Видимо, она уже была здесь. Тем более интересно выяснить, кто снабдил её информацией и оружием.

— Альдон не мог?

Шокер неопределённо скривился:

— Вряд ли, что за дело им друг до друга? Всё бывает, конечно, но мне кажется, он сейчас сам поставлен в такие условия, что ему не до авантюр. А Нарратор, как бы я к нему ни относился, абсолютно честен и надёжен, и, если он говорит, что никому, кроме нас, не рассказывал, кто и куда тебя отправил, значит, так оно и есть. Я попробую во всём разобраться, здесь есть над чем подумать. А пока я заберу тело Лали на базу, постараюсь переправить домой. Надеюсь, в ближайших рейсах для такого груза найдётся место.

— Вроде бы, специальное разрешение надо.

Шокер покачал головой:

— Мне — не надо.

— Ты теперь шишка?

— Шишка — не шишка, но подобные разрешения я теперь сам даю.

— Вышел из тени?

— Да. И я, и твой брат, и вся тайная система. На поверхности — смена портретов, — усмехнулся Шокер. — Структуры те же, но их возглавили и наполнили другие люди.

— Это то, чего вы хотели? — удивилась я.

— Да.

— Но когда что менялось от смены портретов? Разве этого достаточно?

— Пока — да, — уверенно ответил Шокер.

— А смысл? Это чему-то поможет? Жизнь станет лучше?

— Надемся, что станет. Решено всё сразу не ломать и людей не баламутить. Людям ведь что важно? Чтобы было спокойно, сытно, тепло, светло. А прогрессивные политические идеи их не волнуют. Поэтому решено просто поменять портреты. Для начала.

— А будет и продолжение?

— Обязательно.

— А где старые портреты?

Шокер нахмурился:

— Зачем это тебе? Разве тебе недостаточно просто знать, что мы делаем то, что необходимо?

— Андрей, ну, ты нарочно, что ли? По-твоему, мне всё равно, из-за чего дорогие мне люди жизнями рискуют?

Шокер промолчал.

От возмущения и злости мне хотелось что-нибудь разбить.

— А вот Йан относился ко мне, как к человеку, который способен всё понять! Мне не приходило в голову расспрашивать его о многих вещах, потому что я о них и не подозревала. Но если я о чём-то важном спрашивала, он отвечал!

— Кира... — вздохнул он. — Если ты ищешь второго Йана, то не там. Я не смогу и не собираюсь ему подражать.

— Я не хочу, чтобы ты ему подражал! Я хочу, чтобы ты видел во мне существо с мозгами!

Шокер бросил на меня быстрый взгляд и опустил голову. Наверное, не смог сдержать улыбку. Вот же гад.

— Шокер, тут среди местных гостей-гатрийцев ползут слухи, будто бы в Йери была резня.

Он неопределённо пожал плечами:

— Представляешь, что произошло с информацией за то время, пока она превращалась из факта в слух?

— Да я надеюсь, что всё неправда, но хочу от тебя услышать.

— Резня — это громко сказано. Но жертвы есть.

— Ты так просто об этом говоришь?

— А как я должен говорить? — спокойно уточнил Шокер. — Со слезой в голосе?

— Андрей!

— Кира!.. Рассуждай здраво. Бескровная смена режима — это великая историческая удача, но везёт не всем. Первый этап мы прошли с минимальными потерями. Взяли под контроль энергосистему, оставили сторонников бывшего канцлера с крайне ограниченными ресурсами, которые они, впад в панику, не смогли удержать в своих руках. Второй этап — убрать с ключевых постов старые портреты. Думаешь, кто-то добровольно ушёл бы в отставку? Например, канцлер? Или начальник терракотового департамента?

— И что же вы с ними сделали?

— Несколько адресных спецопераций. Выстрелы в упор. И тоже с минимальными потерями.

Как существо с мозгами я понимала, что они молодцы. Как существо без мозгов, я только представила себя на месте обычной гатрийской женщины, чей муж или сын застрелен на своём служебном месте только потому, что довелось жить в эпоху перемен.

— А император? Этот чудной старик, от которого ничего не зависит? И ему устроили спецоперацию?

— Зачем? Он передал престол среднему внуку, который нас поддерживает.

— Вот как? Повезло. И что было дальше?

— Дальше третий этап — назначение новых людей на ключевые посты. А потом — четвёртый: изменение системы. Это затяжной этап, на долгие-долгие годы. И вот тут

придётся преодолевать сопротивление. Иногда — вооружённое.

— Ну, ладно мой брат! Он годами был весь в этом... Но, Шокер! Какого чёрта ты в это ввязался?!

Он посмотрел на меня с интересом:

— Твои альтернативные предложения?

— Ну, не знаю... Держать нейтралитет, заниматься своими семейными предприятиями. Или перебраться с семьёй на изнанку, найти себе нормальное человеческое занятие и спокойно жить...

Шокер усмехнулся и опустил голову.

— Что я сказала смешного?

— Кроха, ты меня извини. Ты чудесная девочка. Без тебя у меня руки опускаются, ты — часть меня, часть моей жизни... Но я тебя умоляю, не надо тебе со своими представлениями судить о том, что происходит. И не учи меня, что мне делать или не делать. Я делаю, что должен.

— Что ты должен?! Участвовать в мятеже? Лезть в мясорубку? Убивать кого-то и собой рисковать? Тебе это зачем надо?! Тебе что, экстрима в жизни маловато?!

— Кира, пойми ты одну вещь... — терпеливо проговорил он. — В мире, где я живу, не всё ладно. Если я считаю, что знаю, как лучше сделать и что изменить, я это должен делать сам. А не отсиживаться в безопасном месте и выдавать оттуда свои ценные советы. Я — гатрийский лорд. У меня есть титул, деньги, знания, у меня есть убеждения, и целы руки-ноги. Я должен делать сам то, что считаю нужным сделать. С того, кто мало что смыслит, и спрос короткий. А тот, кто лучше других понимает, что сейчас необходимо, должен не болтать, а делать это сам.

— Андрей! Какой ты, к чёртовой матери, гатрийский лорд?! Ты — сын простой женщины с изнанки! Ты родился здесь! Неужели в тебе ничего, совсем ничего не осталось от здешнего детства? Совсем ничего не осталось от обычного, нормального человека?!

Он промолчал, допил кофе и отставил чашку. Он не собирался спорить с глупой женщиной, это было очевидно.

— Андрей, я боюсь за тебя!

— Как и я за тебя. Всегда боюсь, потому что знаю, как легко ты находишь себе неприятности, даже без всяких мятежей, — улыбнулся он. — Я охотно бы запер тебя где-нибудь в каменном тереме и выставил бы вооружённую охрану снаружи. Жаль, не имею на это формального права.

— Как же я ненавижу твою привычку обращать всё в шутку!.. И я ненавижу тебя за то, что ты продолжаешь всё от меня скрывать!

Шокер пристально посмотрел мне в глаза и отвёл взгляд.

— Ах, да, я вспомнила... В нашей традиции женщину полагается держать подальше от любой опасности.

— Это кто тебе такое сказал?

— Марат.

— Знаешь, мне твой брат не нравится, — сказал Шокер со вздохом. — Но обычно он бывает исчерпывающе точен в формулировках.

— Почему это тебе не нравится мой брат?

— Никакой логичной причины... — буркнул Шокер. — Видимо, я ему завидую.

— В чём?

— Он всегда уверен в своей правоте. Он безошибочно видит узкие и смертельно опасные места и легко посылает туда людей. Он способен вылезти из любой скользкой ситуации с максимальной для себя пользой.

— Марек — замечательный! — запальчиво воскликнула я. — С чего ты взял, что ему легко?! Да, он прирождённый вожак. Но ты всё так подаёшь, будто он делает что-то недостойное и выезжает за чужой счёт! Не смей никогда о нём так говорить!

— Тебе показалось, что я хочу его унижить? — удивился Шокер. — Но я без всякой издёвки говорю. Ты права, Марек настоящий вожак. Я ему завидую и поэтому испытываю неприязнь. На подсознательном уровне. Мы доверяем друг другу, мы соратники, но никогда не будем друзьями. Тебе это неприятно?

— Очень.

— Ну, извини. Ты спросила — я ответил. Решил взять пример с Йана и ответил тебе, как человеку, способному всё понять.

Я сидела и боролась со странным чувством, будто меня кто-то крепко заморочил. Заговорил зубы, увёл от важных вопросов в какие-то другие дебри и там, вытащив на первый план неприятную, но безобидную тему, заставляет меня переживать не о том, о чём стоило бы. И этот кто-то сидел передо мной, допивал кофе, и светло-серые глаза смотрели серьёзно и укоризненно, а брови складывались в страдальческий домик.

— Ну какой же ты гад, Шокер!

И крыша страдальческого домика взлетела в недоумении.

— Андрей, оставь свои психологические штучки для моментов, когда я спокойна, расслаблена и довольна жизнью! А когда я схожу с ума от того, что происходит здесь, и совершенно не знаю, что происходит на поверхности, не смей играть со мной в эти игры!

Я с такой силой поставила пустую чашку на стол, что она разлетелась на несколько крупных и мелких кусочков. Что-то осталось на столе, что-то свалилось на пол. Я отпихнула стул и наклонилась собрать осколки.

— А ну, сядь! — грозно приказал Шокер, вставая. — Не трогай ничего!

Я молча отступила и опустилась на стул.

Шокер собрал осколки со стола и с пола, выкинул в мусорное ведро, потом подошёл ко мне и присел на корточки рядом со стулом.

— Не хватало, чтобы ты ещё и порезалась, — сказал он, встревоженно глядя на меня снизу вверх. — Давай-ка лучше я тебя перевяжу.

Я покачала головой:

— А ты успеешь? Ты когда назад?

Он взглянул на свои часы.

— Рейс через час, — проговорил он с досадой. — Скоро уезжать. Но я успею. Где у тебя бинты?

Начальную медицинскую подготовку Шокер не забыл. Да и как мог этот мастер на все руки забыть что-то полезное? У него получалось лучше, чем у Мишки, хотя и тот тоже старался. Видимо, рука у Шокера была легче.

— Вот и всё, — сказал он, закрепляя концы бинта. — Рубашка чистая есть?

Я достала из шкафа свитер, и Шокер помог мне его натянуть.

— Я поеду с тобой, Андрей. Я возвращаюсь в Йери.

— Не надо. Здесь очень хорошие условия. И стрелять в тебя здесь больше никто не будет.

Я только фыркнула в ответ:

— Вот уж не уверена я теперь ни в чём. Никогда не знаешь наверняка, где что тебе может грозить. Я полечу на поверхность, Андрей. За Тимом я могу с таким же успехом присмотреть и там, если это тебе будет по-прежнему нужно.

Шокер покачал головой:

— Кира, здесь в любом случае безопаснее. Если хочешь, мы найдём способ отправить тебя в Питер.

— Не меня. Мишку надо отправить в Питер! Пора заканчивать его приключение.

— Я постараюсь. Но сейчас здесь нельзя сделать нормальные документы для легального возвращения в Россию, прежний алгоритм пока заморожен. Придётся протащить вас в Питер через Йери.

— Шокер, ты глухой? Я сейчас просто возвращаюсь на поверхность. Меня потом протаскивать никуда не надо. Михаил вернётся домой один.

— Ты же хотела спокойно жить на изнанке.

— Я вообще-то тоже гатрийская леди. Скажи, что не так!

Шокер обречённо вздохнул.

— Вот именно, Шокер. И я тоже хорошо представляю, что я должна делать. И хрен ты меня отговоришь.

* * *

В помещении караульной службы царил нормальный мужской кавардак.

Я заставила себя не обращать внимание ни на пугающие натюрморты из грязных чашек, объедков и мужских носков, ни на характерные запахи, этим натюрмортам присущие.

Скаю тоже было всё равно. Мы с ним сидели у загаженного стола в караулке, потому что больше уединиться в холле департамента безопасности было негде, народу везде толкалось, как на базаре.

Скай в новеньком терракотовом комбинезоне сидел, опираясь локтями о столешницу и задумчиво тёр лоб.

— Спасибо, что зашла, — сказал он тихо. — И извини, что приходится разговаривать в этом безобразии...

— Да какая разница. Пусть будет безобразие. Тебя так трудно поймать...

— Это не меня, это начальника моего поймать трудно. А уж куда он, туда и я, — усмехнулся Скай.

Действительно, их обоих было сложно отловить для разговора: и нового начальника департамента безопасности, и его телохранителя.

— Мне неловко перед тобой, Апрель, — проговорил Скай, запинаясь. — Я заставил тебя многим пожертвовать ради спокойствия Лали, но всё оказалось без толку...

— О чём ты говоришь? Ты ещё передо мной извиняешься?! Скай, перестань сейчас же!

Он низко склонил голову, вздохнул и шмыгнул носом:

— Знаешь, вчера и сегодня, как узнал, как увидел её в морге, почему-то детство вспоминается. Я тогда трусливый был, робкий. Играли с детьми, так меня вечно мальчишки толпой припрут к стенке и давай как-нибудь задирать. И тут Лали сзади к обидчикам подкрадывается и — шарах! Чем под руку подвернулось: книжкой, палкой, стулом. Всех

разгонит... Лет до семи так было, пока я, наконец, не понял, что против меня одного и трое-то не особо сладят...

Он снова облокотился на стол и замотал головой.

— Не могу смириться. Никак не получается. Хотя я в последнее время ждал этого. Всё время ждал этой беды.

— Почему?

— Потому что Лали исчезла, ничего не сказав мне. То, что она ничего не сказала Шокеру, это... — Скай неопределённо повёл руками. — ... это объяснимо. Она многое могла сделать ему назло. Но как она могла просто так бросить сына, я не могу понять. И совсем странно, что она ничего не сказала мне.

— А что, разве она тебе обычно всё рассказывала?

— Да. Вообще всё. Наверное, ей было бы легче с сестрой-близняшкой, чем со мной. Но, раз некому больше, рассказывала мне. А я слушал, — обречённо вздохнул Скай и усмехнулся. — Мне даже казалось, что я тоже иногда сплю с Шокером...

— Вы всегда были неразлучны?

— Нет, не всегда. Было время, каждый жил своей жизнью. Когда нам исполнилось шестнадцать, Лали поступила на курсы информатиков. Она была умная, всегда хорошо училась, здорово во всём этом соображала. А я что? Кулаками махать и бегать быстро, больше ничего не умел. Пошёл в гвардию. Направили в провинцию, заключённых охранять. Лали долго училась, потом работала в Йери, а я служил. Звонили друг другу, она часто ко мне приезжала. Потом Лали отправили к ловцам на изнанку, а оттуда и созвониться никак, и письма редко приходили. Тяжело было, скучали оба. Потом она приехала ко мне и предложила перевестись в службу ловцов, снова быть вместе. Я обрадовался, подал все прошения, не верил, что получится. Но взяли, сказали, моя подготовка для ловцов очень пригодится. И с тех пор мы были вместе. Лали познакомила меня с Лисом, мы с ней привели Лиса на службу. Сначала нас от командира к командиру передавали, пока нас Шокер не взял... Дальше ты знаешь.

— Значит, Лали с Лисом первая познакомилась?

— Ну да, она же первая на изнанку попала.

— А где сейчас Лис? Я его не видела, как вернулась.

— Занимается организацией похорон, — отозвался Скай и примолк.

Я обняла его, он тоже в ответ обхватил меня и тяжело вздохнул.

— Держись, Скай.

— Да мне бы и жить ни к чему, если бы не Валея, — грустно улыбнулся Скай. — С ней я всё выдержу.

— Скай, меня пропустят к твоему начальнику?

Он слегка пожал плечами:

— А почему нет? Твой чип на месте?

— Конечно, кто ж ходит в департамент безопасности без чипа?

— Тогда без проблем. Как было велено, я ещё вчера внёс тебя в список лиц с безусловным доступом. Шестой этаж, налево в конец коридора. Просто иди сквозь жёлтые рамки, они твой чип проверят и пропустят.

Я прошла по цокольному этажу по указателям, и меня действительно пропустили все жёлтые рамки, раскрывая передо мной двери или снимая заслонки турникетов.

Шестой этаж населяли самые важные шишки департамента безопасности, а в конце

левого крыла, как утверждал указатель, находился кабинет начальника департамента.

Меня пропустили сразу. Никто в приёмной даже не спросил, кто я и зачем. Не стали обыскивать, так, оглядели снизу доверху, да и всё.

Я вошла в кабинет.

Потолки высотой метров пять, внешняя стена из бронированного стекла, мебель из дерева какой-то дорожкой породы... Красиво, но как-то неуютно. Красивые застенки. Даже самый важный человек потеряется в таком огромном пространстве среди тёмных столов и кресел и мрачных занавесей с золотыми кистями.

Среди этого пошлого великолепия энергично перемещался новый начальник департамента терракотовых лорд Марек Вайори. Его простой и скромный полевой комбинезон совсем не гармонировал с полированным красным деревом. Впрочем, с красным деревом в кабинете ещё много чего не гармонировало. Например, засохшие растения в кадках. Похоже, что после смены портретов наверху несчастным фикусам пришёл жестокий конец, их просто уморили. Или вот уже знакомые мне грубые изолирующие пластины, закрывающие со всех сторон отделанный под дерево холодильник. Видимо, сделав в одночасье головокружительную карьеру, Марек не стал лучше держать себя в руках.

На Мареке была надета телефонная гарнитура, но не простой и удобный гатрийский наушник, а что-то допотопное со шлемом из обручей и пучком проводов.

Я могу себе представить женщину, говорящую по телефону без перерыва почти час. Хоть и не было у меня задушевных подруг, но всё равно, доводилось оказываться рядом с такими экземплярами. Но чтобы мужчина целый час говорил с одним не очень понятливым собеседником и не устал от этого, такое я видела впервые. Марек далеко продвинул мои представления о мужском терпении. Хорошо ещё, что он воспользовался гарнитурой, а то у него рука бы отвалилась. А так он, не переставая разговаривать, пошёл мне навстречу, обнял, указал на кресло напротив его рабочего стола, зарядил и включил кофеварку, поставил передо мной чашку, погладил меня по голове, а сам всё продолжал разговор.

После беседы со Скаем мне было, о чём подумать, поэтому я пила кофе — отвратительный, кстати — и не вслушивалась в телефонный разговор Марека. Только когда интонации в голосе брата резко поменялись, и он стал чётко отдавать последние распоряжения, я очнулась от своих мыслей.

— Фух! — шумно выдохнул Марек, садясь в своё кресло, и стянул гарнитуру с головы. — Хоть дух перевести. С утра я уже произнёс столько слов, что у меня горло болит.

— Что за кастрюля у тебя, бро? — кивнула я на гарнитуру с пучком проводов. — Самоделкин мастерил?

— Да, этому устройству лет двести... — кивнул Марек. — Но три нормальных гаджета я уже спалил за неделю. Велел найти что-нибудь не такое нежное, как современные штучки.

— Эх, Марек, тебе бы не тут сидеть, а просто летать в каналах туда-сюда... Ты же такой сильный проводник!

Брат устало усмехнулся:

— Так я же талант широкого профиля. Сильно шире, чем мне бы хотелось. И этими талантами тоже нельзя пренебрегать.

— Спасибо за кофе, бро, но... Уж извини, но это не кофе, это какая-то адская горечь.

Марек хлопнул себя по лбу:

— Ну я и осёл!.. Забыл режим переключить! Это я себе специально такую бурду делаю, чтобы каждый глоток от макушки до пяток пробирал.

— Да, твоим макушке с пятками не позавидуешь. Да и у меня аж сердце скачет. Нельзя так, Марек!

— Скачет, зато уснуть не даёт, что и требуется, — он беспечно отмахнулся, потом посмотрел на меня с тревогой. — Как ты, систер? Как рука, заживает?

— Ой, что ей сделается? Бывало сильно хуже. Даже думать об этом не стоит.

— Ну да, не стоит, — уныло вздохнул Марек. — А если бы Михаил с тем норвежцем не появились вовремя?

— А если у тебя однажды сердце остановится от недосыпа, нервов и этой чудовищной бурды?

— О-кей, — Марат поднял руки. — Сдаюсь. Ничья. Нам обоим стоит быть осторожнее.

— Я-то осторожна. Это было просто стечение обстоятельств. А ты себя гробишь своими руками. Есть разница.

На измученном усталом лице брата появилась гримаска, которую я однажды уже у него видела. Он смотрел на меня с умилением.

— Бро, не надо смотреть на меня, как на... Не знаю, на что так смотрят, но я точно не ангел-хранитель. Да и теперь есть, кому о тебе заботиться, кроме меня.

Он покивал и, прикрыв глаза, потёр лицо ладонью.

— Тебе выспаться надо, бро.

Марек встал, подошёл к кофеварке и снова включил свой адский режим.

— Сейчас поеду на дальние базы, — проговорил он, подавив зевок. — Глушь несусветная. Там в горах даже вертолётной площадки нет. Два часа пути по трассе. Вот и посплю в машине в своё удовольствие.

— Зачем тогда кофе делаешь?

— Пфф, — угрюмо фыркнул он. — Да сколько ни выпью, всё равно усну.

— Кастрюлю только свою оставь и телефон отключи, а то не дадут покоя.

Марек усмехнулся:

— Кастрюлю оставлю. А телефон... Звук уберу и отдам Скаю, пусть секретарём поработает. Скажу заранее, в каких случаях меня толкать, а все остальные пусть идут лесом... Я хотел было Скаю дать отпуск, раз такое дело, но он сказал, ему легче на службе.

— Он прав. Ты его только к похоронам в Йери верни.

— Завтра вернёмся с баз до полудня.

— А что за базы?

Марек неопределённо махнул рукой куда-то за окно:

— В горах Тай-Тери.

— Там есть каналы? Никогда не слышала.

— Я слышал, но ни разу не видел. Вот и посмотрю.

— А зачем?

Марек посмотрел на меня задумчиво:

— Расконсервируем базы, будем работать на этих каналах. Оборудование морально устарело ещё лет сто назад, но оно мало изношено. Модернизацию сейчас проводить некому, да и не на что. Попробуем запустить то, что есть.

— А ты тут причём? Ты же терракотовый. Пусть начальник курьерского департамента этим занимается, если уж ему мало тех каналов, которые уже работают.

Марек тяжело вздохнул:

— Всё дело в том, систер, что у нас практически не осталось работающих каналов.

— Очень глупая шутка.

Брат взглянул одновременно угрюмо и серьёзно.

— Марат... Это правда?

Он молча кивнул и приложился к чашке с кофе.

Не дожидаясь моих вопросов, Марек продолжил:

— У нас осталось двенадцать работающих каналов.

— У кого «у нас»? У тайной системы?

— Вообще. На территории Гатрийской империи. Это десятая часть всех открытых каналов. И меньше четверти того, что у нас было всего каких-то три-четыре месяца назад.

— Я не понимаю, бро... Куда они делись-то? Что, свергнутые чины начали отвоёвывать у вас базы обратно?

Марат посмотрел на мою ошарашенную физиономию, надул щёки и тяжело выдохнул:

— Систер, я хоть слово сказал про захваченные базы? Базы все наши. Не в базах дело. Каналы не работают... Вот, например, наш тайный канал, на котором я столько лет просидел, из которого ты давеча в слой провалилась — всё, зарос. Последний курьер, полетевший в нём на изнанку, погиб.

Что такое «зарос» я знала. Я не знала, как это происходит, какие там законы физики работают, но знала, что это означает практически. Это означает, что канал стал настолько грязным, что даже самый сильный, самый талантливый проводник неминуемо завязнет, да так, что может и в слой не вывалится, его просто разорвёт собственное поле. И предсказать, когда это случится, обычно очень трудно. Та самая «грязь», это не материальные клочки, не космический мусор, это какие-то провалы в поле канала, пролетая через которые, курьер перестаёт общаться с каналом, и полёт становится непредсказуемым. Если провалы не слишком обширны, полёт удаётся выровнять, и тогда курьер говорит, что летать можно, но канал грязен и на пути трясёт. Один к одному картина, как была у меня в те дни, пока я по просьбе Марека водила людей.

Упрекать в чем-то совсем замученного Марека было жестоко, но и молчать в этой ситуации было выше моих сил. Язык чесался, а по губам шлёпнуть было некому.

— Марек, я давно говорила — там грязи навалом, и с каждым разом всё больше и больше. А уж после того, как я провалилась, ясно же было, что канал стремительно зарастает... Зачем было до последнего тянуть? Зачем продолжали посылать людей?

Марек посмотрел мне в глаза и опустил взгляд.

— Потому что было нужно, — сказал он уверенно. — Не задавай глупых вопросов. Я знаю, что виноват.

— А почему мне Шокер ничего про это не рассказал?

— Потому что он и не знает. Это случилось не тогда, когда он там ещё работал, а два дня назад. Мы попытались открыть этот канал снова, уже как совершенно официальный.

Я только руками развела.

— Про этот канал могу ещё с большой натяжкой сказать, что, возможно, произошло естественное зарастание, ослабление поля канала, — вздохнул Марат. — С о-о-очень большой натяжкой... Но считаю это маловероятным. Тем более, есть и другие истории. Вчера проводники возили людей регулярными рейсами и не жаловались, а сегодня внезапно целый вагон рвёт в клочья, и тех, кто пытается возобновить рейсы с обеих сторон, тоже рвёт в следующих же попытках. Каналы зарастают мгновенно, мы теряем отличных проводников и их пассажиров...

— Получается, тот, кто намеренно портит каналы, снова начал делать это?

Марат посмотрел на меня и кивнул:

— Да, верно. Я сначала сомневался, а потом, когда с глубоко законсервированного, засекреченного и отлично охраняемого склада пропала партия мощнейших импульсных генераторов, и тут же каналы посыпались один за другим, я в этом больше не сомневаюсь.

— Ищите?

— Что? Генераторы? Так их давно в дело употребили.

— Не генераторы. Тех, кто это всё затеял.

— Ищем. Начальник следственной службы старается, но пока всё без толку. Были бы генераторы введены в каналы через базы, давно бы уже вышли на диверсантов. По крайней мере, на исполнителей. Но проникновения были из слоёв. Базы теперь охраняются так, что на блокпостах даже в зубные пломбы заглядываем. Но основная угроза идёт из слоёв, и я, честно говоря, не знаю, как можно предугадать, в какой канал они полезут в очередной раз, — Марек глянул на меня с тревогой. — Я тебе признаюсь, я со страхом думал, как ты сейчас будешь возвращаться с изнанки, не попадётся ли снова.

— И кто это, как думаешь? Клан бывшего канцлера?

Марек расхохотался.

— Что ржёшь?! — возмутилась я.

— Да уж как ты их обозвала!.. Систер, они тоже хороши пакостники, но не того полёта птицы. Им нужны как раз работающие каналы. Им нужна изнанка, прежняя и пребывающая в блаженном неведении. Тот, кто закрывает нам каналы, хочет другого. Им нужна поверхность, растерянная и ослабленная. А самый верный путь для этого — лишить нас связи с изнанкой и получить полный контроль над каналами. Они просто правильно выбрали время для массированного удара: когда мы тут среди самих себя выясняем отношения...

— Так и кто эти самые «они»?

— Ребята с изнанки. Умные, наглые, жестокие. Очень хорошо подготовленные и великолепно разбирающиеся в физических принципах реального мироздания, — пояснил Марек. — К тому же они передвигаются с изнанки сюда и возвращаются обратно совершенно свободно и быстро, что означает, что они здесь имеют легальные статусы, наверняка наёмники на действующих контрактах... Поэтому ты, конечно, правильно говоришь, что это дело курьерского департамента. Но от моей службы зависит, насколько будут защищены те каналы, которые ещё в нормальном состоянии. Вот и поеду определять уровень и вероятность угрозы внешнего и поперечного проникновения, — подытожил Марат. — Спецы департамента уже там, приеду — доложат.

— Бро, я хочу чем-нибудь помочь...

Марек ткнул в меня указательным пальцем:

— Слушай и запоминай! Твоё место дома. Сиди, лечись, отдыхай. Если очень хочешь помочь, мы все будем забегать к тебе время от времени и плакаться, а ты будешь вытирать нам сопли. И даже не вздумай заикаться сейчас о полётах!

— У меня контракт с курьерской службой! А проводники, как я понимаю, сейчас нужны...

Марат подскочил и вцепился мне в плечи:

— Узнаю, что ты только посмотрела в ту сторону — за себя не ручаюсь!

— Пусти, дурак! Больно! — завопила я, и он в испуге отскочил.

— Ох, систер, забыл я про твою руку! — виновато простонал Марек и осторожно обнял меня. — Ну, прости, и правда, дурак...

Я потрепала его по непослушной длинной чёлке и оттолкнула:

— Да ну тебя!

— Мне пора, — Марек взглянул на часы и взял телефон. — Скай, ты готов? Едем!

Трубка что-то пробурчала в ответ.

Мы с Марексом проделали обратный путь по коридорам и лифтам к главному выходу.

Скай ждал нас в холле.

— Всё в порядке? — уточнил Марат.

— Нужно немного подождать, — ответил Скай. — Камеры на крышах вроде как зафиксировали движение, а потом отключились. Ребята проверяют, не было ли проникновения.

Марек с досадой сплюнул:

— Замечательно! А главное, вовремя! — он обернулся ко мне. — По три раза на дню какой-нибудь мститель из бывших лезет в квартал департаментов и палит по живым мишеням. Иногда удаётся поймать, — Марек наклонился ко мне и закончил вполголоса. — Не бледней так, меня берегут. И тебе я сегодня дам сопровождающего, а завтра поставим пост у твоего дома.

— Да с чего это?! — возмутилась я.

— С того, что членам семьи канцлера полагается самая лучшая защита, — отрезал Марек. — Ты, кстати, зайди к отцу как-нибудь вечерком. Он обижается, что никак не может узнать тебя поближе.

Я всё время забывала, что я теперь член самой высокопоставленной семьи в Гатрийской империи. Ну после императорской семьи, конечно. Ещё бы, я же теперь не только сестра самого главного терракотного начальника, но и дочь нового имперского канцлера Дарена Вайори.

— Я не думаю, что ему будет приятно меня видеть. По известной причине.

— Он любил маму. Ты на неё очень похожа, — возразил Марат. — Скай, ну, что там? Долго ещё? Я не могу ждать, когда они прочешут всё здание.

Скай поднёс к губам браслет с рацией:

— Ребята, ну, что там у вас?.. Седьмой пост! Крышу восточного крыла проверили? Быстрее давайте!

Марат нервно закрутился на месте.

— Скай, нас ждут в Тай-Тери! Время уходит! — раздражённо бросил он. — Всё, хватит проверок. Поехали!

— Лорд Вайори, в кабинете у себя командуйте! — отозвался Скай, подошёл к стеклянной стене, выходящей на стоянку, и обвёл внимательным взглядом все козырьки крыш. — Подождём, пока ребята проверят.

— Чёрт! Да некогда мне ждать! — Марат решительно рубанул воздух.

— И всё-таки подождём, — как ни в чём не бывало, Скай прислонился к ламинированной колонне.

Через пару минут ожидания Марек выругался сквозь зубы.

— Это моя работа, — хмуро отозвался Скай.

— Скай, это уже перестраховка, — возразил Марат. — Поехали. Это приказ.

Скай оторвался от колонны:

— Хорошо, как скажете. Пойдёмте. Держитесь справа от меня.

— Пока, систер! Подожди тут, к тебе выйдет сопровождающий, — улыбнулся мне Марек и пошагал за Скаем.

Они вышли и почти бегом отправились к бронированному внедорожнику в цветах департамента, стоящему метрах в двадцати. Скай продолжал что-то говорить в микрофон браслета и крутил головой, всматриваясь в места, где мог укрыться снайпер.

Всего несколько секунд должен был занять путь до машины. Откуда-то справа сверху, где на первый взгляд никого и ничего не было, раздалась очередь. Пули одна за другой прошлись поперёк стоянки, высекая из бетонной плитки фонтанчики пыли.

Скай одним толчком сбил Марека на землю, присел рядом с ним, выхватил оружие и несколько раз выстрелил в ту сторону, где засел убийца. До машины осталось несколько метров, куда ближе, чем вернуться назад. Поэтому Скай и Марек поднялись на ноги и рванули к машине. Марек уже стал открывать дверцу, когда раздалась ещё одна короткая очередь. Марат не успел лечь на землю, только пригнулся. Скай просто прижал его к машине и прикрыл своим телом. Пули прошлись по его широкой спине, из входных отверстий выплеснулись фонтанчики крови.

Хоронили близнецов вместе.

На короткой прощальной службе народу было очень мало. Я тихонько сидела между Мареком и канцлером Дареном Вайори, который пришёл отдать честь человеку, спасшему его сына. Позади нас расположился целый ряд охраны. А потом ещё с десятков человек, знавших Лали и Ская. И всё.

Рядом с гробами на месте для близких родственников стояли Шокер с ребёнком на руках и Валея, которую бережно поддерживал Лис. Я не могла смотреть на их лица, от этого зрелища у меня сердце холодело и останавливалось.

Я не могла смотреть на покойных, боясь окончательно захлебнуться слезами. Я сидела и смотрела в пол. Насколько было бы легче, будь они мне чужими. Но даже Лали каким-то непостижимым образом так и не стала мне чужой. Они оба были моими друзьями с того дня, когда я познакомилась с командой Шокера. Когда всё ещё было хорошо.

Я спросила Шокера, будет ли уместным, если Миша придёт на службу. Шокер только пожал плечами и сказал, что не его дело судить об этом. Мишка очень здорово держался последние дни. Ему всё осточертело, и он очень хотел домой. Он не мог видеть ни меня, ни Шокера, ни, тем более, нас вместе. Его мучила вина за смерть Лали, хотя никто и не думал винить его. Марек обещал подобрать для Мишки место в рейсе на безопасном канале, и со дня на день это место должно было появиться.

Мишка на службу прийти так и не решился, остался в моём доме с Ятисом. Возможно, мне было бы легче, если бы он сидел со мной рядом вместо лорда Даррена. Я чувствовала себя очень неловко. Я никогда не плачу при чужих людях. Свои — ладно ещё, свои для этого и предназначены. Долго-долго единственным своим был Йан. Теперь их у меня стало намного больше. Впрочем, вот уже и меньше...

Когда служба закончилась, я не смогла заставить себя подойти к еле живой Валее, только прошла мимо Шокера, мы посмотрели друг на друга, как люди, которые понимают о происходящем несколько больше остальных. Хотя какого чёрта, что я там понимала... Да и Шокер так и не смог пока разобраться в случившемся в Норвегии. Не до того ему было. Новое назначение выматывало Шокера примерно так же, как и Марека его новый высокий пост.

Так как сопровождать гробы на кладбище мне не полагалось, я отправилась домой.

Зима в Йери закончилась ещё несколько недель назад, пока я отсиживалась в Норвегии. Уже давно не было никакого снега, а в солнечные дни иногда становилось очень тепло. Вечнозелёные растения каким-то чудом выжили в морозы, и теперь, глядя на иной садик за оградой, и не подумаешь, что всего лишь перевалило за середину марта.

И всё же Йери неумовимо изменился. Стало меньше людей на улицах, многие выехали из столицы к родственникам в провинцию или были отправлены на изнанку. Стало больше гвардейских патрулей, которые разъезжали по городу днём и ночью. Особой ретивостью они не отличались, никого вроде не хватало, но само их присутствие заставляло нервничать даже меня. А уж я теперь могла бы заинтересовать их в последнюю очередь. И всё-таки такое количество патрулей было оправдано. Ночью я несколько раз слышала отдалённые выстрелы, и в такие минуты очень хочется знать наверняка, что, кроме тех, кто стреляет, на улицах есть и те, кто способен защитить. А ведь мне было куда проще обычных жителей

Йери: Марек действительно выставил у ограды моего особнячка патрульный пост, и каждые шесть часов один гвардеец сменял другого.

Я чувствовала себя совершенно несчастной.

С Мишкой мы не ссорились, но и быть друзьями у нас плохо получалось. Теперь он был гостем в моём доме. А учитывая, что в компании Ятиса Мишка проводил теперь куда больше времени, чем со мной, был он скорее гостем Ятиса.

Шокер был очень занят. Он звонил мне время от времени, задавал ничего не значащие вопросы, сопел в трубку, словно не решался о чём-то важном заговорить. Я же ему сама не перезванивала, чтобы не отвлекать. Ему и так было, чем заняться: начальник следственной службы департамента безопасности пытался найти тех, кто лишил поверхность нормальной связи с изнанкой.

Про Марата и говорить не приходилось: он на своей новой службе и вовсе жил. Видимо, Рита уже сто раз пожалела, что с ним связалась. Ну да, не к любовнице ходит, а горит на работе... Будто бы сидящей дома жене есть разница! Ну, есть, конечно, но не принципиальная.

И только я продолжала бить баклуши, потому что от моей помощи все шарахались, как от чумы.

Вернувшись из церкви, я слонялась из угла в угол, разглядывала свой сад то в окна первого этажа, то второго. Проверила, как Ятис сделал перепланировку на втором этаже, и оценила две небольшие гостевые спальни, появившиеся вместо бесполезного помещения в торце коридора. Несколько раз столкнулась с Мишкой, коротко рассказала ему о похоронах, огорчила его тем, что в рейс его ещё пока не назначили. И наконец, ушла горевать в главную спальню. Это у меня получалось лучше всего.

Когда уже вечером раздался звонок в дверь, и Ятис кого-то впустил, я выбралась наружу.

Внизу стоял Шокер.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты один? — удивилась я. — Где остальные? Где Тим?

— Тима и Валю забрала к себе Рита. Валее сейчас не помешает женское участие, и с младенцами Рита умеет обращаться. Лис отправился к себе в отель, — отчитался Шокер. — А я — вот... Не прогонишь?

— Ты с ума сошёл? Проходи.

— А у тебя тут кто дома?

— Ятис, как обычно. И Мишка. Ждёт, когда дадут канал. Хочу отправить его поскорее, не могу больше ему в глаза смотреть.

— Почему?

— Да потому что, — проворчала я. — Подумай, почему. Будешь ужинать? Я скажу Ятису.

— Нет, спасибо. Мне бы прилечь. Очень устал.

— Пойдём наверх.

— Нет-нет, это лишнее. Если не возражаешь, я здесь где-нибудь.

Шокер прошёл в гостиную, добрёл до дивана, снял ботинки и тяжело завалился, сунув под шею маленькую декоративную подушечку.

Я подошла и села рядом.

— Как ты, Андрюша?

— Нормально, — буркнул он. — Мне привыкать разве? Валею жалко.

Я погладила его по плечу. Он поймал мою руку и снял с себя.

Ну, не надо — значит, не надо.

— Ты иди, Кира, отдыхай. Сидеть со мной не нужно, — проговорил он тоскливым, но совершенно несонным голосом.

— А вдруг пригожусь? — возразила я. — Я не сумею тебе спеть, но просто буду с тобой.

Шокер покачал головой:

— Не надо, Кира. Я в порядке.

— Нет, Шокер. Ты не в порядке. И я не в порядке. Совсем не в порядке.

Шокер поёрзал, отодвинулся от края и повернулся на бок:

— Ложись, может, уснём.

Я улеглась лицом к лицу с Шокером, обняла его.

Он глубоко вздохнул и сказал грустно:

— Я думал, ну, ладно, значит, такая моя судьба — терять всех... Думал, пусть это мне суждено, но на мне этот кошмар должен закончиться. А вот и нет. С моими детьми происходит то же самое. Валея чуть жива от горя. Одно хорошо, Тимошка пока ничего не понимает...

Я осторожно запустила пальцы в его короткие волосы на макушке, пригладила, провела пальцем по виску, на котором билась тоненькая жилка. Хотелось приласкать и поцеловать Шокера, но я боялась раскиснуть и расплакаться, а оно ему надо, ещё и меня успокаивать...

— Шокер, я сейчас думаю обо всём этом. И выходит, что я всё-таки хотела, чтобы с Лали что-нибудь произошло.

— Дело не в том, кто чего хочет, а в том, способен ли ты ради этого на дурное. Я не верю в материализацию желаний, — отрезал он.

— А я, кажется, начинаю верить.

Шокер приподнялся. Даже в темноте было видно, как его глаза гневно сверкнули. Но голос его был спокоен и даже, я бы сказала, мягок:

— Ты могла желать Лали самой лютой напасти, но ты никогда бы не подняла на неё руку, я в этом убеждён. А она на тебя подняла. Вот и вся разница.

— Она же больная была. Сумасшедшая.

— Правда? — вяло поинтересовался Шокер, укладываясь обратно. — Может, и так.

— Что значит, «может»? Разве не очевидно?

— Я не психиатр. Мы никогда теперь не узнаем, почему она делала то, что делала. И я тебя умоляю, не надо об этом сейчас.

Я придвинулась ближе к Шокеру, уткнулась ему в шею, обхватила за плечо.

— Не плачь, — тихо сказал он.

— Я не плачу! — возмутилась я. — С чего ты взял?

— А кто хлопает мне по шее мокрыми ресницами? — усмехнулся он. — Не грусти, Пятачок, со мной всё будет хорошо. И с тобой всё будет замечательно. И с нами тоже. Правда, это большой-большой секрет, когда же именно всё станет хорошо. Но так и будет.

Мы вполне могли подняться наверх в спальню, тем более, что их теперь было много. Могли лечь в постель, как нормальные люди, которые измотаны и хотят выспаться. Но я только крепче прижалась к Шокеру и уснула, чувствуя на своём затылке его огромную тёплую ладонь.

Утром мы оба почувствовали, что лучше всегда поступать, как нормальные люди. Для того и предназначен диван в гостиной, чтобы на нём сидеть, развалившись, и вести светские беседы. А не для того, чтобы два взрослых человека пытались на нём поспать в обнимку.

У меня дико болела затёкшая шея. Шокер мужественно переносил то, что там болело у него, и не пожаловался, но было видно, что человек не выпался.

Ятис нас пожалел и подал завтрак прямо в гостиную на кофейный столик. Мне вообще кусок в горло не лез, а Шокер жевал, как автомат, не обращая внимания на то, что он ест.

— Ты пойдёшь в департамент?

Он кивнул:

— Конечно. Я предупредил Вайори, что приду сегодня немного попозже. Он не возражал.

— А можно мне с тобой?

Шокер растерянно моргнул:

— Зачем?

— Да я не к тебе. И даже не к Мареку. Я просто хотела с тобой дойти. Мне надо в курьерскую службу.

— Зачем? — повторил Шокер, на этот раз уже не растерянно, а подозрительно.

— У меня контракт, чтобы ты знал. На три задания в месяц. И уже полтора месяца, как я выпала из служебного поля. Надо всё уладить.

— Думаю, Вайори уже давно всё уладил. Нечего тебе там делать, — возразил Шокер.

— Шокер, ещё раз. Напрягись. У меня контракт. Обязательства. Которые ваш победоносный мятеж не отменял.

— Ну, так отменит. Долго ли? — усмехнулся Шокер.

Я почувствовала, как во мне закипает... Я даже затруднялась определить, что именно. Но обозлилась я мгновенно:

— Знаешь, сиди в своей терракотовой норе и не лезь в мою работу! Я свободная гатрийка!..

Он фыркнул.

— Ты меня нарочно дразнишь?!

— По-твоему, я в настроении шутить? — удивился Шокер.

Наш спор прервал звонок в холле. Ятис пошёл открывать. Через минуту на пороге гостиной показалась бледная зарёванная Валея.

— Валюша, милая, зачем ты пришла?! — испугался Шокер. — Тебе надо отдыхать.

Он вскочил, взял дочь за плечи и повёл к дивану.

— Ничего, папа, я отдохнула, — тихо сказала девочка. — Рита очень хорошо меня устроила.

— Садись, садись... Нельзя всё время плакать, милая.

— Извини, папа, это... Это всё нервы... — Валея вытерла глаза, всхлипнула. — Это у меня пройдёт, я знаю. Мне все говорят, что пройдёт, что всегда проходит... Я и сама больше не хочу плакать. Просто так получается. Они текут и текут, сами по себе. Даже, когда я пытаюсь думать о чём-то другом, а совсем не о Скае... Но не получается, всё равно только о нём и думаю, вот слёзы и текут. Наверное, я схожу с ума.

— Конечно нет, девочка моя. Чтобы эта боль стала терпимой, нужно время. Я же знаю, как ты любила его.

— Почему «любила»? — возмутилась Валея. — Я люблю!.. Что, нельзя любить человека, если он умер? Разве ты, папа, больше не любишь маму, Илая, дедушку, дядю Йана? Разве, если я завтра умру, ты закроешь мне глаза и скажешь: «Я любил свою дочь, но больше не люблю»? Что, человек перестаёт быть самым родным и самым замечательным через минуту после того, как его сердце останавливается?

Шокер обнял рыдающую дочь и посмотрел на меня полными ужаса глазами. Я только пожалала плечами. Мне нечем было им помочь, только глупой печальной улыбкой.

— Валюша, ты абсолютно права, — проговорил Шокер. — Я не знаю, почему люди так говорят... Это действительно странно, если подумать.

Шокер поцеловал её, погладил по мокрой щеке и снова привлёк к себе.

— Я пришла, потому что я тебе ещё кое-что должна сказать, — заговорила Валея, уткнувшись ему в грудь. — Надо было тогда сразу всё сказать. А я побоялась, что ты Ская убьёшь... У нас со Скаем ребёнок будет.

Шокер молча закрыл глаза. Его левая ладонь сжалась в кулак. И кулак начал белеть, белеть, белеть...

— Скай никогда его не увидит, а он так его хотел... Папа, я знаю, что ты сейчас скажешь...

— Не знаешь, Валя.

— Папа!

Шокер с усилием разжал кулак. Его пальцы дрожали.

— Не кричи. Зачем? Криков ещё не хватало, — тихо и устало сказал он. — Я хочу сказать, Валюша, что твой малыш будет очень счастливым с такой мамой. Правда.

Она отстранилась и недоверчиво посмотрела отцу в лицо.

— Да, очень жаль, что Скай его не увидит, — медленно, запинаясь, продолжал Шокер. — Но ведь всё было бы ещё хуже, если бы этого ребёнка не было. Ты ведь хочешь его?

Валея судорожно закивала.

Я тихонько сидела и глотала слёзы, глядя, как Шокер выкручивает из ситуации, когда он вынужден подыскивать и произносить правильные слова вместо того, чтобы от отчаяния и гнева разбить в хлам мою гостиную.

— Вот видишь, всё не так плохо, — сказал он дочери. — И к тому же у малыша будет не самый плохой дед. Как считаешь?

Валя всхлипнула и обняла Шокера.

— Не плачь, милая... — Шокер поцеловал дочь, чуть развернул её в мою сторону и указал на меня. — Лучше посмотри, какая у твоего ребёнка будет замечательная, молодая и красивая бабушка.

— Шокер, ты обалдел что ли?! — возмутилась я.

Валея оглянулась на меня, задумчиво шмыгнула носом и вдруг улыбнулась сквозь слёзы:

— Так вы всё-таки женитесь?!

Шокер серьёзно и степенно кивнул.

— Правда?! — Валея прижала руки к груди. — Папочка! — она кинулась целовать отца, потом повернулась ко мне. — Кира! Я так за вас рада! Ты не представляешь!

Она сорвалась с места и бросилась мне на шею.

Я обнимала её и смотрела через её плечо на Шокера. Я очень надеялась, что мой взгляд прожжёт этого бессовестного мужика до костей.

Он же глядел на меня одновременно виновато и нахально. Хотя нет, это было не нахальство. Скорее, отчаянный кураж, когда уже терять нечего... Как это у него получается, ума не приложу.

Я велела Валее остаться у меня и попросила Ятиса проводить её наверх в гостевую спальню.

Когда Валя, расцеловав меня, ушла зарёванная, но умиротворённая, я отвернулась от Шокера и подошла к окну.

— Что-то не так? — тихо спросил он.

— А что может быть не так? Разве что-то произошло? По-моему, ничего не случилось.

— Кира, ну опять ты... — вздохнул он с досадой. — Ты же всё поняла.

— Конечно, поняла. Надо было любой ценой поднять настроение дочке.

— Да. И поэтому пришлось сказать это вот таким образом... Хотя я планировал иначе.

— Иначе? — я повернулась к нему. — Как, интересно?

Он смотрел на меня, закусив губы.

— Ну, как? Скажи, ведь правда интересно! В белом костюме, с букетом, на коленях? При свечах? С колечком в бокале?.. Ты расскажи, давай!

Шокер молча смотрел на меня.

— Ну ты что, язык проглотил? Хотя бы расскажи, как планировал? Хоть послушаю. А то ведь, блин, так и не узнаю никогда, как это могло бы быть... Ну? Что молчишь? Расскажи!

— Опять я тебя обидел, — сокрушённо проговорил Шокер.

Я отмахнулась от него:

— Да что за беда! Не в первый раз! И не в последний, не так ли?!

— Ну... Ну, давай ещё какое-нибудь правило придумаем, чтобы впредь ни-ни...

— Какое тебе ещё правило, Шокер? Без правила не догадаться, что новости, касающиеся меня, я должна узнавать раньше родственников?.. Впрочем, пусть будет правило. Записываешь?

— Угу, — важно кивнул он, скрестив руки на груди.

— Правило третье: иметь совесть!

— Кира Вайори, обещаю, что впредь так и будет.

— О, эти обещания лорда!.. — проворчала я. — Хорошо, что меня раньше уже звали замуж обычным нормальным способом, а то я была бы просто в истерике от такого оригинального предложения руки и сердца.

— И кто тебя звал замуж нормальным способом? — уточнил Шокер, слегка напрягаясь.

— Как кто? Мишка, кто же ещё! Добрый, надёжный, верный Мишка.

— Почему же ты не вышла за него? — удивился Шокер.

Я помешкала, выбирая между ответами «Потому что не люблю его» и «Потому что люблю тебя», но единственно верный ответ пришёл на язык сам:

— Потому что дура!

Шокер задумчиво закусил губу.

— А ты думал, почему?

Он пожал плечами:

— Я об этом не думал. Но, значит, мне повезло, что ты дура.

— Не обольщайся. А то, я смотрю, ты решил, что дело уже сделано, раз Валее сказку

рассказал.

— Ты не согласна? — тревожно уточнил он.

— На что?

— Стать моей женой?

— Чьей именно?

Шокер шагнул вперёд, дотянулся до меня, прижал меня к себе и сказал совершенно серьёзно:

— Я прошу тебя, леди Кира Вайори, стать леди Клайар. Что ты мне на это скажешь?

Я чуть отстранилась, посмотрела ему в лицо.

— Нет. Я скажу «нет», лорд Клайар.

У него взгляд забегал. Куда угодно, только не мне в глаза. Наконец, всё же взглянул и на меня.

— Почему? — коротко спросил он, сглотнув. — Почему нет? Ты меня любишь?

— Да, Андрюша.

— Хочешь видеть меня чаще? Просыпаться вместе по утрам?

— Очень.

— Ещё помню, ты говорила, что хочешь заботиться обо мне и вкусно кормить.

— Да.

— Ты хочешь родить от меня ребёнка?

— Хочу.

— Тогда в чём дело? — уже едва сдерживаясь, спросил он. — Я не понимаю.

— Ты слишком гатриец, Андрюша.

— Что? — растерянно переспросил он.

— Ты готов посадить меня в терем и поставить охрану. И зная тебя, я понимаю, что на этот раз это не фигура речи. Стоит тебе получить формальное право, ты так и сделаешь.

— И что с того? Я хочу, чтобы моя жена жила спокойно и счастливо... Семья, дом, дети — разве это не то, что ты хотела?

— Я хотела... Я теперь не знаю, чего я хотела. Но только не участи гатрийской женщины, которая любит мужа и всю жизнь ждёт, когда он её осчастливит, оторвавшись на минутку от других дел и других женщин. Поэтому нет, Андрюша. Я не хочу в эту тюрьму.

— Ну, что ж, — глухо сказал он, всё ещё не отпуская меня. — Твои альтернативные варианты?

— Всё останется, как есть. Могу называться вечной невестой, если это утешит Валею. Я просто буду с тобой. Если, конечно, тебе это нужно.

— Мне нужна ты. И мне нужна семья... Я тебе задание когда-то давал подумать, зачем гатрийский мужчина для продвижения в жизни должен быть женат. Ты подумала?

— Чтобы было, кого сдать системе в заложники.

— Правильно. Но учитывая, как давно существует в гатрийской империи эта традиция, она давно въелась в наш уклад. Она поневоле воспитывает мужчину так, что он обязан быть главой семьи.

— Ну да, чтобы было перед кем по столу постучать. Но в своём доме ты и так все столы переломал, а у меня тут нет подходящих.

— Значит, нет?

— Прости меня.

Шокер разжал руки и отступил. Покачав головой, он зажмурился, постоял молча, потом

крепко сжал пальцами переносицу и открыл глаза.

— Что ж... — проговорил он равнодушно. — Я этого не ожидал. Но не настаиваю и ни в коем случае ни в чём тебя не виню. Просить прощения тебе не за что. Это ты меня извини, что поставил тебя в дурацкое положение... Разумеется, ты не должна принимать на себя никаких обязательств, даже ради хорошего настроения Валеи. Это не твоя проблема.

Он повернулся и пошёл прочь.

— Андрей!

Он чуть притормозил и бросил через плечо:

— Извини, мне нужно идти.

— Андрюша! — я бросилась к нему, обняла. — Не обижайся, пожалуйста!

— А кто говорит про обиду? — усмехнулся он и осторожно разжал мои руки. — Ничего ведь не произошло и не изменилось, правда?

— Не уходи!

— Я должен. Извини. Прежде, чем я отправлюсь на службу, мне надо заняться будущим дочери, — холодно сказал Шокер и вышел из гостиной.

Я осталась одна.

Прийти в себя после такого разговора было довольно трудно. Я пыталась пошевелить мозгами и понять, что я сделала. Я отказала человеку, который, несмотря на все свои грехи, скелеты в шкафу и тараканов, был мне дорог. Которому я была нужна. Да, он та ещё зараза, но если кому и высказывать такие претензии, то уж точно не мне. И надо же, как у меня бойко выскочило это «нет»... Кто бы мог подумать, далась мне эта свобода. Вот нашлась же феминистка, клейма ставить некуда...

Когда я посреди своих тяжких, но бесполезных раздумий подошла к окну гостиной, я увидела, что в саду, по едва просохшей тропинке ходили туда-сюда Шокер и Мишка. Шокер говорил, сдержанно жестикулируя. Мишка слушал, и, глядя на его лицо, я бы сказала, что он в полном замешательстве. Шокер, наконец, закончил излагать и, по-видимому, задал вопрос. Мишка отрицательно помотал головой. Шокер на несколько секунд прикрыл глаза, словно считал про себя, и заговорил снова. Миша вспыхнул, резко прервал Шокера и собрался уйти, но Шокер загородил ему дорогу и снова начал о чём-то рассказывать.

Жаль, что я не слышала ни слова и не умела читать по губам. Одно лишь я разобрала. Шокер много раз произнёс слово «пожалуйста». Мишка больше не мотал головой и не порывался уйти, но лицо его становилось всё серьёзнее и мрачнее. О чём Шокер просил, понять было невозможно. Я уже устала стоять у окна и смотреть на них, когда Мишка коротко кивнул. Шокер снова зажмурился и опять заговорил. Мишка прервал его и что-то коротко, но решительно сказал. Насколько я поняла, Шокер ответил «Да, конечно». И они пожали друг другу руки, а потом вместе пошли к дому.

Я сидела в гостиной, ждала, когда кто-нибудь нарушит моё уединение.

Мишка появился нескоро. Он был бледен и очень серьёзен.

— Что случилось, Миша? На что это Шокер тебя подбил? Уж не уговорил ли он тебя остаться?

— Нет. Чего ради мне теперь здесь оставаться? Завтра меня доставят домой, как и планировали, — ответил он. — И я заберу с собой Валею.

— Зачем?

— Шокер просил меня жениться на ней. Я согласился.

Видимо, у меня с лицом случилось что-то совсем уж экстремальное, потому что Мишка

всполошился:

— Конечно же, фиктивно! Ты же не думаешь, что я...

— Я ничего не думаю! — выкрикнула я. — Я не умею думать, Миша! Сегодня я в этом убедилась окончательно!

Мишка пропустил мимо ушей мою истерику и пожал плечами:

— Я сам не понял, как он сумел меня уговорить... Делать нечего, становлюсь профессиональным опекуном девиц, попавших в трудную ситуацию.

— Ох, Мишенька... Я только не пойму — зачем?! Внебрачный ребёнок свободной гатрийки не будет здесь ни клеймом, ни помехой для будущего семейного счастья. Что за ерунду Шокер выдумал? Зачем выдавать дочь за мужчину с изнанки?

— Шокер хочет отправить Валею на изнанку, он считает, что в Питере сейчас безопаснее. Учитывая её положение и то, что здесь ещё долго будут постреливать и тянуть одеяло туда-сюда, в этом есть резон, — Мишка задумчиво вздохнул. — Есть две проблемы. Валея почти не знает языка, одной ей поначалу никак не справиться. Но ещё хуже то, что, когда родится ребёнок, ей едва исполнится семнадцать. А значит, ребёнка у одинокой несовершеннолетней сироты запросто отберут под опеку. Мы договорились, что мы с ней распишемся, я присмотрю за ней, позабочусь, чтобы она ни в чём не нуждалась и поскорее привыкла к жизни в Питере, а потом, когда она станет по нашим законам совершеннолетней, мы разведёмся. Всё очень просто.

— Это кому же из вас будет просто? — пробормотала я и выбежала из гостиной. — Шокер!

Никто не отозвался.

— Шокер, чёрт тебя дери, где ты есть?!

Я взбежала наверх, но нашла только Валею. В маленькой спальне, которую Ятис устроил по соседству с моей, была настежь открыта дверь в коридор. Валея сидела на кровати спокойная и серьёзная. Её лицо высохло, только воспалённые красные полосы от тёкших слёз выделялись на бледной коже.

— Валюша, где твой отец?

— Он ушёл в департамент, оформлять для меня все необходимые документы, — ответила девочка. — На изнанке, оказывается, так много всего нужно, кроме паспорта, чтобы наш брак зарегистрировали. Свидетельство, справки, разрешение отца с нотариальным заверением... Папа сказал, всё быстро сделает, и завтра улетим, я и Михаил.

— Ты согласилась?

Валея удивлённо моргнула.

— Конечно. Это ведь разумный выход, — проговорила она медленно и немного равнодушно. — Я буду очень скучать по родным, но придётся потерпеть. Я стараюсь быть ответственной. Больше всего на свете я хочу этого ребёнка, поэтому буду делать всё правильно.

— Будет очень трудно, в чужом месте, с чужим мужчиной. Валечка, ты точно сама согласилась?

— Конечно. Папа сказал, что он Михаилу доверяет полностью, что это хороший друг, который мне поможет на первых порах. Он ведь прав? Михаил хороший?

Я обняла её, потрепала по голове.

— Миша очень хороший. Он поможет. Ты только его слушайся во всём.

— Я буду слушаться, — кивнула девочка. — Кира, а ты... Ты не обижай папу,

пожалуйста. Он думает, что он плохой отец, что мало нами занимался, что я его не знаю... А я очень хорошо его знаю и насквозь вижу. Он тебя очень любит. Я вижу, как он ужасно себя чувствует, когда между вами что-то не так.

— Как, например, сейчас?

Валя кивнула.

— Я постараюсь, Валюша.

— Постарайся, — строго сказала она.

Я спустилась обратно на первый этаж. Мишка сидел в гостиной с самым серьёзным видом.

— Кира, меня мысль посетила... — проворил он задумчиво. — Ты домой собираешься возвращаться? Ну, в Питер?

— Пока нет.

— Я вот подумал... А что, если Валее вдруг покажется со мной не очень уютно? Может быть, тогда предложить ей пожить в твоей квартире? Пока не привыкнет ко мне?

— Ой, да кто вам запрещает?! У тебя ключи есть. Пользуйтесь!

— Отлично, отлично, — пробормотал он, потирая руки. — Надо ещё кое-что обдумать, и всё будет в порядке.

Вот как по мне, так до порядка было безнадежно далеко. Скорее всего, очень быстро Мишка поймёт, какую совершил ошибку. Конечно, необходимость заботиться о ком-то очень сильно излечивает всякую стороннюю тоску, но только на время. Потом, когда забота о Валее превратится в рутину, когда появится на горизонте хорошая девчонка, как Мишка будет ей объяснять, чем он занимается по месту жительства?

— Мишенька, может быть, тебе всё-таки взять назад своё обещание? Не надо тебе этого.

Он серьёзно посмотрел на меня и пожал плечами:

— Почему же? Как раз очень кстати.

— Это сейчас. А потом? Через месяц? Через полгода?

— Я теперь так далеко не загадываю, — усмехнулся Мишка. — И даже не мечтаю.

* * *

До департамента я всё-таки добралась. Без компании, но и без препятствий и отговорок. Правда, только к вечеру, и вышла оттуда уже совсем поздно. Зато оказалось, что моему появлению рады. Знают, стервецы, как умаслить человека, считающего себя профессионалом. Дали понять, как меня ценят, и уломали изменить контракт. Теперь не три обращения в месяц, а по мере необходимости, но я, как и прежде, могу отказаться, а могу и назначить свою цену. Их можно понять: состояние курьерского сообщения с изнанкой описывается одним простым словом — задница. Меня можно понять: я совсем не соображаю, на каком свете оказалась, и за что-то нужно зацепиться. Хотя бы за работу.

Я шла домой по набережной канала с телефоном у уха и слушала обстоятельный доклад Ятиса о том, что происходит:

— ... Девочка почти весь день просидела взаперти, но Михаилу удалось её вытащить на прогулку на часок. Сейчас она снова отдыхает. Недавно вернулся лорд Клайар, уже с малышом, хочет дожидаться вас, госпожа Кира. Я готовлю ужин на всех?

— Да, Ятис. Конечно, на всех. Спасибо.

Уже убирая телефон в карман, я увидела высоченного и худого молодого мужчину, идущего параллельным со мной курсом. Понурый, задумчивый, он горбился и прятал руки в рукава плохонькой куртки. Узнала я его не сразу: без бородки и усов Ло казался совсем юным мальчишкой.

— Ло!

Сообразив, что он меня не слышит, я дёрнула его за локоть. Он отпрыгнул в панике, чуть ли не оборонительную стойку принял. Но сразу узнал меня и широко радостно улыбнулся. Я обняла его, как доброго старого друга.

— Ло, ты вернулся! Молодец! Как же я рада тебя видеть!

Он кивнул, как бы говоря, что тоже очень рад.

— Ло, если ты здесь, значит, Настя?..

Лицо Ло моментально стало мертвенно-печальным, и он снова кивнул.

— Мне жаль, Ло. Бедняжка...

Я ещё раз его обняла, потом выпрямилась и потрепала его по плечам:

— Ты давно здесь? Как твоя семья? Всё в порядке?

Ло вскинул левую руку, на запястье которой на коротком шнурке висел телефон, поймал его в ладонь, стал быстро водить по экрану большим пальцем. Потом показал мне длинный текст на экране:

«я только сегодня приехал в Йери»

«не нашёл никого. оба дома заперты»

«старые номера не обслуживаются»

«с диспетчером поговорить не могу»

«завтра пойду вживую на диспетчерский пункт»

«ещё у дяди дома не был, но у него на службе сказали»

«что он умер давно уже»

— Где же ты остановился?

«нигде пока»

— Пойдём ко мне! Тем более, мы уже пришли, — я потащила его к воротам.

Ло вырвался, на его лице отразилась паника.

— Да не бойся ты, у меня сегодня полный дом народу, ещё один гость мне не повредит! Пойдём, пойдём, я тебя со своими друзьями познакомлю!

Ло, слегка упираясь, позволил привести его в дом. Я разделась, показала Ло, куда повесить куртку и потащила его мимо лестницы в гостиную, откуда слышался голос Мишки.

— Ло?!

Я обернулась на голос. Валея застыла на ступеньках, уставившись на парня и открыв рот.

Я тронула Ло за плечо и показала на Валею. Он обернулся, и его глаза широко раскрылись.

С громким воплем Валея ринулась с лестницы, не глядя под ноги, не обращая внимания на скользкие ступени... Я невольно зажмурилась. Когда я открыла глаза, Ло у нижней ступеньки обнимал рыдающую девчонку, которая билась в истерике, повиснув у него на шее.

На крик со всех сторон сбежались мои многочисленные гости и домочадцы.

— Это кто такой?! — строго спросил Мишка.

— Это парнишка, который помог мне выжить в слое и вернуться, — ответила я и оглянулась на Шокера.

Шокер стоял в дверях гостиной. Точнее, еле стоял. Прислонившись к косяку, он смотрел на дочь и Ло, и губы его дрожали.

Я шагнула к нему:

— Андрей, что с тобой?

Ло, продолжая обнимать Валею, поднял голову, посмотрел по сторонам. Заметив Шокера, Ло часто заморгал, сжал губы, сглотнул и широко улыбнулся. Потом поцеловал Валею куда-то в ухо, погладил по голове и осторожно отвёл от себя её руки. Обойдя девочку, Ло быстро подошёл к Шокеру, и они по-медвежьки крепко обнялись.

Валея, прижав к губам ладони, медленно побрела к ним, не сводя с них глаз.

— Валя, кто это? — прошептала я, когда Валея поравнялась со мной.

— Это Илай, мой брат.

— А... ты крикнула «Ло».

— Это домашнее имя, — улыбнулась Валея сквозь слёзы. — Я его так назвала. Я долго не могла выговорить «Илай» и стала звать его Ло. И все его так звали дома.

Я поманила Ятиса.

— Семейство Клайар разрастается на глазах, и так просто от них нам сегодня не избавиться. Мы всех постояльцев сможем разложить на ночь?

Ятис пересчитал народ по головам, что-то прикинул, возведя глаза к потолку, и покачал головой:

— Одной спальни не хватает.

— Ты посчитал главную?

— Нет.

— Хорошо. Приготовь всё, пожалуйста, для гостей, я лягу в главной.

Ятис улыбнулся одновременно понимающе и одобрительно.

И начался один из самых странных вечеров в моей жизни.

Я была вроде бы у себя дома... Да-да, не прошло и года, как я начала думать о доме на набережной, как о своём доме. Наверное, Йан был бы доволен: ему и тут удалось меня переупрямить. Впрочем, сегодня Йан был бы доволен вдвойне: в доме собрались самые близкие ему люди, и они сегодня были счастливы.

Я была у себя дома, и в то же время старалась стать тихой и незаметной, чтобы ничем не помешать Шокеру и его детям, которым надо было так много рассказать друг другу.

Они часа три не вылезали из гостевой спальни. Дверь была плотно закрыта. До моего чуткого слуха доносился только невнятный гул голосов. Потом Шокер спустился на кухню сделать молоко для ребёнка и, возвращаясь, оставил дверь в спальню открытой. Но я всё равно не решилась присоединиться к их компании. Сегодня был только их день. Издалека через дверной проём я увидела Ло, сидящего в изголовье кровати, и Тимошку, который копошился на коленях у старшего брата, да Шокера с Валеей, пристроившихся напротив, чтобы Ло легко было читать по губам.

Было уже очень поздно, когда я, наконец, доползла до постели. Я уже была готова к тому, что, как обычно, буду валяться без сна и тарашиться в потолок. Но мне даже не довелось погоревать при лунах. Залезла в синие шелка и вырубилась, как крестьянин, продавший пшеницу. Возможно, и храпела так же.

А, в принципе, неважно, как ты уснёшь. Важно, как проснёшься.

Разбудил меня Шокер. И не рывкнул над ухом, и не потряс за плечо. Прижался губами ко лбу.

— Шокер, ты что? — испугалась я, разглядев в темноте его лицо над собой.

— Мне уходить скоро. Хотелось поговорить.

— Ну, ладно. Фиг с тобой, можно и поговорить, — зевнула я. — А что ты меня, как покойницу, в лоб?..

— Да чтобы не напугать, — засмеялся он.

— Зато удивил... — я посмотрела в тёмное окно. — Который час?

— Шесть.

— И куда ты в такую рань?

— На службу. Ты же знаешь, что у нас творится. А я и так очень много времени потратил на семейные обстоятельства.

— Даже Валею не проводишь?!

— Не получится, — виновато отозвался Шокер. — Я уже сказал ей. Илай проводит. Он хотел сам довести их до Питера, но, скорее всего, такие заявки надо делать заранее, проводник уже назначен. Ну, они разберутся, что к чему. А я сейчас уеду, Лис за мной заскочит.

— Тима оставишь?

— К Рите отвезу, — вздохнул Шокер. — Прямо руки трясутся, когда его отдаю. Но что делать?

— Здесь оставлять!

— Нет, это будет неправильно, — как-то холодно вразил Шокер.

— Ну, вот и поговорили, — постановила я. — Теперь можно поспать?

— Кира, я вообще-то пришёл тебе спасибо сказать за сына.

— Вот, нашёл, за что благодарить. Очень милый малыш, прикольный, я к нему привыкла, а ты его мне оставлять не хочешь.

— Да я не про Тима. Я про Илая. Ты мне сына спасла.

— Да что ты говоришь? Ну, тогда иди к нему и его поблагодари. За то, что он спас тебе меня. Он, между прочим, меня приютил и канал показал. Хрен бы я вернулась, если бы не Ло...

Договорить Шокер мне не дал, поцеловал в губы. Долго и сладко.

— Шокер! — взмолилась я, едва оторвавшись от него. — Правило номер... не помню, какой номер... Не целуй меня так, если торопишься на службу! Это бесчеловечно.

— Виноват, — выдохнул он.

— Нет тебе прощения!.. Всё, брысь отсюда, я сейчас спущусь.

Он послушно вышел.

Когда я вышла в коридор, оказалось, что дом, вообще-то, уже проснулся. Только дверь Мишкиной спальни была плотно закрыта. Зато остальные двери были распахнуты, и я слышала, как Валея воркует над Тимохой. Ло вышел из комнаты, где ночевал вместе с отцом, улыбнулся мне и прошёл к Валею.

Шокер уже топтался в холле с чашкой кофе.

— Тебе что здесь, фаст-фуд? — разозлилась я. — Или тебя тут не кормят?

— Не шуми, — примирительно сказал Шокер. — Я просто не успеваю. Потом в департаменте что-нибудь перехвачу.

— Как твои дети?

Шокер улыбнулся немного грустно:

— Валя получше. Когда после такой беды сваливается неожиданное счастье, это хорошо. А Илай обещал часто её навещать в Питере, так она очень приободрилась.

— Зачем ты их всех на ноги поднял? Пусть бы спали.

— Валее надо собраться. Большой багаж не разрешат, но что-то из дома она обязательно возьмёт. Михаил ходит с ней домой, я его уже попросил. А Илай хотел с утра явиться в курьерскую службу, будет контракт возобновлять, не хочет сидеть без дела. Ещё я его убедил его сходить к врачу, проконсультироваться насчёт протезирования. Правда, Илай как-то вяло к этому отнёсся, говорит, если не смогут сделать полноценный бионический протез, то никакого не надо, муляж будет только мешать... Потом я попросил его купить мне штуку такую для Тима, чтобы его на себе было удобно таскать...

Я смотрела на Шокера, который, прихлёбывая пустой кофе, рассказывал мне о проблемах и планах детей, о том, что и как они собираются делать, и мне было радостно за него. Конечно, это не безоблачное счастье, но это уже жизнь, та самая, которой, наверняка, ему не хватало.

— ... Я решил, что продам свой дом, а старый родительский оставлю. Переделаю там кое-что, и будет удобно... — продолжал Шокер тем временем. — Уже сегодня мы с Илаем и Тимом будем там ночевать...

Я всё ждала, когда же он скажет что-нибудь про меня. Когда же определит мне место в своей стройной системе, но он не спешил. Впрочем, если ждать что-то от мужчины, можно прождать всю жизнь.

В дверь позвонили. Я впустила Лиса.

— Привет, Апрель, — буркнул он, проходя вперёд и щурясь на яркий свет в холле.

— Привет! Как ты?

— Да нормально, — он пожал плечами. — Просох... Ну, в смысле, протрезвел. Готов к труду и обороне... Здорово, командир! Поедем?

Шокер кивнул ему и понёс на кухню пустую чашку.

Сверху раздались шаги. Ло спускался в холл, скользя ладонью по изгибающимся перилам. На полпути он остановился и уставился на нас с Лисом.

Лис взгляделся, его лицо дрогнуло, губы сжались и искривились в горькой усмешке.

Шокер вернулся из кухни, посмотрел на сына:

— Илай, познакомься с Лисом!..

Лис низко опустил голову, и, наверное, только я услышала, как он отчаянно ругнулся.

Шокер недоумённо взглянул на Лиса, пожал плечами:

— Елисей, это...

Ло рванул вниз. Ему хватило секунды, чтобы наброситься на Елисея и сбить его с ног. Ло тут же размахнулся, чтобы ударить, но Лис заблокировал удар, скинул парнишку с себя, вскочил на ноги и в то же мгновение метнулся обратно к двери. Ещё секунда, и он уже бежал к ограде.

Ло поднялся практически сразу и бросился следом, но налетел на Шокера, который загородил сыну дорогу.

— Илай! Спокойно! — Шокер стиснул плечи парнишки, не давая ему сделать ни шагу. — Это что ещё за представление?!

В раскрытую дверь было видно, как Лис запрыгивает в машину и во всю прыть газует прочь. Когда машина скрылась из вида, Ло вырвался из рук отца и резко повернулся к нему спиной.

— Это что за дела?! — пробормотал Шокер, набрал воздуха в лёгкие, медленно выдохнул и положил руку на плечо сына.

Ло обернулся. Его глаза блестели, он тяжело дышал и еле сдерживался. То ли заплакать хотел, то ли опять кинуться вдогонку.

— В чём дело, Илай? — очень спокойно спросил Шокер. — Почему ты на него бросился?

Ло завертел левой рукой. Было видно, как раздражает его то, что теперь он слишком медленно «говорит». Шокер внимательно смотрел на сына, успокаивающе потирая его плечо. Ло продолжал что-то объяснять, а Шокер бледнел на глазах.

— Ты не мог обознаться? — уточнил Шокер.

Ло уверенно покачал головой: «Нет!»

Шокер вынул телефон. Сигнал вызова из его трубки звучал громко и очень долго.

— Елисей, вернись! — коротко приказал Шокер, когда зуммер прекратился.

— Хрен тебе, командир, — услышала я едва различимый голос Лиса.

— Ладно, попробуй объясниться так.

— Не будет объяснений. Тебе же сын всё рассказал. Ясно было, что, если этого глухого щенка не пристрелить, он рано или поздно вернётся и сдаст всех, кого узнает. Но уж что теперь суетиться. Бывай, командир!

Шокер едва сдержался, чтобы не швырнуть телефон об пол, сжал челюсти, аж скулы задвигались.

Найдя ещё какой-то номер, он сделал вызов. Услышав ответ, он представился и стал монотонно диктовать диспетчеру:

— Всем оперативным службам!.. Срочно в розыск: наёмник с изнанки Елисей Звягин, агентское имя — Лис, номер сорок восемь восемнадцать. Вооружён, хорошая боевая подготовка. Может оказать сопротивление. Брать только живым. Не применять силу сверх необходимого. Доставить в следственную службу департамента безопасности. Перекрыть все возможности побега на изнанку. Исполнять немедленно!

Он сбросил звонок и посмотрел в глаза сыну:

— Его найдут, и я всё выясню.

Ло тревожно взглянул на отца и о чём-то «заговорил».

— Не переживай, ты не виноват в этом, — решительно возразил Шокер. — Это совершенно неважно, насколько я расстроен. Ты должен был всё рассказать, и ты это сделал. Как же иначе? Ты всё сделал правильно, сын.

— Андрей, в чём дело?

Шокер посмотрел в мою сторону. Вот говорила я ему, что у гатрийцев, когда они разговаривают с женщиной, всё на лбу написано. Обиделся тогда... А у Шокара на лбу как раз написалось, что он очень хочет меня послать, и покрепче, но, будучи настоящим лордом, он просто заявит, будто это всё не моё дело.

— Шокер, что случилось?

Не исключено, кстати, что у некоторых гатриек тоже многое на лбу пишется. Видимо,

Шокер прочитал у меня, что всё равно не отстану.

Он вздохнул:

— Илай опознал в Елисее человека, который велел посадить его в тот хлев в слое и сковать цепью. Потом уже приходили другие.

— Этого не может быть! — ужаснулась я.

Шокер пожал плечами:

— Да, звучит не особо приятно... Но ты успела узнать Илая. Он похож на безумца?

— Нет, не похож.

— Вот именно, — мрачно заключил Шокер.

— Нет, всё равно этого быть не может! Чтобы Лис!..

— Кира, я уже понял: первое, что ты говоришь, услышав о чужой подлости — «этого не может быть!» — немного раздражённо сказал Шокер. — Прости, но эмоции тут только мешают. Постарайся быть объективной.

— Хорошо, постараюсь! Да Лис... он же физически не мог там оказаться! Как он мог попасть в слой?! Он же не курьер!

— Он так говорит, — возразил Шокер. — Но, если и так, на этот случай есть проводники. А ещё тайные каналы и тайные проводники. Да мало ли способов?

— И когда же он мог туда слетать? Он же всё время был с тобой!

— Ничего подобного! — отрезал Шокер. — Я его к ноге не привязывал. Ребята всегда пользовались немалой свободой. Времени на личные приключения было хоть отбавляй.

— Как ты можешь вот так сразу считать его виновным! Он с тобой годами был рядом, он за тебя жизнью рисковал! Это же наш Лис, Шокер! Это невозможно!

— Ненадолго хватило твоей объективности! — отрезал Шокер. — Для начала: я не считаю его виновным. У меня мало информации. Я пока рассуждаю. Почему он сейчас сбежал, как по-твоему? А это единственный железный аргумент за то, чтобы его заподозрить. Плюс его собственные слова, которые истолковать можно только не в его пользу. Так что теперь, пока я всё не выясню, все пустые разговоры на эту тему прекращаем!.. Илай, мне в департаменте нужны твои показания. Напиши и пришли, с электронной подписью.

Ло кивнул.

— Кира, — Шокер обернулся ко мне. — И твои показания тоже.

— О чём?

— О том, что ты видела в слое. Пришли, пожалуйста.

— Хорошо.

— Пойдём, Илай, — Шокер махнул рукой. — Надо попрощаться с Валеей и собрать Тима.

Шокер обнял сына за плечи и повёл его наверх.

Я схватилась за телефон. Симка Лиса была уже отключена. Конечно, зачем облегчать гвардейцам и ловцам их работу.

Телефон зазвонил у меня в руке, я чуть не выронила его. От меня что-то хотел совершенно незнакомый номер.

— Апрель, ну что там, все на ухах? — послышался сбивчивый голос Лиса. Он говорил, как человек, который только что долго-долго бежал.

— Ты в розыске, поздравляю! — ответила я со злостью.

— Это я уже почувствовал, — хохотнул он, покашливая.

— Ох, Лис...

— Что охаешь? — усмехнулся он. — Ну что делать, бесконечно эта лафа продолжаться не могла. Жаль, конечно, рассчитывал ещё пожить крутым парнем. Ну, ничего, может хоть крутым парнем помру...

— А ты мне зачем звонишь? — перебила я его.

— Думал, может, захочешь чем-нибудь помочь загнанному зверю.

— Чем я тебе помогу? Только советом: вернись сюда сам. Шокер намерен разобраться.

— Бгггг, — заржал Лис. — Могу себе представить... Нет, Апрель, спасибо, воздержусь.

— Лис, как ты мог?!

— Ты что, впервые замужем? Не знаешь, в чём разница между разведчиком и шпионом?

— В чём? — машинально спросила я, прекрасно зная ответ.

— Да ни в чём! — желчно бросил Лис. — Ты никогда не слышала, что такое жизнь под прикрытием?

Я промолчала.

— Ну не слышала, так ещё услышишь, я думаю...

— Ты о чём это?

— Да ни о чём. Ладно, бывай здорова. Может, свидимся, может, нет. Девчонкой с изнанки ты мне больше нравилась, чем в роли тупой гатрийской леди. Даже жалко мне тебя что-то, — фыркнул он напоследок и сбросил вызов.

* * *

Я лежала в постели, чуть прикрывшись лёгким одеялом, и смотрела, как Шокер медленно одевается. Возможно, женщины и любят ушами, и даже, может быть, и другими частями тела, но лишать себя визуального удовольствия я не собиралась. Шокер был красив ровно настолько, чтобы мне не хотелось сводить с него глаз.

Я не ожидала, что Шокер сегодня же ко мне придёт.

Возвращение сына, прощание с Валеей, неожиданное бегство Лиса, служебные заморочки... Другой на его месте был бы поглощён всем этим и не вспомнил бы о странной девчонке, которую разбередил с утра своим поцелуем. В конце концов, а куда бы я делась? Ждала бы, как все ждут.

А я и не ждала. Сидела в тёмной гостиной с планшетом, смотрела бесконечную местную новостную программу. И даже сходить на кухню и поужинать мне было лень, хотя я знала, что и делать ничего не придётся: Ятис, перед тем, как уйти в свою законную увольнительную, всё приготовил.

Но Шокер пришёл, один, без малыша.

Вот уж точно, к чему нам лишние условности, когда и так ясно, зачем пришёл. Мы раздевали друг друга, наши пальцы от нетерпения не могли с первого раза справиться ни с одной застёжкой, и мы хихикали, как школьники.

А, вообще-то, хороши злодеи-любовники. Столько долгих месяцев прошло с тех пор, как я нажала кнопку звонка на воротах питерской штаб-квартиры Шокера. Стольким людям наша странная любовь успела испортить жизнь за это время. А мы всего-то вместе в третий раз. В третий. Всего-то.

Раньше, тогда, долгие месяцы тому назад, я бы просто радовалась тому, что этот третий раз случился. Я ведь умела радоваться такой малости, умела сочинить себе целую стройную теорию о том, что надо ценить, а о чём не стоит даже сожалеть.

Но как-то незаметно я разучилась радоваться малому. Теперь необходимость крохоборничать раздражала. Не отпускало дурацкое чувство, будто я украла что-то чужое.

— О чём загрустила? — Шокер присел на пол у кровати, придвинулся поближе, погладил меня пальцем по виску, как это он любил делать.

— Ты ведь сейчас уже уйдёшь?

— Нужно забрать Тима у Риты. Мне уже неудобно смотреть в глаза твоему брату, я бессовестно пользуюсь его терпением и добротой его жены.

— Да, Рита славная, — согласилась я. — А я ненавидела её. Всего лишь за то, что Йан всегда возвращался домой.

— Ну, видишь ли... — запинаясь, проговорил Шокер. — Традиции — вещь жестокая. А ломать эти рамки — не всегда хорошо...

— Перестань, знаю я эти отмазки наизусть, — вздохнула я.

— Это не отмазки. Это — здравый смысл. Меньшее из зол, если хочешь.

— Нет, не хочу. Всё понимаю, и про рамки, и про здравый смысл. Но ничего не хочу... Да и неважно теперь всё это. Как тут Валея недавно говорила... Мы всё равно любим тех кого уже нет. Даже если они были всего-то на всего меньшим злом...

Шокер нащупал мою руку и вплёл свои горячие пальцы в мои.

— Я очень скучаю по Йану.

— Я знаю, — сказал он тихо.

— Я всё время думаю, если бы он был жив... простил бы он нас?

— Если бы он был жив... — начал Шокер и замолчал.

— Что?

— Если бы Йан был жив, Кира, ты вернулась бы к нему.

— Что за ерунда? Нет!

Он промолчал.

— Андрей, нет!

Он опять ничего не сказал.

— Как ты можешь, зачем? За что?!

Я резко выдернула руку из его ладони, привстала, опираясь на локоть.

— Чем, ты считаешь, я с тобой тут занимаюсь?! Время убиваю? Всё ещё рассчитываюсь?! Детские мечты разгребаю?

— Кира, Кира... — запротестовал Шокер, но я его перебила:

— Да что «Кира»? Ты зачем тогда со мной? Зачем мне предложение делал, если считаешь, что я тебя не люблю?! Спишь со мной зачем?

Шокер зажмурился, устало потёр лоб.

— Опять за рыбу деньги... — пробормотал он. — Затем, что мне это всё нужно!

— А мне, считаешь, не особо и нужно? А был бы жив Йан — и вообще не нужно?

Он снова промолчал.

— И с чего ты так решил? Потому что я за тебя выйти отказалась? Так, да?!

— Нет, не так, — буркнул Шокер. — И вообще, я имел в виду, если бы Йан был жив, он отбил бы тебя обратно. Не знаю точно, как именно, и чего бы это ему стоило, но он бы тебя не отдал. Даже мне, — Шокер вдруг засмеялся. — Тем более мне.

— Почему?

Шокер пожал плечами и нахмурился:

— Если ты сама это не осознаёшь, объяснить это словами невозможно.

— Вот точно: такой дуре-бабе даже самый умный мужик ничего объяснить не сможет!

Шокер закрыл глаза и обречённо вздохнул.

И тут я почувствовала, что всё, вожжа уже попала под хвост, и меня сейчас понесёт.

— Слушай, Шокер, чем так вот вздыхать и мучиться, иди-ка лучше поищи себе другую женщину! Спокойную, покладистую, домашнюю, которая спит и видит себя женой гатрийского лорда.

— Ты это серьёзно? — удивился он.

— Абсолютно. Найди себе кого-нибудь! И не ходи сюда, и не заставляй меня всё время чувствовать вину! Я так больше не могу!

Шокер встал на ноги и с болезненной гримасой расправил плечи.

— Это верно, мучиться уже осточертело, — пробормотал он. — И где же та девчонка, которая так радовалась домику на шхерах и кружке кофе с коньяком?

— Она не этому радовалась, — пробурчала я.

— Да? А чему же?

— Тому, что она с тобой. Тому, что ты для неё этот кофе сделал и поил из чашки, как ребёнка. Тому, что ты оказался не миражом, а живым и таким классным.

— Когда ты так говоришь, мне всё время кажется, что ты ставишь мне в пример кого-то другого, — криво усмехнулся Шокер. — И до его уровня мне в жизни не подняться.

— А когда ты начинаешь вздыхать по какой-то другой девчонке со шхер, мне тоже кажется, что это было не со мной. Что я это даже помнить не имею право!

Он покачал головой, присел передо мной и заглянул в глаза:

— Ты имеешь право на всё. Не только помнить. Почему тебе всегда кажется, что у тебя больше ничего не будет?

— Потому что ничего и не будет, Андрюша.

— Ты имеешь право на всё, что хочешь.

— Нет, Шокер. После того, что случилось, я ни на что не имею права. Ты мне очень нужен, Шокер. Я не знаю, что в тебе такого, но я на тебя даже смотреть спокойно не могу, у меня ноги подкашиваются. Но ничего у нас не получится. Я не могу заставить себя пройти по костям. И... И будь Йан сейчас жив, я... Да, я вернулась бы к нему, ты прав. Но Йана нет, и деваться мне больше некуда. Совсем... Уходи, Андрей. И никогда сюда больше не приходи, пожалуйста.

Он протянул руки, привлёк меня к себе. Я оттолкнула его:

— Уйди, пожалуйста, Андрюша!

— Я не понимаю, что это с тобой такое, — с тревогой прошептал Шокер. — Стресс, депрессия, всё в кучу. Но это пройдёт, обязательно пройдёт...

Я просила его уйти, умоляла, потом кричала ему что-то злое, мерзкое, обидное. Он в ответ нёс какую-то околёсицу о том, какая я хорошая девочка.

Я дралась с ним, металась по комнате, как сумасшедшая, пыталась вытолкнуть его. Он ловил мои руки, отворачивал лицо от моих кулаков и ногтей, повторяя, что всё пройдёт и наладится.

Ударить меня он не решился, хотя это быстро уладило бы дело. Синим стёганым покрывалом словил меня, как бешеную кошку, завалил на кровать, туго запеленал, придавил

собой сверху.

Было тяжело, невозможно дышать и безумно страшно от того, что ни рукой, ни ногой не пошевелить. Так страшно, что я заскулила и заплакала. От нарастающей паники я почти потеряла сознание. Но тут Шокер слез с меня, ослабил замотанное покрывало, принялся легонько поглаживать, я уткнулась лицом в его грудь и провыла ещё с полчаса.

Когда истерика улеглась, Шокер осторожно отодвинулся, встал, зажёл торшер в углу и задёрнул шторы. Потом внимательно осмотрел меня и спросил участливо:

— Ну как ты? Полегче?

— Лучше бы ты ушёл сразу, Андрюша, чем видеть всё это. Такие представления женщина должна давать в одиночестве.

Он покачал головой:

— Это не представление. Это нервный срыв. Ты себя запустила, а я всё проморгал. Не переживай, всё пройдёт и будет просто отлично.

Я закуталась в покрывало, свернулась калачиком, вытерла шёлком остатки слёз.

— Тебе уже пора идти?

Он вздохнул.

— Андрюша, останься со мной, хоть ненадолго! Пожалуйста, посиди со мной немножко!

Шокер отвёл взгляд, что-то обдумывая. Потом взялся за телефон:

— Рита, не могла бы ты оставить сегодня Тима на ночь? Я знаю, что это наглость с моей стороны... Спасибо, Рита, ты замечательная!

— Ты зря... — улыбнулась я сквозь слёзы. — Мог бы просто съездить за малышом и привезти сюда.

Шокер покачал головой:

— В следующий раз я так и сделаю. Но сегодня мы будем только вдвоём. Вдвоём и вместе.

Я уцепилась за его руку и закрыла глаза.

Так нельзя. Я же всё разломаю, всё, о чём мечтала. Нервный срыв — это, конечно, оправдание. Наверное, Шокер сейчас найдёт кучу причин моего отвратительного состояния и будет убеждать, что я не виновата. Может и так. Но дело не в этом, а в том, что я сейчас всё уничтожаю. Я вспомнила, как прошлым летом мечтала о том, как было бы хорошо отбить Шокера у Лали. А потом любить и беречь его, не создавая ему проблем, чтобы он знал, что от меня он не услышит ни вздорных требований, ни злых капризов. Вот как хорошо я его берегу, это ж просто загляденье... Человек сам в постоянном стрессе, его серьёзной работой загрузили, ребёнка придётся растить без матери, у дочки жизнь переломалась... И я тут ещё со своими феминистскими нервами. Какой славный комплект. Свезло Шокеру.

— А давай завтра утром ты соберёшь кое-какие вещички и переедешь ко мне, — бодро предложил Шокер, когда я открыла глаза.

— Зачем?

— Ты же сказала недавно: «Я буду с тобой, если тебе это нужно». Мне это нужно. И мне плевать, выйдешь ты за меня, не выйдешь... Ну не то, чтобы плевать, если честно, — поправился Шокер с усмешкой. — Но я не собираюсь на этом заикливаться... Так вот и будь со мной.

— Путь свободен...

— Что?

— Лис так сказал. Теперь мне путь свободен.

Шокер коротко вздохнул и сделал вид, что не слышал. Вместо этого так же бодро предложил:

— Ты сейчас подремли часок-другой, а я пойду вниз, кухню обыщу. Не обедал я сегодня. Я стала выпутываться из покрывала.

— Куда ты? — укоризненно сказал Шокер.

— Пойдём вместе. Я знаю, где там что лежит. Ятис всё приготовил, я разогрею.

— Да я сам найду! А ты лучше отдохни пока. Я и тебе что-нибудь принесу сюда. Чаю горячего и пожевать.

— Нет уж! — я повысила голос. — Не смей!

— Почему? — удивился он.

— Если я сейчас позволю тебе это сделать, я потом всегда буду этого от тебя ждать, даже когда буду совершенно здорова. Буду ждать, что тебе захочется меня побаловать, побаловать просто так, а тебе ведь это и в голову не придёт. Я буду злиться, сначала слегка, потом сильнее, но не признаюсь, почему. Буду считать, что ты должен догадаться сам. Ты, естественно, не поймёшь, почему я веду себя как вздорная дура. Потом ты решишь, что не «как», а дура и есть, а мне станет ясно, что ты меня совсем не любишь... Да что ты ржёшь?!

Шокер стоял, закрыв лицо ладонью, и плечи его вздрагивали.

— Ой, я не могу больше... — простонал он. — Женщина, что у тебя в голове?!

— Шокер, ты не поверишь, но именно это в женской голове и происходит. И не только в моей.

— Хорошо. Согласен: лучше не начинать баловать женщину, это опасно. Давай, я тебя для верности побью. Ты всякий раз будешь ждать, что побью ещё раз. А я больше не стану, и будет вечное счастье.

— Мужчина, у вас логика хромает. Не будет счастья. Потому что я стану ждать плохого всё время, пока ты будешь рядом, а счастье станет наступать, когда уйдёшь.

Шокер нахмурился и покачал головой:

— Так что делать-то? — нетерпеливо уточнил он. — Я запутался. Туда нельзя, сюда нельзя...

— Кофе хочу. Не чая, крепкого кофе. Без сахара. И хлеб там должен быть в кухне серый такой, пористый. Кусок хлеба, толстый, с шоколадным маслом... Два куска. Осилишь?

Через десять минут Шокер опустил на постель поднос с чашками и большим блюдом с дюжиной кусков серого хлеба с шоколадным маслом, сыром, ветчиной и даже с мелкой консервированной рыбкой.

— Ты что?!.. Это всё мне? — ужаснулась я.

— Нет, это на двоих.

Мы принялись за еду. Идея Шокера побаловать меня если не завтраком в постели, то хотя бы ужином, была, конечно, милая. Но не очень удачная.

— Ятис нас убьёт... — проворчала я. — Ну, не убьёт, конечно, но посмотрит так, что нам будет стыдно. Он старался, готовил, а мы вот так... Да и всю постель перемажем.

Шокер только отмахнулся, с аппетитом уплетая бутерброд.

Раздался звонок моего телефона. Шёл он из вороха одежды в кресле. Шокер встал, порывшись в тряпках и подал мне телефон.

— Леди Вайори? Это планировщик курьерской службы. У нас есть для вас серьёзное предложение. Задание с максимальным уровнем риска по максимальному тарифу.

— Вот прямо сейчас? Ночью? — уточнила я, не сводя взгляда с вожделенного бутерброда с шоколадным маслом.

— Нет, конечно. Простите за поздний звонок, но дело срочное и серьёзное, мы обзваниваем потенциальных исполнителей.

— Можно поточнее, в чём заключается задание?

— В общих чертах — целевое проникновение в заданный промежуточный слой.

— А ещё подробнее?

— Если вы в принципе согласны рассмотреть подобное предложение, завтра утром будет собеседование в департаменте, вы узнаете все подробности.

— Во сколько?

— Ваше время — в десять.

— Хорошо, я приду.

Я отбросила телефон на постель и взялась за хлеб с шоколадным маслом.

— Что там? — подозрительно уточнил Шокер, кивнув на телефон.

— Так, ерунда. Предложение по моему контракту.

— Какое?

— Да пока никакого. Завтра утром пойду на беседу, узнаю.

Шокер пожал плечами и, недовольно хмурясь, заметил:

— Ты сейчас не в форме.

— Это точно, — хихикнула я. — Не в форме. В одном покрывале.

— Рассчитай силы и не вздумай соглашаться, если это для тебя сейчас будет слишком тяжело, — Шокер не обратил внимание на моё дурачество.

— Не изображай из себя моего папочку! — отрезала я. — Я сама прекрасно разберусь.

Я полезла вперёд по кровати поставить пустую чашку на поднос. Покрывало свалилось с плеч.

— Прошу прощения... — я стала его подбирать, чтобы набросить обратно.

— Ничего, ничего, — заверил Шокер. — Вот так и сиди. Хорошо.

— Думаешь?

— Да, точно, — подтвердил он, допивая кофе и не сводя с меня глаз.

Я села, выпрямилась, вскинула голову.

— Нарисовать сможешь?

Он задумчиво поджал губы.

— Ох, не знаю. Не уверен. Связь «глаз — мозг» работает отлично, а вот «мозг — рука»... Это тренировки требует. Давно не брал в руки карандаш. Лет десять.

— Ну, ладно, в следующий раз потренируешься. А пока, раз не можешь нарисовать — поцелуй.

Он улыбнулся, переставил поднос на пол и полез на кровать.

— Шокер, штаны!

— Что штаны? — растерялся он.

— Правило номер два! Или оба в штанах...

Шокер расхохотался:

— Извини, забыл!

Словно и не было гадкой истерики, словно не орала я ему в лицо всякую дичь. В его глазах ничего кроме нежности и желания. А я зажмурилась, чтобы он не прочитал ненароком, как же мне стыдно, что мучаю его всяким бабским вздором.

Этой ночью мы так и не уснули. Тратить эти несколько часов на сон было бы слишком бездарно. Мы потратили их друг на друга.

Я переступила порог кабинета, и у меня сердце ёкнуло. Легонько так, ностальгически. Кое-что здесь изменилось, конечно. Не могло не измениться, ведь Йана уже так давно нет на свете. Но от прежнего хозяина в кабинете многое осталось. Знаменитый массивный стол, например. У него идеальная полированная столешница, зеркальная, холодная. И голая спина на раз прилипает... Йан потом стал стелить свою рубашку... Я усмехнулась, вспоминая это. Ну а что, было же. Куда ж теперь деться. Или вот на стеллажах, что стояли вдоль стен, кроме книг и накопителей с документами, остались даже кое-какие личные вещи Йана, простейшие памятные безделушки, которые он любил притаскивать из наших с ним путешествий по изнанке. Видимо, новому начальнику курьерского департамента они приглянулись в качестве декора.

С тех пор, как я заключила новый контракт, в кабинете начальника департамента я ни разу не была. Обходилась общением с более низкими уровнями. Но сейчас, после того, как я поговорила с планировщиком заданий и произнесла: «Да, мне это интересно», меня тут же пригласили пройти к начальнику службы.

Новый командор курьерской службы оказался молодым крупным блондином. Лицо было мне смутно знакомо, но никаких общих дел или совместных заданий у меня с ним прежде не было точно.

— Леди Вайори, прошу вас! — командор почтительно склонил голову и указал на кресло, что стояло не у ностальгически знаменитого стола, а ближе к окну, около низкого столика. — Спасибо, что согласились обсудить проблему.

— Проблему? — вежливо переспросила я. — Мне показалось, речь идёт о подробностях задания.

— Для вас — да, задание, — кивнул командор. — Для нас — проблема. К сожалению, после известных событий, которые вселили в нас так много надежды, возникли и проблемы. Разумеется, мы их предвидели, но жизнь развивается так стремительно, что ожидаемые проблемы уже на пороге, а пути их решения всё ещё в разработке... Не хотите ли чашечку кофе?

Очень неожиданная любезность. Даже Йан не поил меня кофе в этом кабинете в те времена, когда речь у нас с ним шла всего лишь о заданиях по контракту. Неужели всё дело в моей магической фамилии и принадлежности к семье нового канцлера? Ну кругом подхалимаж... Поиздеваться, что ли?

— Кофе не хочу, спасибо. А вот что-нибудь покрепче не отказалась бы.

Командор слегка опешил.

— Полагаете, рановато? — уточнила я.

— Ну... — кашлянул командор. — Один я, пожалуй, воздержался бы в этот час, но в компании с такой уважаемой... и прекрасной... леди я готов немного согрешить. Что желаете?

— Да ничего не желаю. Пошутила я. Неудачно, — буркнула я, понимая, что это будет уже перебор. — Давайте о деле.

Командор испытал такое облегчение, что даже не оскорбился. Улыбнулся вежливо и сел напротив меня в кресло.

— Мы вчера обзвонили около десятка опытных проводников, — начал он. — Всех, кто

оказался под рукой. Только четверо согласились прийти за подробностями. И только вас эти подробности не испугали.

— Ну вы не радуйтесь так уж сразу, — предупредила я его. — Окончательное решение я ещё не приняла. Я дала принципиальное согласие продолжить переговоры только потому, что мне интересна сама суть предложенной работы. Чисто техническая её сторона. Мне приходилось попадать в слои, много раз. И, как видите, мне посчастливилось выжить. Но ни разу я не пыталась пойти по конкретным слоям целенаправленно. Мне кажется, это интереснее, чем носиться в трубе со свистом, зажав под мышкой контейнер с курьерским грузом.

— Как человек, послуживший некоторое время в курьерской разведке, я с вами соглашусь. Для меня это всегда было интересней рутины, — кивнул командор. — А ваш многолетний опыт является для нас гарантией вашего серьёзного отношения, гарантией того, что вы осознаёте все подводные камни такой работы и сознательно принимаете риск. А риск здесь повышается многократно.

— Да, я представляю. Но ведь вы и платите неплохо.

— Как видите, в данном случае деньги никого не прельстили, — усмехнулся командор. — К сожалению, во время последних событий мы потеряли несколько очень хороших проводников. Ещё больше мы потеряли наёмников с изнанки: люди просто не стали ждать, кто кого осилит, решили, что это не их война, и убрались восвояси. Те, кто остался сейчас на контрактах, находятся под постоянным прессом. Учитывая, с какой скоростью закрываются каналы, и насколько непредсказуемо и внезапно это происходит, даже опытные специалисты задумываются, не стоит ли в этих условиях поберечь свои шкуры.

— Логично. И я об этом тоже задумываюсь. Так что, если вы меня сейчас как следует застрашаете, я, пожалуй, тоже откажусь. Я слушаю, давайте о конкретном.

Командор потыркал толстым указательным пальцем в кнопки своего браслета, и на проекционной стене возникла копия документа.

— Прошу ознакомиться: это заявка департамента безопасности. Подписана начальником следственной службы Клайаром.

Я внимательно прочитала документ. Шокер хотел, чтобы в слое, в котором я недавно побывала, была проведена всесторонняя разведка. Отдельно он перечислил по пунктам информацию, которую хотел бы получить. Заявка была рассчитана на любого исполнителя, в том числе на такого, который ни разу в этом слое не был. Именно для таких были расписаны пункты для проверки. Мне же и так стало ясно, что конкретно требуется Шокеру: он хотел получить максимальную информацию не столько о самом слое, сколько о «залётных», их активности, концентрации в точках сбора, материальных ресурсах, возможных целях и вероятных угрозах. Координаты слоя были даны довольно точно, но, конечно же, в диапазоне, поэтому исполнителю со стороны могло бы понадобиться до десятка рейсов, прежде чем он попал бы, куда надо.

— Вы ведь уже бывали там, — произнёс командор. Это было утверждение, не вопрос.

— Бывала, — вздохнула я.

— И возвращаться желания нет? — с сожалением предположил командор. — Это объяснимо, я вас прекрасно понимаю. К счастью, у нас уже есть один проводник, который пойдёт на это задание. Он тоже был в этом слое и дал максимальную информацию о нём. Мы ищем ему хорошего напарника.

— Вы об Илае Клайаре?

— Да, верно, — кивнул командор. — Мы рады, что он снова в наших рядах, что он полностью работоспособен и готов рисковать.

Ещё бы этот говорливый толстяк был не рад. Загнать храброго, но во многом ещё пока безрассудного мальчишку в слой, в котором он едва уцелел — какая удача!

— Хорошо, я берусь за это.

Командор, кажется, не поверил своим ушам.

— Отлично! — выдохнул он.

— ... Только тариф удваивается. И график мы с напарником разработаем вместе, и ваш персонал будет ему следовать.

— Да, я согласен.

Я встала. Командор тоже вскочил.

— Может быть, всё-таки кофе? Или покрепче? — улыбнулся он.

— Не надо. Пригласите Илая Клайара. Мы с ним займёмся делом.

— Он ждёт в отделе планировщика.

Я пошла к выходу из кабинета и по дороге не удержалась, стащила с полки маленькую фигурку панды, вырезанную из можжевелевого дерева. Я её когда-то сама покупала в Китае. Ни к чему она этому командору, обойдётся.

* * *

Как всегда, никаких лишних вещей в рейс я брать не собиралась. А в обитаемый слой и подавно. Тут даже документы и деньги ни к чему. Только карты и телефон с самым мощным аккумулятором. Карты — обязательно, несмотря даже на то, что со мной будет ходячая карта, человек, чувствующий каналы.

Я дала наставления Ятису, потом вызвала машину — база, с которой намечалось отправление, находилась практически за городом.

Зазвонил телефон.

— Кроха, я через полчаса заеду за тобой, — сообщил Шокер. — Ты сумку собрала?

— Нет, Шокер. Не собрала.

— Почему? — угрюмо поинтересовался он. — Мне показалось, ты не против.

— Андрюша, я не против. Но мне надо на базу. У меня задание. Я улетаю скоро... Давай потом с переездом разберёмся, когда вернусь.

— Хорошо, давай потом, — согласился он. — Что за задание? Надолго?

— Да твою заявку по слою отработать надо. Вот уж не знаю, надолго ли...

— Кира... — Шокер на том конце задохнулся. — Ни в коем случае! Ты слышишь?

— Что ни в коем случае?

— Не смей на это соглашаться!

— Во-первых, я уже согласилась. Во-вторых, никто не имеет права мной командовать, даже ты. В-третьих, Андрюша, я рассчитала свои силы, как ты и советовал, и я знаю, что справлюсь.

— Кира!..

— Если хочешь меня проводить, приезжай на четвёртый канал. Старт через сорок минут.

Я приехала первая и ждала Шокера в вестибюле у входа. Он примчался на базу минут за

десять до старта и сразу же потащил меня прочь от посторонних ушей и глаз.

Тихий боковой коридор-тамбур, отделяющий людный вестибюль базы от главного зала, был пуст.

Я ждала воплей и ругани, но Шокер был очень... нет, не спокоен, конечно, с такой-то яростью в глазах. Но он был необычно сдержан, словно в беседе с коронованной особой. А когда человек ведёт себя не так, как ты ожидаешь, это настораживает.

Начал Шокер с того, что обнял меня и постоял с минуту, прижавшись губами к моей макушке. Потом отстранился, провёл пальцами по моим волосам, по виску, по щеке.

— Знаешь, Кира, зря ты решила, будто я хочу посадить тебя в терем, в застенки, лишить свободы и сделать из тебя гатрийскую жену... Я никогда не повторю ошибку моего отца. Я знаю, что девчонка с изнанки этого не вынесет. Ты всегда будешь свободна.

— Тогда... — у меня всё слегка перемешалось в голове. — Тогда что ты нервничаешь? Я немного поработаю, вернусь, и мы обсудим, кто куда и к кому переедет. Хорошо?

Он кивнул, но ярость в глазах не улеглась.

— Кира, а если я тебя попрошу... — тихо начал он.

— О чём? — прошептала я.

— ... очень-очень попрошу...

— Да?

— Откажись, — проговорил он. — Умоляю тебя, откажись от задания.

Ох, Шокер... Хитрец. Решил сменить тактику радикально. Орать и угрожать бесполезно, решил смиренно просить. На что расчёт? На эффект неожиданности, не иначе.

И хоть я видела насквозь все его приёмчики его, мне было Шокера жаль. В том, что он очень за меня беспокоится, сомнений не было, и я чувствовала себя садистом.

— Андрюша, не надо, пожалуйста. Это моя работа.

— Я знаю условия твоего контракта. Ты вправе не соглашаться на задание.

— Иногда я так и делаю. Но сейчас я согласилась. И отказаться я не могу.

— Почему? Никто не посмеет упрекнуть.

— Не в этом дело. Я не могу подвести напарника. Он не откажется, и я не откажусь. Это задание я выполню. И давай больше об этом не будем.

Шокер опустил голову и замолчал. Я отчётливо видела бьющуюся жилку на его виске.

— Я совсем не заслужил того, чтобы ты хоть раз пошла мне навстречу? — спросил он глухо. — Я так часто тебя о чём-нибудь прошу?

И тут зазвонил мой телефон.

— Да, Марек!

— Я тебя предупреждал?! — заорал Марат на том конце так, что я даже отдёргнула трубку. — Я говорил — никаких поисков приключений?!

— Ну, говорил, и что? Ты говорил, я выслушала и не согласилась. Всё на этом, бро. Через десять минут я улетаю.

— За что же мне такое наказание?! — прошипел Марек.

— Не знаю, подумай, — вздохнула я.

— Я могу отменить всё это! Один мой звонок — и твой контракт расторгнут! Десять минут, говоришь? Так я успею. Тебя выдернут из вагонетки в самый последний момент!

— Марат, не стражай меня! — возмутилась я.

Шокер властно отобрал у меня телефон.

— Слушай, Вайори, хватит! — отчеканил он в трубку. — Всё, притормози!

— Клайар, а не пойти ли тебе?!.. — зловеще начал Марек.

— Не ори на неё! Нельзя ссориться перед полётом, это плохая примета.

— Что?! Примета? Ты в своём уме?

— А ты? — холодно уточнил Шокер. — Лучше пожелай ей удачи.

Он вернул мне телефон.

— Марек, — сказала я, как можно спокойнее. — Возможно, скоро я и так расторгну контракт. Но я это сделаю сама.

Марек что-то проворчал, видимо, опустив руку с трубкой, потом заговорил намного мягче:

— Береги себя, Кирюша. Я всего лишь хочу, чтобы у меня была сестра. Извини, что накричал. Нервы. Дай мне знать, когда вернёшься, сразу же.

— Обязательно. Увидимся, бро!

Марек отключился.

Брата мне тоже стало жалко. Но и за себя обидно: вот всех я понимаю, каждому оправданье найду, если понадобится, а кто бы меня, наконец, понял.

— Я ещё здесь, — напомнил стоящий рядом Шокер.

Я молча обняла его.

— Я не хочу, чтобы ты в этом участвовала, — сказал он сурово.

— Когда ты подавал заявку в курьерскую службу, ты же представлял, что я буду одна из первых, к кому они обратятся. Представлял?

— Но я не мог приписать в конце «участие проводника Апрель исключается», — горько усмехнулся Шокер. — А у тебя не хватило инстинкта самосохранения не соглашаться. Тогда хоть просто сделай то, о чём прошу: откажись. Пожалуйста.

— Так тебе надо, чтобы заявку отработали? Или нет?

— Надо, — вздохнул он. — Но без тебя, если можно.

— Нельзя. Задание технически сложное, и сделать его сейчас некому. Нет больше подходящих проводников. Те, кто ещё остались — боятся, или уровень не тот.

— Не настолько же всё плохо! — нервно фыркнул Шокер. — И не надо беспокоиться о напарнике. Найдут другого проводника в пару. Это проблема курьерской службы, пусть ищут.

— У них больше никого нет. Громила погиб на днях. Светояр отказался, он — классный проводник, но рисковать не любит. Настоящий ссыкун, это было видно ещё во время учёбы. Других проводников одновременно и с «дюжиной», и с необходимым опытом у них сейчас нет. Я собираюсь выполнить свою работу, которую делаю лучше многих. Что ты так напрягаешься? Ты же знаешь мой уровень. Я не вчера в канал провалилась.

— Это не обычный полёт проводника, Кира. Я заказывал оперативный рейд. Это работа для особых специалистов с боевой подготовкой! — я чувствовала, что у Шокера заканчивается выдержка. — Я не думал, что в курьерской службе в начальниках теперь одни профаны!

— Андрей, ты неправ. Они не профаны. Просто условия изменились, у них людских ресурсов не хватает. Поэтому первая вылазка — пробная. Убедимся, что попадём по адресу. Уточним предпочтительную территорию поиска. Ну и постараемся запомнить побольше. Ориентировочно — трое суток. По результатам будут планировать вторую вылазку. Возможно, во второй раз будут обращаться именно к боевым подразделениям. Но пока надо просто осмотреться... В конце концов, Андрей, вы, терракотовые, ставите задачу. Как мы

будем её выполнять — не ваша забота. И ты не можешь ничего отменить, это же не твоя личная прихоть!

— Именно. К сожалению! — горько бросил Шокер и в отчаянии мотнул головой. — Да провались всё!..

— Тише, тише, хороший мой. Тише...

Я подалась вперёд и прижалась к нему, такому тёплому, родному, нужному и любимому. Он осторожно обнял меня, и я почувствовала, как дрожат его руки.

— Андрюша, ну что ты так?.. Что случилось? Ты какой-то странный. Даже не орёшь почти. Из-за этой самой приметы, что ли? Так я всё-таки поняла, что не верю в приметы.

— А я верю. Но ещё больше я верю в предчувствие. И оно у меня плохое, — серьёзно сказал Шокер.

— Ты просто очень устал, Андрюша. Это пройдёт. Постарайся успокоиться. Я вернусь и всё будет хорошо.

— Вот только попробуй не сдержаться слова, — пробормотал Шокер.

— Когда это я не держала слова?!.. Всё, мне пора. Давай прощаться.

Шокер вздрогнул.

— Я провожу тебя до вагона, — возразил он. — Пойдём на платформу.

Мы вышли из тамбура на платформу.

Народу вокруг вагонетки было немного, но Ло уже стоял там, одетый и экипированный как для экстремального турпохода.

— А он тут зачем?.. — начал Шокер, но замолчал, потом повернулся ко мне. — Вот оно что. Напарник, значит?

— Да, напарник. И я не могу его подвести.

— Ну и ну... — Шокер усмехнулся и покачал головой. — Что же вы оба со мной делаете?

Мы подошли к вагонетке.

— Ты собирался меня предупредить? Или решил так исчезнуть? — сурово поинтересовался Шокер у сына.

Ло что-то ответил.

Шокер полез за телефоном, проверил.

— Да, есть сообщение, — кивнул он. — Я его не услышал. Извини, Илай.

Ло поднял небольшой рюкзачок со сложной сбруей, лежащий у его ног и протянул мне. Я надела его на себя. Шокер помог закрепить его, затянул ремни. Придирчиво осмотрев меня, он кивнул:

— Нормально. Мешать не должно. Тебе удобно?

— Спасибо, отлично... А ты почему не кидаешься отговаривать Ло, как меня отговаривал?

— Он уже взрослый мужчина, через многое прошёл, и я должен принять его выбор.

— А мой выбор как же? Слабо принять? Остался хоть один человек на этом свете, который может просто его принять?

Шокер отвёл взгляд.

— Я всё понял: ты согласилась только из-за Илая, — сказал он уверенно. — Точнее, из-за меня. Хочешь за ним присмотреть ради моего спокойствия.

— Мы присмотрим друг за другом, — улыбнулась я. — Не волнуйся, Андрюша.

Он повернулся к сыну и заговорил с ним на языке жестов. Ло напряжённо слушал,

изредка косясь на меня, потом решительно кивнул. Отец и сын пожали друг другу руки и сдержанно обнялись.

Потом Шокер взял меня за руки, улыбнулся и просто сказал:

— Буду ждать тебя, Пятачок.

Очень хотелось поцеловать Шокера, но вокруг ошивались люди. Неудобно. В этом мире, полным ханжей и скучных традиций, тоже есть жёлтая пресса, и портить нервы они умеют.

Его руки пожимали и поглаживали мои пальцы.

— Ты меня не поцелуешь? — спросил он вдруг.

— Люди кругом. Как же твоя репутация? — усмехнулась я. — Моя-то — чёрт с не...

Он не дал договорить, поцеловал меня сам. Коротко, но до слёз нежно.

Я отступила от него и взяла за локоть Ло:

— Нам пора!

Ло махнул отцу рукой.

— Удачи, ребята! Я вас жду! — Шокер поднял руку, но не помахал, поднёс ладонь к лицу, прижал к губам, наблюдая, как мы садимся и пристёгиваем ремни.

Дежурный техник захлопнул дверцу, и все внешние звуки враз отрезало.

Я сидела и смотрела на Шокера, ловила его обнимающий взгляд.

Как же ему страшно...

Я очень хорошо представляла, насколько ему страшно. От бессилья и невозможности хоть как-то повернуть ситуацию в менее рискованную сторону. И как, наверное, страшно Мареку, который тоже понимает всё лучше многих.

— Ты готов? — я повернулась к Ло.

Он серьёзно кивнул.

Я нажала кнопку, и мы стартовали.

Ло схватил в ладонь телефон.

«давай вместе в слой войдём»

— Ло, мы же всё обсудили. Сначала ты покидаешь вагонетку, потом я.

«не надо. лучше вместе»

— Зачем?

«вдруг в разные слои попадём»

— Маловероятно. Мы ж не какие-нибудь курьеры с «семёркой». Попадём, куда нужно.

Вместе мы друг друга зашибём, падая.

«не зашибём. зато не потратим время на поиски друг друга»

— У нас по графику целые сутки на эти поиски.

«лучше за эти сутки мы дойдём до моего дома и переоденемся»

Ло смотрел на меня уверенно и настойчиво.

— Тебе отец что-то такое сказал, да?

Ло отвернулся, поджав губы. Потом взглянул снова так же упрямо.

— Что? Чтобы ты глаз с меня не спускал?

Ло нехотя кивнул.

— Ло, но не во время технической части полёта! Давай уж отработаем вход в слой так, как это нам кажется правильным. Нам, а не Шокеру, спасибо ему, конечно, за заботу!

Ло снова взялся набирать текст.

«но мне тоже кажется правильным прыгать в слой вместе»

— Если бы я знала, что ты в последний момент станешь настаивать на своём, я бы

послала тебя подальше!

Ло сверкнул глазами.

«ну и послала бы!»

«вместе пойдём!»

— Чёрт с тобой, ладно, — буркнула я и отвернулась.

Ло поёрзал на сидении и снова сунул мне телефон с текстом.

«ты в самом деле собираешься замуж за отца?»

— Ты против?

«вовсе нет. даже одобряю»

— Тогда почему спрашиваешь?

«мне кажется, прокатишь ты его»

— Ну, я уже прокатила разок... Но не твоё это дело, ясно?

Ло неопределённо пожал плечами, явно имея в виду, что с последним он не согласен.

— Ло, мы с твоим отцом взрослые люди, мы сами разберёмся... К тому же я уже обещала Валее, что не обижу его.

Ло усмехнулся.

— Ло, готовься. Расчётное время.

Мы отстегнули ремни и встали в полный рост. Впрочем, это я в полный, Ло высоты не хватило.

Дальше всё, как по учебнику. Ло прицепил карабин от своей сбруи к кольцу на моей — это на тот случай, если канал всё-таки захочет нас раскидать в разные стороны. Я нажала кнопку на панели, и левая дверь вагонетки лязгнула, вылетела из креплений петель, и через секунду её вырвало из проёма и унесло в пространство канала. Я крепко обхватила Ло за талию. Он обнял меня покалеченной рукой, а левой ладонью прикрыл мой затылок, защищая от возможных травм. И мы шагнули в открытый дверной проём.

* * *

Никогда не надо слушать сопливую молодёжь. Даже если эта молодёжь, как утверждают, способна заткнуть меня за пояс. Вот когда заткнёт, тогда и послушаю. А пока сказано было: нельзя прыгать вместе, расшибёмся. Нет, у него же огонь в глазах! Огонь тот превратился в искры, когда мы вывалились в слой и шмякнулись оземь.

Песок был где-то рядом, метрах в пятидесяти, но мы до него, к сожалению, не долетели. Впрочем, не сильно-то помог бы нам песок. Когда два тела вываливаются в слой в жёсткой связке, мало того, что ты крепко падаешь на землю, но на тебя ещё падает напарник. Или ты на него. В данном случае не повезло мне. Длинный и худой Ло оказался весьма тяжёлым. Но надо отдать ему должное, оберегал он меня во время прыжка вполне профессионально, поэтому голова моя осталась цела. Только кружилась и гудела. И не сосчитать, сколько у меня уже этих сотрясений, их количество давно должно было перейти в какое-нибудь неприятное качество.

Время мы действительно немного сэкономили. Вместо того, чтобы заниматься ориентированием на местности и искать точку встречи, Ло снова привёл меня в свой дом, где я гостила у него и Насти.

В доме ничего не изменилось, только камин давно никто не разжигал, и всё вокруг

источало мертвенный холод. Да во дворе, в укромном уголке был насыпан невысокий свежий могильный холмик. На нём не было ни религиозных символов, ни даже надгробного камня. Только засохшая охапка полевых цветов.

Ло порылся в кладовке, вынул широкую длинную зелёную юбку из грубой шерстяной ткани, вязаную кофту на трёх больших деревянных пуговицах, тёплый платок.

— Мне всё это велико, — заметила я, когда он разложил одежду на кровати.

«надень всё поверх, подол я обрежу»

— Ну, ты и стилист, — фыркнула я. — Я стану неповоротливой и неуклюжей.

Ло равнодушно пожал плечами.

Конечно, снимать брюки и куртку и надевать вместо них Настины вещи мне совсем не хотелось. Не потому даже что вещи чужие, а потому что я такое носить не умела, и одного внимательного взгляда на меня было бы достаточно, чтобы понять, что я надела такое впервые, и вообще я не от мира сего.

— Ло, а, может быть, и не надо переодеваться? Будем как бы залётными.

«они своих в лицо знают, я уверен»

— Хорошо. Выйди.

Ло вышел во двор.

Я переделалась. Кофта была ещё ничего, висела, конечно, мешком, но хоть ходить не мешала. А от юбки почти двадцать сантиметров стелились по полу.

Я доковыляла до двери и махнула рукой Ло, который уже успел натянуть на себя грубые залатанные со всех сторон штаны и очень похожую на мою вязаную куртку, только на двух пуговицах.

Ло присел около меня и, прижимая культией ткань к полу, обрезал ножом подол так, чтобы он закрывал мои ботинки.

— Слушай, Ло, а откуда здесь всё вот это берётся? Одежда, утварь, инструменты?

Ло пожал плечами.

— Не могут же всё это залётные сюда приносить? Они тогда приносили бы что-то более современное. А это хоть и не ветхое, но будто при царе Горохе сделано.

Ло ещё раз пожал плечами и развёл руками. Похоже, этот вопрос его раньше не занимал.

«пойдём. снаряжение и гаджеты придётся оставить тут»

— А если у нас не получится заглянуть сюда перед тем, как мы соберёмся возвращаться?

«это будет меньшей проблемой, чем если нас поймают с телефоном в кармане»

«ничего страшного, буду писать на земле. или прямо в воздухе»

Ло выключил телефон.

Мы положили свои рюкзаки в тёмный угол за входной дверью и вышли.

За то время, пока я переодевалась в одиночестве, на могильном холмике появилась свежая охапка неприметных полевых цветов.

* * *

Ло сунул мне в руку горячую серую лепёшку, свёрнутую фунтиком. Изнутри фунтика пахло картофельным пюре и немножко мясом.

— Это местный фаст-фуд?

Ло кивнул.

— А себе?

Ло с улыбкой шлёпнул себя по животу.

— Ты уже? А, ну ладно.

Я принялась за еду. То ли с голодухи — всё-таки мы не ели уже часов пятнадцать — то ли действительно еда оказалась съедобной, но я давно не получала от горячего хлеба с картошкой такого неземного удовольствия.

Мы сидели на городской базарной площади. Народу вокруг было... ну, наверное, по местным меркам просто море. Но день был явно не базарный, потому что продавцов было всё-таки больше, чем покупателей. Торговали овощами, одеждой, деревянной посудой. И вот даже готовой едой.

— А чем ты платил? — заинтересовалась я.

Ло пошарил в кармане и вынул монету. Она была большая, сантиметров пять в диаметре, толстая и ровная, словно сделана не на кустарном монетном дворе, а на современном станке. Но самым удивительным было не это. На одной стороне монеты была отчеканена крупная выпуклая цифра «три», а на другой красовался Медный всадник, тот самый, с Сенатской площади. Ну ладно, человек на коне — стандартная тема для размещения на деньгах. Но тут был барельеф, который человек, выросший в Питере, ни с чем не перепутает.

— А ещё монеты бывают, другого достоинства?

Ло вынул из кармана ещё две монеты. Одна чуть поменьше, с выпуклой единицей, на оборотной стороне — кораблик со шпиля Адмиралтейства. Вторая была ещё крупнее, целая медаль, а не монета. Достоинство было обозначено цифрой «пять», а орлом служил ангел с Петропавловки.

— Ты знаешь, что это? — я перевернула все три монеты на ладони картинками вверх.

Ло отрицательно тряхнул головой.

— Плохо ты в школе учился. Это всё достопримечательности Питера. Странно, что тебе Настя не объяснила. Ты хоть что такое Питер знаешь?

Ло нехотя кивнул.

— Понимаешь, что всё это значит? — я встряхнула монеты в руке и отдала их Ло обратно.

Он слегка скривился. Не, не понимает. Молодой ещё.

— Вечность бы ещё не было тут никакой экономики, даже средневековой. Всё тут изначально с изнанки притащено, даже вот эти смешные деньги. Видимо, несколько автоматов для чеканки сувенирных монет сюда приволокли. Или возят этот мусор сюда мешками.

Ло прищурился и кивнул в сторону группы мужчин в камуфляжных костюмах, которые активно покупали лепёшки с картошкой.

— Да, я помню, что ты говорил. Они здесь всем заправляют. Видимо, даже больше, чем всем. Они сделали этот мир под себя, примитивно, только самое необходимое. И не мешает им тут никто, никаких внешних посягательств. Вороти, что в голову взбрёт. Не скрываются вообще, значит, хозяева. И бояться им некого.

Ло кивнул.

— Ты запоминай, что я тут говорю. Раз уж нечем всё это сфотографировать,

рассказывать будем. Кто домой доберётся, тот и расскажет.

Ло схватил меня за руку с тревогой в глазах.

— Я на всякий случай! — буркнула я, вырывая руку.

Парнишка продолжал смотреть на меня с возмущением.

— Илай, ты же понимаешь, никаких гарантий нет. Иначе не посулили бы нам с тобой двойной максимальной тариф.

Он нахмурился. Тоже, что ли, в дурные приметы верит?

— Давай так, Ло... Ты сейчас возьми себе ещё еды и сиди здесь тихонько. Я по улицам пройду.

Ло напрягся и черкнул пальцем по воздуху: «вместе».

— Не дури. Нельзя тебе себя показывать. Думаешь, те, кто тебя полтора года отлавливал, так просто о тебе забыли? Сиди здесь, руку свою постарайся не светить. И никуда не уходи, чтобы я тебя здесь нашла. Всё ясно?

Ло сверкнул глазами, но послушно кивнул.

Я встала и пошла через ряды торговцев прочь с площади. Улиц в так называемом городе было, кажется, всего две: вдоль да поперёк. Домишки очень походили на лесной домик Насти. Они построены были из небольших камней, переложенных каким-то светлым раствором, с очень маленькими окошечками, затянутыми каким-то не особо прозрачным материалом. Около домов иногда попадались люди, одетые так же убого, как я. Они занимались какими-то своими нехитрыми делами и, один раз на меня взглянув, больше в мою сторону не смотрели, видимо, мой маскарад удался.

В самом конце улицы стоял дом, резко отличающийся от всех прочих.

Во-первых, размерами. Он был хоть и одноэтажный, но очень большой. Большой длинный каменный барак с пологой двускатной крышей.

Во-вторых, в окнах этого барака были стёкла. Непрактичные оконные переплёты со множеством небольших по площади стеклянных вставок.

В-третьих, у входной двери на деревянном чурбане сидел бритый наголо полусонный парень, по виду типичный головорез, в камуфляжных штанах и чёрной футболке с волчьей головой. Он лениво играл во что-то на старинном устройстве, а между его колен дулом вверх стоял короткий вполне современный автомат.

Я замедлила шаги, пытаюсь понять, что за назначение у этого барака. Парень у входа поднял голову, оторвался от своей игрушки, набычился на меня и всё так же лениво, как играл, несколько раз махнул мне рукой с характерным жестом «выметайся!».

Чтобы не дразнить гусей, я развернулась и побрела обратно к рыночной площади, думая с облегчением, как хорошо, что меня опять сочли за нерадивую местную дурочку.

И тут на моё плечо легла тяжёлая рука.

— Привет, подруга! — раздался сверху знакомый хриловатый голос. — Соскучилась по мне, что ли? Позавчера же виделись вроде.

Елисей стоял рядом и насмешливо смотрел на меня сверху вниз. Я вздохнула и опустила голову.

— Ну что, попалась? — спросил он уже без насмешки. — Ну, пошли.

Я рванулась в сторону, но Елисей держал крепко.

— Я тебя не приглашал, но уж если сама явилась, то делай, что говорят. Ты не представляешь, как дёшево здесь ценится жизнь гатрийца.

Держа меня за плечи, Лис повёл меня в дом, но не с парадного крыльца, а завёл далеко

вглубь двора, там открыл боковую дверь, втолкнул меня внутрь и закрыл дверь наглухо. Я услышала, как в замке лязгает ключ.

— Вот тебе номер со всеми удобствами, — проговорил Лис снаружи. — Посиди, отдохни. Будет у меня время — побеседуем.

Его шаги зашуршали по мелким камешкам и затихли.

Я попыталась рассмотреть, куда попала. Когда глаза полностью привыкли к полумраку, я увидела уже знакомую картину. Крошечное окошко под потолком. У стены — копна слежавшейся грязной соломы. С одной стороны от входа стояло ведро с водой, и валялась помятая кружка. С другой — ещё ведро, из которого воняло выгребной ямой.

Бритоголовый в футболке с волком провёл меня по коридору, постучал в одну из дверей, открыл её и мотнул подбородком: «Заходи!».

Я шагнула через порог, и дверь позади меня захлопнулась.

Комната освещалась двумя внушительными армейскими фонарями, которые висели в углах. Они испускали бело-голубой свет, от которого меня сразу же стало слегка подташнивать. А, возможно, и не от света, а от голода. В чулане на соломе я просидела никак не меньше суток, а, скорее всего, и больше, потому что посадили меня под замок уже под вечер, а сейчас была тёмная ночь.

Комната напоминала деревенскую избу. Только что без вышитых рушников, а так очень похоже. Странное маленькое окно, деревянный стол и лавки. Буржуйка, в которой весело плясал огонь, а сверху на конфорке стоял большой эмалированный чайник с вишенками. Перегорожена комната была цветастой занавеской.

В комнате витали клубы табачного дыма. Елисей сидел на лавке и неторопливо курил. Когда я вошла, он указал на лавку с другой стороны стола:

— Садись.

Пока я усаживалась, Лис встал, снял с огня кипящий чайник и наполнил большую кружку.

— Замёрзла?

Я ничего не ответила. У меня не то что зуб на зуб не попадал, у меня все внутренности заледенели. Температура в комнате после холода в чулане казалась африканским зноем.

Лис поставил передо мной кружку с чаем.

— Пей, отогревайся.

Я положила ладони на кружку, и прошло несколько секунд, прежде чем я почувствовала, насколько она обжигающая.

— У нас нет камеры с отоплением, уж извини, — усмехнулся Лис.

— Съедобное что-нибудь есть?

— На пленников не готовили.

— Что, и лепёшки лишней нету?

— Нету, — отрезал Лис.

И я, дура, ещё этого мерзавца защищать пыталась... Сглотнув слёзы, я принялась потихоньку отпивать пустой чай. Спасибо, он хотя бы оказался крепкий. Чтобы не резал глаза гадкий свет, я просто зажмурилась.

— Не выспалась? — сочувственно уточнил Лис.

— Свет у тебя неприятный.

— Ну, что поделать, здесь условия полевые, походные. Всё лучше так, чем лучину жечь... Курить хочешь?

— Гатрийские есть?

— Апрель, я тебе сто раз говорил, я этого дерьма не держу, — покривился Лис и протянул мне вскрытую пачку «Данхилла».

Я взяла сигарету, прикурила от галантно подсунутой Лисом зажигалки.

— Ну, что там у вас, совсем плохо, если Шокер за мной девчонок посылает? — спросил он, затянувшись и выпустив кольца в потолок.

— Любишь ты себя, Лис, — усмехнулась я. — О тебе вообще речь не шла. Никто и не предполагал, что ты можешь оказаться здесь... Интересно, кто ж тебя сюда провёл? Чародей какой-нибудь? Мне говорили, что не бывает таких проводников, которые способны прицельно выскочить из канала в слой с живым грузом и не принести на место мешок с костями.

— Да-а-а-а, — не то удивлённо, не то презрительно протянул Лис. — Как всё запущено-то. Какой, к едрёной воши, Шокер сыскарь?

— А что?

— Да ничего. Я думал, он сразу за моё досье схватится и всё поймёт.

— Он твоё досье наизусть знает.

— Оно и видно. Там на первой странице написано, среди прочего, что индекс собственного поля — ноль целых восемь десятых. И дата и место измерения.

— И?

Лис тяжело вздохнул и уныло улыбнулся:

— А то, что индекс был измерен при оформлении первого контракта, в Выборге. И проводил его информатик группы местных ловцов, — проговорил он, презрительно морщась. — И если бы у Шокера в голове была не труха, он сделал бы запрос о том, кто был тем информатиком. И узнал бы, что это была Лялька. И мог бы предположить, что результат измерения, помещённый в досье, недостоверен. Но Шокер что-то совсем меня разочаровал. Чем он там вообще занят?

— То есть, ты курьер? А, может быть, и проводник?

— А, может быть, и нечто большее, — усмехнулся Лис.

— То есть?

— Вот ты, например, и брат твой с микроволновками не в ладах. Верно?

— Ну, да. Это часто встречается у сильных проводников.

Лис озорно улыбнулся:

— Вот, когда поломаешь очередную микроволновку, обращай ко мне.

— Я знаю, ты всякую технику чинишь с закрытыми глазами.

— Чиню. Иногда. А иногда могу просто заменить... Вот чай в жестяной кружке быстро остывает, верно? Только что ты обжигалась, а уже, наверное, совсем холодный?

— Не то, чтобы холодный, но остыл, да.

Лис поднёс к моей кружке ладони, но самой кружки не коснулся. Постоял так секунд десять. Чай в кружке заволновался, стал парить, заклокотал и вскипел.

— Ни фиги ж себе... — только и смогла сказать я. — А по воде не ходишь?

— Не было необходимости, — отозвался Лис и снова широко улыбнулся. — Шучу. А проводников, которые могут протащить живой груз в конкретный слой, действительно нет.

— Ну, что тебе сказать на это? Рада за тебя... А кто тогда тебя летать учил?

— А что, думаешь, кроме гатрийцев, никто научить не может? На изнанке учился, при нашей структуре. Бывший проводник-наёмник, старый хрыч-алкаш не хуже всех ваших хвалёных курсов научил. — засмеялся Лис, а потом спросил серьёзно. — Зачем ты здесь?

— Да ни зачем. Канал был грязный, вывалилась в слой. Ищу дорогу назад.

Лис скривился и разочарованно цыкнул зубом:

— Не, тут такое не покатит.

— Это что, не может быть правдой?

— Почему? Может, — согласился Лис. — Может, за правду и сойдёт, хотя я-то знаю,

что врѣшь. Но здесь не позволяют вернуться тем, кто видел и понял, что здесь происходит.

— Что это значит?

— Это значит, что тебя убьют, — пояснил Лис совершенно спокойно.

— Ничего такого нового, что было бы неизвестно раньше, я тут не увидела.

Терракотовые и так знают, что в этом слое перевалочная база залётных с изнанки. Что вы стащили импульсные генераторы и попортили почти все каналы. Что большинство здесь — обычные наёмники на действующих контрактах...

Лис вкусно затянулся и выпустил дым практически мне в лицо.

— Если терракотовые это знают, зачем они тебя сюда послали?

— Никто меня не посылал. Я просто попала в грязный канал, который, скорее всего, вы, сволочи, и испортили, — с вызовом повторила я свою байку.

— Врѣшь, — снова улыбнулся Лис.

— Ага, вру... Лис, ты знаешь Шокера. Ты знаешь моего брата. Знаешь, как они надс мной трясутся. Да они бы костями легли, но не допустили бы того, чтобы кто-то меня сюда послал.

— Угу. Но я и тебя знаю. Они могут ложиться костями, сколько угодно, но им не остановить тебя, если ты не хочешь, чтобы тебя останавливали, — нараспев проговорил Лис, продолжая улыбаться.

Потом привстал и резко ударил ладонью по столу прямо у меня перед носом, аж кружка подпрыгнула. Да и я тоже.

— Врѣшь, — ласково повторил Лис и ещё раз врезал по столу.

— Вот мужичье... — пробормотала я. — Тестостерон вместо мозгов. Только бы по столам дубасить...

— Ты что, предпочитаешь, чтобы я вместо стола тебе по морде дал? — у Лиса запрыгал подбородок, а глаза сузились. — Думаешь, я простил тебе Ляльку?

— А, так это великая месть настоящего мужчины?

— Была бы месть, тебя бы ещё вчера в лесочке закопали, — процедил Лис.

Он снова сел, торопливо достал ещё сигарету и несколько минут, свесив голову, жадно курил, не обращая на меня внимания.

— Елисей, а что вам надо?

— Что? — он вскинул голову.

— Что вам надо, спрашиваю? Что вы хотите? Зачем каналы уничтожаете?

— Слишком много каналов у Гатрийской империи. Слишком борзо они хозяйничают на чужой земле. Пришло время поделиться и восстановить историческую справедливость.

— С какой такой стати гатрийцы должны делиться каналами с изнанкой?

Лис усмехнулся:

— С такой, что это вообще-то наши каналы. Только гатрийцы за давностью тысячелетий предпочли об этом забыть.

— Лис, ты здоров? — удивилась я. Большого бреда трудно было представить.

— Вот ты у нас отличница. Училась, наверное, на курьерских курсах старательно. Тогда скажи мне, Апрель, кто построил систему каналов?

— Гатрийцы.

— А почему их измерение называется поверхностью, а наше — изнанкой?

— Потому что гатрийцы первыми преодолели слои и вышли на изнанку.

— Как они это сделали? — ласково улыбнулся Лис.

— В каком смысле «как»?

— Как преодолел слои первый гатриец, проникший на изнанку? Когда это, кстати, произошло?

— В четвёртом или третьем веке до рождества Христова, по летоисчислению изнанки. Предположительно.

— Отлично, — кивнул Лис. — Ну и как гатрийский первопроходец проник на изнанку? Две с половиной тысячи лет назад? Сел в метро в Йери? Ах, нет. Тогда не было в Йери метро, правда? Да и двухсторонних баз на горизонтальных каналах ещё не было. Где же он стартовал и куда прилетел, этот первопроходец? И на чём разогнался до критической скорости, верхом на метле?

Я старалась понять, к какой мысли он хочет меня подвести, а когда поняла, то Лис, увидев мою физиономию, от души расхохотался:

— Вот так, Апрель! А всего-то надо просто подумать головой. На изнанку сейчас можно попасть только по горизонтальному каналу. Для этого нужно техническое оснащение, причём сразу с двух сторон, то есть базы и силовые установки. Для строительства баз нужны точные карты. Значит, гатриец, открывший изнанку, не мог воспользоваться горизонтальным каналом. А вертикальных каналов в направлении изнанки не существует. Значит, возможны два варианта. Первый: когда-то существовали вертикальные каналы, ведущие с поверхности на изнанку, но со временем про них таинственным образом забыли. Второй: тот, кто прошёл через слои и вышел в соседнее измерение, мог сделать это только по вертикальному каналу и только с изнанки на поверхность, а не наоборот. Не имея доказательств первого варианта, мы предпочитаем опираться на второй.

— Вы — это кто?

— Те, кто в теме, — пожал плечами Лис. — И мы считаем, что пора восстановить паритет, который, наверняка, когда-то существовал, но был разрушен по каким-то причинам, которые если и известны сейчас, то немногим.

— Но уничтожая рабочие каналы, вы отбираете их у всех, и у себя тоже!

— Не волнуйся, мы оставим несколько штук, — опять засмеялся Лис. — И этих нескольких штук нам хватит. Гатрийской империи и прочим государствам поверхности придётся с нами считаться, потому что базы на нашей стороне будут контролироваться нами, а не вами. А потом, когда мы пустим в ход искателей, новые каналы будут принадлежать нам, а старые будут окончательно уничтожены. И гатрийцам придётся признать наше превосходство и подчиниться. Во всём и полностью.

— И много у вас искателей?

— Военная тайна, — ощерился Лис, а потом стал очень серьёзным. — Теперь ты понимаешь, что чужие глаза, тем более гатрийские, нам здесь не нужны. Поэтому, подруга, я тебя и не кормлю. Что зря продукты переводить?

Очень хотелось заплакать. Я не верила в то, что Лис способен причинить мне что-то дурное. Но то, что он меня так злобно дразнит и подначивает, отнимало последние силы. А сил и так уже не осталось.

— Я тебя своим другом считала, — проговорила я с трудом. — Ло не поверила, с Шокером спорила... Дура. Вот дура-то. Поделом...

Я бросила окурки в баночку на столе, опустила голову и закрыла глаза.

— Ты знаешь, что самое трудное в жизни под прикрытием? — спросил Лис с горечью.

— Мне наплевать, — отозвалась я.

— Чтобы выполнить задачу, надо сначала вжиться в окружение, завоевать доверие людей, стать таким, как они, жить их жизнью. Надо забыть, кто ты и кем ты был. А в нужный момент надо вспомнить, ради чего ты всё это делаешь. К этому времени обычно ты уже другой человек, у тебя есть друзья, семья, привязанности. И для того, чтобы сделать то, что от тебя ждут, ты должен растоптать всё личное, выбросить, должен через всех нынешних переступить. Не сможешь — грош тебе цена, ты провалишь задание, подведёшь своих, тех, кто на тебя надеется.

Я подняла голову и взглянула на Елисея. Он смотрел на меня угрюмо, но уверенно.

— Ура тебе, Елисей Звягин, ты смог. Родина тобой гордится.

— Не смешно, — покачал головой Лис.

— Мне так точно не смешно. Мне больно.

— Я не предавал вас, Апрель, вы ведь не были своими. Вы все были моим окружением, рабочими обстоятельствами. Мне было поручено добыть искателя. У начальства на изнанке давно уже есть точные данные о способностях Илая Клайара. Поэтому я столько лет был с Шокером, чтобы подобраться к его сыну как раз к тому моменту, когда он вырастет и войдёт в силу... Я делал то, что должен был делать. Я выполнял своё задание.

— Мы тебе верили.

— Я знаю. Зря ты думаешь, что мне легко.

— Ах ты, бедняжка!

— Знаешь, закрой-ка рот и не зли меня! — сурово буркнул он.

— А Лали?

— А что с ней? — злобно прищурился Лис.

— Она знала про тебя? Раз она тебе помогала — она знала?

— А ей не надо было знать, чтобы мне помогать. Я вначале её просто попросил минимальный индекс написать в досье, сказал, мол, не хочу учиться на курьера, староват. Она тогда была в меня влюблена и уступила.

— Влюблена?! Ты говорил, она никогда не была твоей.

— Говорил. Я много чего говорил. Что надо было сказать, то и говорил... Ну а потом она просто молчала и подчинялась. Знала, что иначе её начальство на поверхности узнает о её подлоге, и она всё потеряет.

— Сволочь ты.

Он усмехнулся и пожал плечами.

— А как же Шокер? Лали и Шокер? Ты её под Шокера подложил?

— Да какая теперь разница?

— Лис, мне надо это знать!

Он взглянул на меня.

— Что тебе надо знать? — раздражённо уточнил он. — А главное — зачем? Нету больше Ляльки, нет и проблемы у тебя.

— Но она ведь любила его?

— К сожалению, — выдавил Лис и злобно сжал губы. — Тут я в проигрыше оказался, это верно... Хотя, в целом удачный был ход. Шокер клюнул. Ещё бы, на Ляльку-то не клюнуть.... Ну и мы так плотно и долго держались вместе одной группой именно потому, что Лали ублажала командира. Что и требовалось.

— Вот почему ты был с ней так мерзко груб — потому что вы с ней до Шокера были вместе.

— И до Шокера, и во время Шокера, — огрызнулся Лис. — Шокер частенько отсутствовал... Так что чей там у Шокера пацанёнок, его или мой, это ещё вопрос.

— Зачем же ты так с ними?!

Лис усмехнулся и отвернулся от меня.

— Скай всё это знал?

— Скай ничего не знал, — грустно сказал Лис, глядя в сторону. — Нет и не было на свете более наивной и чистой души, чем Скай. Не будет у меня никогда больше такого друга.

Ох, Лали, Лали... И правда, да где ж были твои мозги? Всего-то и надо было — рассказать всё Шокеру. Он бы всё уладил, помог, и Лиса бы... или прибил, или сдал бы, куда следует. И не было бы всего этого ужаса. Бедная зашуганная, затравленная девочка, живущая в постоянном страхе. Зашуганная до такой степени, что не только любимому мужчине, но и близнецу своему пожаловаться не могла. Как же тут крыша не поедет!

— Это ты рассказал Лали, куда меня с ребёнком отправили. Верно?

— Мой грех, мне с ним жить... — тихо отозвался Лис. — И вот что, ещё хоть один вопрос на эту тему, я тебя своими руками убью.

Я попыталась выкинуть из головы мысли о Лали и немножко подумать о себе. Обнаружила, что я нисколько не согрелась. Несмотря на пламя в буржуйке, я уже не чувствовала, что комната протоплена. Меня трясло в ознобе. То ли от голода, то ли от травмы при приземлении в слое очень болела и кружилась голова, и временами накатывала мучительная тошнота.

— Ладно, Лис. Если ты не собираешься убивать меня прямо сейчас, оставь меня в покое. Мне очень плохо, я устала.

— Егор! — рявкнул Лис.

Через несколько секунд в комнату заглянул бритоголовый.

— Отведи обратно, запри, — скомандовал Лис и махнул мне. — Иди, отдыхай, раз устала.

Егор мотнул головой, показывая, чтобы я выходила из комнаты. Но тут в коридоре раздался топот, окрики, и Егор отступил от двери и посторонился.

Двое таких же боевиков в камуфляже втащили в комнату упирающегося Ло.

— Пытался проникнуть в дом со стороны кладовой, — сообщил один из парней.

— Отлично, оставьте его. Свободны! — Лис вскочил. — Егор, обожди, побудь снаружи.

Дверь закрылась, мы остались в комнате втроём.

— Ты спрашивала, сколько у нас искателей, — весело сказал Лис, потирая руки. — Как видишь, уже на одного стало больше... Я ещё в прошлый раз понял, что сообразительность и осторожность — не самые сильные его стороны, но это у него семейное, весь в папашу...

Ло рванулся к Лису и получил сильнейший удар в живот, согнулся и упал, как подкошенный. Я вскочила и, путаясь в ногах, подбежала к Ло, обняла его.

— Лис, ты совсем умом тронулся? Ты что творишь?!

— Ничего, жить будет. Я его не убью, не волнуйся. Уж кого-кого не убью, так это вот его. Очень уж он нам нужен. В отличие от тебя.

Ло очнулся, застонал, с трудом разогнувшись, посмотрел сначала на меня, потом с ненавистью на Лиса.

— А вот глазами есть меня не стоит, — фыркнул Лис. — Тебе, проводник Сайленс, будет предложен очень выгодный контракт. Ещё спасибо скажешь. Ну, когда поумнеешь, разумеется.

Ло поднял кулак и показал Лису оттопыренный средний палец.

— А знаешь, — спокойно сказал Лис. — Я слышал, будто искателям для дела руки вообще без надобности. У тебя эта последняя, похоже, точно лишняя.

— Ло, я прошу тебя, не нарывайся! — завопила я в ужасе.

— Ты послушай свою мачеху, послушай, — назидательно вставил Лис. — Она дело говорит.

Ло попытался рвануться из моих объятий, но я вцепилась в него, перепуганная до полуобморочного состояния.

— Ло, пожалуйста! Не надо! Успокойся! — кажется, я заплакала.

Ло перевёл дыхание, растерянно улыбнулся мне, погладил меня по плечу.

— Очень трогательная картина, — заметил Лис. — Сейчас и меня проберёт. Ну, ладно, на сегодня, пожалуй, достаточно. Егор!

Егор заглянул в комнату.

— Вот сначала этого молодца определи на ночлег.

— Куда? — хмуро уточнил бритоголовый.

— Куда хочешь. Где свободно, туда и запрети. И головой за него отвечаешь!

Егор ловко скрутил Ло и поволок в коридор. Я осталась сидеть на полу.

В дверях бритоголовый разминулся с высоким мужчиной, который ввалился в комнату и заговорил с сильным гатрийским акцентом:

— Ты когда-нибудь спишь, Елисей?

— Рад бы. Дела не дают! — Лис повернулся к вошедшему и протянул руку. — Здорово, приятель!

Я попыталась разглядеть их, но вся картинка расплывалась перед глазами, и я просто бессильно свесила голову. Я сидела и смотрела на две пары мужских ботинок, стоящих передо мной, и к горлу снова подступила тошнота.

— С местными красотками развлекаешься? — засмеялся пришедший.

— Это не местная. Это засланка из ваших.

— Да-а-а? — с интересом протянул гость. — Значит, допрос с пристрастием?

— Какое пристрастие, я к женщинам силу не применяю, — фыркнул Лис. — У меня другие методы.

— А что ты тогда с ней сделал? Она же помрёт сейчас.

— Не помрёт, — возразил Лис. — Ты даже не представляешь, насколько это живучий экземпляр.

Мужчина присел на корточки. Мы с ним уставились друг на друга.

Он кучеряво выругался, а я пыталась понять, кого вижу перед собой.

— Та-а-ак, — протянул он со вздохом. — Елисей, какого чёрта?! Ты думаешь, что делаешь?.. Кира, ну-ка, вставай!

Он просунул руки мне под мышки и рывком поднял на ноги. Ноги тут же подкосились, и я рухнула обратно на пол.

— Кира?! Ничего себе жар... А ну, иди сюда, держись за меня.

Он ещё раз попытался поставить меня на ноги. Я вцепилась в его одежду и повисла на его руках.

— Оставь её. Тоже мне, красный крест... — сказал Лис. — Её надо вернуть в камеру, и выпьем спокойно.

— Всё, никаких камер. Я забираю её к себе, — отрезал мужчина, знавший моё имя.

Он легко поднял меня на руки и понёс в коридор. Я смотрела в потолок, расплывающийся надо мной.

— Кира, ты слышишь меня? — спросил голос на гатри.

— Ты кто?

— О, плохо дело... Это Файр, Кира. Файр Альдон. Помнишь такого?

— Нет, — честно призналась я и потеряла сознание.

* * *

— Кира, ты спишь?

Таким образом Альдон проверял, в сознании я или нет. Если я не отвечала, а иногда на это просто не было сил, то он слегка трепал меня и даже пощипывал, проверяя реакции.

В этот раз я его слышала, и чтобы он лишний раз меня не касался, я нашла в себе силы хотя бы поморщиться.

— Отлично. Кира, тебе надо кое-что выпить.

Я почувствовала, как большая подушка под моей спиной начинает шевелиться и немного поднимается, а в губы утыкается край чашки.

— Это не очень горячо. Можешь сразу глотать. Давай.

Вот всю жизнь мечтала поваляться пластом, и чтобы обо мне заботился любящий мужчина. Но когда мечта не простая, а составная, её части, если и сбываются, то не вместе, а в лучшем случае по очереди, отчего весь кайф рассеивается, и получается какая-нибудь мучительная нелепость.

У меня пока сбылось насчёт валяться пластом. Всему виной были сутки, которые я провела в ледяном чулане. Слишком сильное переохлаждение, простудилась. Мне случалось тяжело болеть, и в детстве, и потом, и температура иногда бывала очень высокая, но никогда мне при этом не было так безнадежно плохо. В те короткие промежутки времени, когда я выходила из забытья, меня трясло от озноба. Мысли ускользали, сосредоточиться было трудно, зрение подводило, и видимо поэтому я плохо соображала, где я, кто я, и кто вокруг меня. Временами я чувствовала, как покрываюсь потом, как он стекает по мне, и после этого ненадолго становилось полегче, и тогда я начинала вспоминать и понимать, что происходит. В эти минуты я узнавала Альдона, который все эти дни держал меня в своей комнатке и не разрешал никому приближаться ко мне. Сиделка из него была, прямо скажем, неумелая, но понимала я это только тогда, когда лихорадка отступала. Тогда мне становилось неловко и даже противно, что Альдон меня трогает, обтирает, меняет подстилки на постели. Я долго вспоминала историю моих взаимоотношений с Альдоном, а когда всё-таки с трудом вспомнила, стало только хуже. Чтобы как-то примириться с моим положением, я попыталась вспоминать своего кудрявого принца, который спас мне жизнь в гиблом слое. Будто бы это он помогает мне и сражается за меня со смертью... Нехорошо это, наверное, но так мне было легче.

— Давай-давай, выпей хоть немножко.

Из чашки приятно пахло малиной. Я разлепила губы, потянула жидкость. Что-то действительно малиновое, очень сладкий отвар. Но больше, чем на три глотка, меня всё равно не хватило.

— Хорошо, умница.

Подушка опустилась вместе со мной.

Питьё немного взбодрило меня. Я сосредоточилась на том, что происходило вокруг, слышала шаги Альдона по комнате и его дыхание, звяканье посуды. Открывать глаза было лень, но голосовые связки не бастовали.

— Файр, сколько дней я здесь?

— Шестой уже пошёл, — ответил он и подошёл к постели.

Шестой. Итого восьмой день, как мы с Ло вылетели с базы. Значит, дома уже давно поняли, что мы влипли, что что-то случилось.

— Когда эта ерунда со мной закончится?

Файр вздохнул:

— Похоже, у тебя пневмония. У этих головорезов ни врача, ни антибиотиков, только йод и пластыри. Говорят, у них все здоровяки, никто не болеет... Так что пройдёт, когда само пройдёт. Вот, малины сушёной на местном рынке достал. Может быть, жар чаще спадать будет. Ты только пей побольше. Давай ещё, а?

Я открыла глаза. В комнате топилась массивная чугунная печка на ножках. Свет давал вертикально закреплённый на полочке фонарь. Помещение совсем маленькое, кроме кровати и печки был ещё то ли ящик, то ли сундук в самом углу, а больше ничего бы и не разместить. Даже посуда теснилась на подоконнике.

Файр стоял надо мной в брюках и майке. В руке он держал чашку.

— Что, так жарко? — уточнила я, глядя на его голые плечи с опаской.

— Да, здесь тепло. Но когда у тебя температура сильно поднимается, тебе кажется, что вокруг холодно. Ну что, глотнёшь ещё?

— Ладно, давай.

Он приподнял меня вместе с подушкой, и я сделала ещё несколько глотков.

— Файр, ты здесь зачем?

Он не стал делать вид, что не понял вопроса. Усмехнулся, пожал плечами:

— Ну, как тебе попроще объяснить... Каждый выживает, как может. Вот это, наверное, будет самый точный ответ.

Он отставил чашку на подоконник.

— Ты ведь знаешь, что здесь? И кто все эти ребята? И чего они добиваются?

— Знаю, — кивнул Альдон.

— Они-то ладно. Они за свой интерес играют. Но ты же терракотовый! Ты же должен защищать империю от таких... Ты же гатрийский аристократ, наконец! Как можно выжить, став предателем, ты о чём вообще?! Кому ты нужен теперь? Тебя проклянут и те, и эти, и сдохнешь ни за что, дурак...

Альдон коротко вздохнул.

— Они не прочь заполучить союзников из числа знатных гатрийцев. Так всегда делают, когда готовятся к большой войне. Конечно, я жив только, пока я им нужен, — усмехнулся Альдон. — Но такой, как я, может долго быть нужным.

— Да-а-а, лорд Альдон... Меня родные ругают, говорят, я слишком хорошо думаю о людях. Похоже, они правы.

— Что ж так?

— Да, вот так. После того, как ты меня в Норвегию отправил мне показалось... вопреки всякому здравому смыслу показалось... Подумала, надо же, человек, пытавшийся изнасиловать женщину, в других ситуациях, оказывается, может быть на высоте. Но, видимо,

нельзя быть слегка мерзавцем.

— Видимо, нельзя, — согласился Файр. — Глотни ещё немного.

— Не буду.

— Не примешь больше из рук предателя? — рассмеялся Альдон.

— Просто меня опять мутит. Отключусь сейчас...

Голову закрутило, дышать стало тяжелее. Я закрыла глаза, замолчала, стараясь даже веками не шевелить. Через некоторое время я почувствовала прикосновение к лицу ледяной влаги. Запахло спиртом. Потом одеяло куда-то делось, и ледяная мокрая тряпица принялась ползать по моему телу вверх-вниз, и казалось, что она меня обжигает, и мне хотелось кричать от боли, но даже на это не было сил.

Процедура принесла небольшое облегчение. После растирания Альдон укутал меня, пот полился ручьями, и жар спал.

— Почему ты со мной нянчишься? — спросила я через некоторое время, когда поняла, что в состоянии говорить. — За тот случай мы поквитались, разве нет?

— На будущее задел готовлю, — усмехнулся он.

— Собираешься сделать мне какую-нибудь гадость?

— Нет, просто я хочу тебя попросить кое о чём. Ты ведь выполнишь мою просьбу?

— Смотря какую.

— Похоже, ты права, и мне из этой истории живым всё равно не выбраться. А у меня семья осталась в Норвегии, я всё тянул с их возвращением, думал сначала, вот статус свой восстановлю при новом начальстве... А когда понял, что не вышло и не выйдет, стал хоть как-то пристраиваться... Оказался здесь. А жена с детьми там. Отношение к гатрийским поселенцам на изнанке теперь изменилось, они там сидят без надёжных документов и без денег. А я ничего не могу больше для них сделать. Верни их домой, пожалуйста!

— Файр, неужели твои друзья не смогут о них позаботиться?

— Нет у меня таких друзей. Не нажил... — вздохнул он и добавил с болью в голосе. — Кира, у меня четверо детей! Младшему два года только. До них сейчас никому нет дела. Помоги им вернуться домой. Пожалуйста!

— Файр, а с чего ты взял, что я отсюда выберусь? Разве Звягин меня отпустит?

— Думаю, да.

— Похоже, ты тоже слишком хорошо думаешь о людях.

— Так мы ж родня, — усмехнулся он.

Меня на этих словах передёрнуло. Альдон заметил, поджал губы:

— Да ладно тебе, я не напрашиваюсь. Не простила — так тому и быть, переживу. Только семью мою вытащи, пожалуйста. Если начнётся война, а они там останутся... — он осёкся, отвернулся от меня.

— Хорошо, Файр. Я сделаю всё, что смогу... Только сейчас мне кажется, что зряшний это разговор у нас. Сдохну я здесь, вот и всё, — я поняла, что сейчас заплачу.

— А ты не сдавайся. Из меня неважный лекарь, но я стараюсь...

Он ещё что-то говорил, поглаживая меня по руке ледяной ладонью, но тут в комнатку ворвались вооружённые люди.

Несколько ударов прикладом, и Альдон с пробитой головой рухнул на пол. Не обращая на меня никакого внимания, боевики скрутили свою жертву и поволокли из комнаты. Их шаги простучали по коридору, потом на улице, где-то довольно далеко, наверное, за домом, ближе к лесной опушке слышались приглушённые расстоянием окрики. И раздалась

короткая отрывистая автоматная очередь.

И я поняла, что в эту комнату Файр больше не войдёт никогда.

* * *

Я лежала одна несколько долгих часов, проваливаясь временами в бессознательную полудрёму. Никто не появлялся, хотя по коридору время от времени слышались тяжёлые неспешные шаги.

Мне хотелось плакать, но я понимала, что плакать можно только здоровому и сильному, а такой развалине, какой я сейчас была, станет только хуже. И чтобы не расклеиться, я снова думала о том, что у меня есть отважный спаситель, мой сильный и добрый принц, который никогда меня не бросит и обязательно придёт. Удивительно, как сказочные глупости иногда помогают удержаться на плаву.

Меня начала мучить жажда, и я уже прикинула, как поползу с постели добывать с подоконника чашку с питьём, и тут в комнату вошёл Елисей. Он был мрачен и угрюм, ни следа от прежней дьявольской издёвки.

Не здороваясь, он сел на постель с самого края, в ногах, согнулся, упираясь локтями в колени, потёр лицо, вздохнул.

— Лис, за что его?

Елисей обернулся ко мне. На губах снова плясала знакомая мне кривая желчная усмешка.

— Что «за что»?

— За что вы убили Альдона?

— Правда, не знаешь? — с деланным удивлением спросил Лис.

— Не знаю.

Елисей дёрнулся в беззвучном смешке. Потом ещё и ещё. Наконец, забился в истерическом хохоте.

— Она не знает! — выдавил он, вытирая глаза.

— Ты пьян, что ли? — догадалась я.

— Ну, не настолько, чтобы принимать всерьёз твои вопросы. Скажи ещё, что ты не в курсе, что твой преданный воздыхатель умудрился учинить...

— Не в курсе.

— Он подсунул в камеру щенку Клайара десантный нож. А щенок-то оказался не промах, перерезал горло Егорке и удрал. С автоматом, разумеется...

— Когда?!

— Да уж три ночи тому назад. Сейчас только выяснили, чьих рук подстава... Опять с нуля искать эту сопливую глухую гниду, будь он неладен...

Елисей снова обречённо заржал, закинув голову и глядя в потолок.

Если бы не мучительный тлеющий жар и боль в груди, которая совсем превратила меня в тряпку, я бы от радости до потолка прыгала. А вот хрена им, а не искателя! Молодец, Ло, не растерялся. Такой не растеряется! Но Альдон, кто бы мог подумать... Неужели это могло быть правдой? Зачем перебежчику, который пытается выжить, так поступать? Что-то тут не то.

— Я ничего не знала, — проговорила я. — И это всё ерунда какая-то... Зачем Альдону?..

Елисей повернулся ко мне и прижал палец к губам. Я замолчала.

— Не знаю, может, сынка своего однокашника выручить хотел, по старой памяти, — сказал Лис, как ни в чём не бывало. — А может, просто напакостил исподтишка. Гатрийское воспитание разыграло. Раскаялся, патриот...

— Откуда ты его знаешь?

— Когда-то он был офицером агентского наздора, занимался наёмниками... А зачем твоему хахалю сейчас понадобилось героя изображать, понятия не имею.

— Он не хахаль. Альдон был моим братом.

Елисей внимательно уставился на меня.

— Сложная у тебя родословная, — процедил он, усмехаясь.

— Да, непростая.

— Слышь, может, нам с тобой тоже генетические карты сличить? А то не пойму, что это у меня никак к тебе классовая ненависть не просыпается, — хохотнул он и угрюмо замолчал.

Я внимательно смотрела на Лиса и ничего не понимала.

— Слушай, дай попить, пожалуйста... — я кивнула на окно. — Вон, кружка с отваром.

— Что я тебе, нянька? — проворчал Лис, но встал, взял чашку, посмотрел, как я безуспешно пытаюсь привстать, просунул руку мне под плечи, посадил и дал сделать пару глотков. — Что-то ты совсем никакая. Смотри у меня, не дай дуба раньше времени.

— Раньше какого времени? — не поняла я.

Лис опустил меня назад, отставил чашку на место.

— С Альдоном начальство погорячилось, душу отвело... А напрасно. Он хороший проводник, можно было его с очередным генератором в канал отправить. Пых! И нет ни проводника, ни канала. Но!.. — усмехнулся Лис. — У нас ты ещё есть. Решено подождать пару дней, может быть, юный Клайар за тобой вернётся. А если нет, нацепим мы на тебя рюкзачок с генератором и в расщелину выкинем. Всё польза делу.

— Ясно, — сказала я и сама удивилась, как равнодушно это прозвучало. — Я бы пообещала тебе пару дней... Но ничего не могу гарантировать. Хреново мне.

— А ты постарайся, — мрачно посоветовал Лис и вышел.

Дрова в печке прогорели. Включить фонарик на полочке было некому. К тому времени, как наступила ночь, и в комнате стало почти непроглядно темно и прохладно, я поняла, что теперь мне точно конец.

Единственного человека, который хоть как-то заботился обо мне, больше не было в живых. И я не понимала, кого мне теперь больше жаль, Файра или себя. Наверное, всё-таки себя. Были бы силы — ревела бы в три ручья.

Больше всего на свете хотелось домой. Вот пусть даже такой, еле живой, разбитой, ни на что не годной. Домой, в спальню с сакурой на потолке, и чтобы две луны ярко светили в окно.

Надо мне было непременно вписаться в эту доблестную авантюру... Что обидно: результата-то полезного не будет. Ло, конечно, тоже многое понял, расскажет Мареку всё, что знает. Но самое главное мне высказал Елисей с глазу на глаз, и эта информация, похоже, по адресу не попадёт. Что-то непохоже, что я оклемаюсь.

Мысли о Шокере я пыталась от себя гнать, но удавалось это плохо. Думать о том Шокере, которого я сейчас знала и любила, было невыносимо, а уж если представить, как ему сейчас больно... Если я всё-таки умру здесь, а он, как всегда, не сможет быть рядом, опять ему лишний груз на сердце. Хоть и моя вина во всём, полностью, но он-то будет считать иначе.

Шокер не сможет спасти меня, увы. Он умеет быть суровым и жёстким, но не боится быть нежным и великодушным. Он может от отчаяния разнести вдребезги всё вокруг себя, а, если надо, умеет быть удивительно терпеливым. У него ласковые руки и всегда усталые глаза, и он кажется таким трогательно беспомощным, когда надевает свои очки. Он пытается держать всё под контролем, но так часто получает удар за ударом. Он может сделать меня счастливой в одно мгновение, он всегда знает, как...

Но прилететь сюда в слой Шокер не может, потому что из-за меня, из-за той давней истории у него больше нет крыльев.

Остаётся только мой безымянный спасатель, мой прекрасный принц, моя первая детская любовь, вот он может всё. Он может всё, ему надо только немного поспешить.

Я лежала в стынувшей комнате, еле живая, чувствуя, как сердце гулко и неровно бьётся о рёбра. Силы убывали, в одиночестве было совсем страшно и тоскливо, да ещё и дышать стало трудно и больно. А перед моими глазами так и стоял худой парень с копной белёсых кудряшек, улыбчивый и неунывающий. Теперь я была уже немного старше него, но всё равно чувствовала себя маленькой несчастной девочкой, попавшей в беду. И верила, что он обязательно придёт и спасёт. Как тогда.

Но вместо него снова пришёл Елисей. Склонился надо мной, не зажигая свет. Глаза мои к темноте привыкли, и я разглядела его суровое лицо.

Увидев, что я собираюсь что-то сказать, он приложил палец к губам. Потом принялся снова по комнате и искать что-то. Оказалось, он искал мою одежду, те самые тряпки, в которых я была, когда он меня поймал.

Одежду он положил на сундук и откинул с меня одеяло. Видя, что я собираюсь протестовать, он закрыл мне рот ладонью, а к своим губам снова приложил палец.

Нетерпеливо пыхтя и путаясь в тряпках, он кое-как одел меня, а потом плотно завернул

в одеяло. Взял с окна чашку с ледяным уже отваром, дал мне попить, а потом поднял на руки и вышел в коридор.

Каменный барак он покинул через чёрный ход и пошагал к лесу. Когда мы удалились на приличное расстояние, Елисей тяжело перевёл дыхание и спросил:

— Ты жива?

— Пока да, — прошептала я.

— Хорошо. Потерпи немного, идти довольно далеко.

— Лис...

— Помолчи лучше, не хочу труп до места донести.

Я послушно замолчала.

Он шёл долго, стал всё чаще и чаще перебирать руками, перехватывать, вскидывая меня повыше, и, наконец, остановился.

— Весу-то в тебе, как в цыплёнке, но спина всё равно устала, — усмехнулся он. — Передохнуть надо.

Лис опустил меня на мох около большого пня и тяжело бухнулся у меня в ногах. Конечно же сразу полез в карман за сигаретами, закурил.

— Ты знаешь, что... — проговорил он, глядя в сторону. — Ты прости меня. Не хотел я этого. Ну не знал я, что ты такая хилая. Другие сидят в этих клетушках неделями, и хоть бы хны...

Я в ответ послала его от всей души.

Он согласно кивнул:

— Правильно, что уж там. Не включил голову вовремя.

— Ты мог просто меня отпустить.

— Не мог, — угрюмо возразил он. — Не отпускаем мы тех, кто прямо к нам на двор лезет... Знал бы я, что ты слабенькая такая, я бы придумал, куда тебя запереть, чтобы теплее было.

— Гад ты, Елисей. Не о том жалеешь...

— А о чём надо?

Я ещё раз его послала.

— Да, я вёл себя, как скотина. Но это потому что прослушка у нас, везде. Вот и стращал тебя... — сказал он виновато. — Не бери на свой счёт. Просто так было надо.

— Зачем прослушка?

— Так ведь тут на базе работают в основном те, кто у гатрийцев на контрактах. Начальство опасается, как бы кто из нас берега не попутал, не переметнулся. Отслеживают, кто с кем о чём говорит. Бдят.

— Куда ты меня тащишь? Генератор прицепишь и в канал выбросишь?

— Конечно, нет, — фыркнул Лис. — Несу тебя к твоим. Договорённость у меня с ними. Сынок Шокера вернулся с коммерческим предложением...

— Дорого дают?

Лис заржал:

— Ну пока ничего не дают. Договорились о взаимном кредите. Я тебя сейчас отдаю им просто так.

— С чего вдруг такое благородство?

— Давай, давай, язви... — насупился Елисей. — Переступить-то я переступил, но крови лишней не хочу. Мне пока хватило, переварить надо. Не хочу твоей смерти. Я тебя тоже

своим другом считал, пока всё было... ну, хорошо — не хорошо, а как надо... Ты как там?

— Плохо, — отозвалась я. — Дышать трудно, и мысли совсем путаются.

— Да выкинь ты мысли, дались они тебе. Держись только. Одного боюсь, не померла бы ты у меня.

Лис решительно встал, поднял меня и пошагал дальше.

Потихоньку стало светать. Я смотрела вверх и видела, как всё отчётливее проступают на фоне неба ветви деревьев, что росли вдоль тропинки. Воздух был прохладным, но почему-то обжигал мне лёгкие.

— Скоро будем на месте, — сказал Лис. — Ты как?

Я не ответила.

— Апрель? — Лис остановился, опустил меня на землю. — Апрель, даже не вздумай! Я должен тебя донести живой!

— А то что? — прошептала я.

Меня немного потрясывало, голова отяжелела, хотелось закрыть глаза и больше не открывать.

— Прости меня, подруга. Виноват я перед тобой.

Я опять не ответила. Да и не нужно это ему было. Да и мне уже не нужно.

Лис поправил на мне одеяло и снова взял меня на руки. Он шагал дальше, и мне становилось... нет, не хуже. Мне стало совершенно всё равно, что со мной будет.

Наконец, Лис вынес меня в какой-то овраг. Потоптавшись, видимо, в поисках места посуше, он положил меня в высокую траву и повернул на бок.

— Апрель? Эй, ты жива?

Выпрямившись, он негромко, но протяжно свистнул.

С той стороны, куда я смотрела, на фоне светлеющего неба появились две мужские фигуры. Мужчины были высокие, один чуть ниже и совсем худой, второй повыше и покрупнее. Правая рука худого была значительно короче левой.

— Ты как сюда попал, командир? — удивился Лис. — Или тоже индекс был липовый?

— Нет, не липовый. Воспользовался проводником, — сухо произнёс знакомый голос.

— Это невозможно. Ты не выжил бы.

— В теории. Но мы с сыном рискнули... Ладно, всё. Базар закончили... Ты опоздал! — сказано было жёстко, со злостью.

— Да, пришлось выйти позже, чем планировал, — ответил Лис. — Зато она ещё жива.

— Не ставишь ли ты это себе в заслугу? — холодно поинтересовался тот же голос.

Мужчина, что был пониже, полез левой рукой себе за спину и вынул из-за пояса пистолет.

— Эй, мы же договаривались! — проговорил Лис, потом усмехнулся. — Хотя, конечно, какие церемонии, какие договоры между друзьями...

— Это только для контроля над ситуацией. Где Кира?

— Рядом со мной.

— Отойди от неё! Вот сюда! — отрывисто скомандовал тот, что был повыше. — Фонарь лови! Подсвети.

Он что-то бросил, а Лис, отошедший в сторону, поймал.

Тот, кто бросил фонарь, рванулся ко мне и упал рядом на колени.

Моей щеки коснулись прохладные пальцы.

— Кроха! Ты меня слышишь, маленькая?

— Может, слышит, а, скорее всего, нет,— буркнул Лис. — Даже если ты захватил лекарства, лучше помолись.

Чьи-то руки начали разворачивать одеяло. Прохладные пальцы принялись гулять по моему запястью.

— Плохо дело... — пробормотал всё тот же знакомый голос. Родной голос. Голос, которого здесь быть не могло. — Кира, детка, не уходи. Ты слышишь меня? Не уходи, держись... Елисей, ближе подойди! Подними свет немного.

Фонарь осветил того, кто держал меня за руку.

Высокий чистый лоб, глубокие морщины в уголках глаз и горестные складки у губ. Небритые щёки... ну, как обычно. И этот обнимающий взгляд светло-серых глаз.

Всё это называется «то, чего не может быть».

— Да не на меня свети! — огрызнулся человек с лицом Шокера. — На неё! Фонарь выше, свет вниз!

Рядом со мной что-то щёлкнуло, лязгнуло, зашуршало.

— Теперь ниже опусти, свет на её руку, а то вену не найти! — скомандовал голос Шокера.

Я почувствовала три укола подряд.

— Всё, свет больше не нужен, — произнёс голос Шокера после того, как снова что-то щёлкнуло и лязгнуло. — Дай сюда фонарь!

Свет переместился вниз. Меня опять завернули в одеяло. Кто-то поднял меня с холодной земли.

Я смотрела в светло-серые глаза того, кто держал меня на коленях. Глаза — вот единственное, что не изменилось у моего прекрасного принца с тех незапамятных времён. Он всё-таки пришёл. Он не мог не прийти. Он никогда не обманывал моих ожиданий.

Его губы что-то шептали, а пальцы легонько поглаживали мой висок. Я попыталась понять, что такое он говорит.

— ... Куда идём мы с Пятачком? Большой-большой секрет...

— Андрюша...

Он замолчал, сжал губы и на несколько секунд зажмурился. Потом вздохнул и улыбнулся:

— Всё хорошо, кроха. Я с тобой.

Я пошевелила рукой, он помог мне вытащить её из одеяла наружу, прижался губами к ладони.

— Шокер... Шокер, я домой хочу. Забери меня домой, пожалуйста... Шокер...

Он наклонился ко мне, коснулся губами моего лба и замер так. Только мне было слышно, как он тихо-тихо стонет, крепко обнимая меня.

* * *

— Убери! Убери от меня эту дрянь, хватит! Не буду!

Шокер смотрел на меня с укоризной, а его страдальческие брови домиком делали его похожим на обиженного щенка.

— Андрей, я не буду это пить, меня выворачивает! Лучше сделай ещё какой-нибудь укол, но не надо вот этой гадости!

Он набрал побольше воздуха и спокойно проговорил:

— Слава Богу, что лекарства работают, но если ты не будешь делать то, что я велю, ты проваляешься тут очень долго! Ты этого хочешь?

— Я хочу домой!

— Тогда пей! — Шокер снова протянул мне чашку с серо-бурой жидкостью, в которой плавали какие-то листики и палочки. — Воспаление мы остановили, но пока ты не восстановишь силы, ты не сможешь пролететь по каналу.

— Что за беда? Пусть Ло меня проведёт!

Шокер взвёл глаза к потолку:

— Тебя ещё ноги не держат! Проводник не может быть пассивным грузом, а сама ты с каналом ещё не справишься!

— Ну дайте мне по голове, прежде чем в канал входить! И я буду настоящим пассивным грузом!

— Да прекрати чушь выдумывать! Ты что, плохо училась? Не помнишь, что можно, а что нельзя? — возмущился Шокер. — Слушай же, наконец, что тебе говорят! Чем больше ты упрямисься, тем дальше мы оба проторчим здесь!

Так и хотелось крикнуть ему в ответ, что не держу его, пусть возвращается в Йери, к маленькому сыну. Но я не хотела снова остаться без Шокера. Он был самой важной частью лечения.

— Ладно. Хорошо. Давай свою бурду, мучитель...

Он покачал головой и подал чашку.

Вообще-то бурда была не Шокера. Это Ло научился у Насти готовить этот настой, а она узнала рецепт от своего мужа, который был уроженцем слоя, и знал все местные целебные травы. Шокер уже второй раз предлагал мне выпить это снадобье. Первый раз я не ожидала подвоха, и меня просто вывернуло наизнанку. Но упрямый Шокер продолжал настаивать, потому что Ло уверил его, будто бы эта отравка очень хорошо восстанавливает организм, ослабленный болезнью. Дескать, на себе проверено.

Я взяла чашку двумя руками, задержала дыхание и глотнула. Жидкость застряла в горле в буквальном смысле. Когда только-только делаешь глоток — ничего особенного, ну гадость, но не гаже, чем какой-нибудь аптечный грудной сбор. Но у этого чая было такое адское послевкусие, что всё проглоченное норовило вернуться обратно.

Я зажала рот рукой, посидела немного, потом героическим усилием воли заставила чаёк двинуться всё-таки вниз, а не вверх. У меня даже слёзы навернулись.

Шокер смотрел с искренним сочувствием.

— Ты сам-то это пробовал? — подозрительно спросила я, когда смогла разлепить губы.

Он кивнул.

— И как тебе?

— Не смог, — коротко отозвался он, безуспешно пряча улыбку.

— Ах, ты ж сволочь! — сощурилась я. — Забери и не приставай ко мне больше с этим!

Я сунула ему чашку. Он молча забрал её и понёс к печке, где томился на водяной бане глиняный чугунок с настоем.

Я снова улеглась на подушку.

Уже неделю мы с Шокером жили в лесном домике Ло. Никто нас не беспокоил. Ло поселился в сарае, и в дом старался не заходить. За неделю он дважды побывал в Йери. В первый раз он привёз ещё один контейнер с ампулами для меня и инструкции медиков, а во

второй — два письма для Шокера с изнанки: одно от Валеи, другое от Михаила. Я видела, как дёргался Шокер, вскрывая конверты, но, прочитав, успокоился. Дал он почитать письма и мне. Вести были хорошими: у Валеи было всё в порядке, она писала, что скучает по дому, но всё, что она успела увидеть вокруг себя, не пугает её, а что-то даже и нравится. Письмо Михаила было сухим отчётом бывалого бюрократа, но Шокер остался им доволен.

Шокер быстро освоил правила жизни глубокого средневековья. В домике не гас камин, масляные лампы заправлялись вовремя, дрова, вода из родника — всё в лучшем виде. Даже со стиркой в глубокой кадке Шокер справился. Еду Шокер готовил из овощей с огорода и добавлял кусочки кролика, которого Ло принёс из леса.

Со двора Шокер не отлучался, сидел со мной. Я очень много спала, он просто был где-то рядом. Когда я просыпалась, Шокер делал уколы, кормил меня, помогал мыться, а потом просто ложился рядом поверх одеяла, мы сцепляли руки и молчали. Достаточно было чувствовать друг друга.

О том, что произошло, мы почти не разговаривали. Я лишь однажды, немного придя в себя, рассказала Шокеру всё в подробностях, он написал рапорт для Марека и отправил его с Ло в Йери. Одного я не смогла ему рассказать: того, что Лис ляпнул про ребёнка. Это могло быть просто злобной выходкой, а могло быть правдой. И что с этим делать, я не представляла.

Я просто боялась спугнуть то блаженное состояние, когда мы с Шокером принадлежим только друг другу, и если и ругаемся, то только из-за того, что касается нас одних.

Ужасный целебный отвар было одним из поводов разругаться. Нет, я готова была поверить, что он помогает, но, видимо, только тем, кто способен его выпить и остаться в живых. Я лежала и смотрела, как Шокер колдует над чугуном с настоем. Было не очень понятно, что он там такое затеял, но, покрутившись у печки, он подошёл к кровати и поставил парящую чашку на край лавки, стоявшей у изголовья.

— Я тут подумал, — сказал он неторопливо. — Не очень-то честно заставлять тебя пить всякую гадость в одиночку. Поэтому я решил, что мы выпьем это вместе.

— В смысле?

— Как кофе тогда, на шхерах.

Я не нашла даже, что возразить.

Шокер взял большую подушку, прислонил её к изголовью кровати, потом стянул через голову свитер, сбросил кроссовки и полез на постель.

— Тьфу ты, вот зараза этот склероз, — фыркнул он и вернулся обратно. — Опять забыл про штаны.

Сняв брюки, он уселся в изголовье, опираясь спиной на подушку. Я забралась к нему, уютно устроилась в тёплых сильных руках, и Шокер накрыл нас обоих одеялом.

— А нам точно надо это пить? — с тоской спросила я. — Может быть, достаточно просто вот так посидеть?.. Тоже силы придаёт, я не сомневаюсь.

— Во-первых, я это дело немного разбавил. Во-вторых, сахара положил, — строго ответил Шокер. — Коньяка вот нет, это сильно помогло бы. Но зато будем вдохновлять друг друга личным примером.

Он взял чашку с лавки и поднёс мне. Я послушно отпила.

Вкусной эта бурда не стала точно, но назад больше не просилась. Шокер сдержал слово и прикладывался к чашке тоже.

— Не шхеры, да? — проговорил он, когда чашка опустела наполовину.

— Не шхеры, точно. Это даже лучше.

— Неужели? — удивился он. — Почему? Питьё — дрянь. Вида на морской закат нет. Секса не было. И проблем у нас сейчас намного больше, чем тогда.

— Всё так, — согласилась я. — Но сейчас я знаю, что ты у меня есть.

Он молча уткнулся лицом мне в макушку.

— Давай уж, где там твоя бурда?

Шокер подносил мне чашку, пока она не опустела совсем.

Мы ещё долго сидели молча. Я гладила обнимающие меня руки и чувствовала ровное дыхание Шокера. Моё чудо, которого здесь не может быть.

— Андрюша, как ты мог додуматься лезть сюда? Так рисковать, зачем?

— Я надеялся, что это не станет у нас темой для обсуждения.

— Эта не тема и не обсуждение. Это вопрос.

Шокер вздохнул и промолчал.

— Ты мог погибнуть, Андрей. Ты мог оставить Тима круглым сиротой.

— У Тима много заботливой родни, — усмехнулся он.

— И у меня тоже есть заботливая родня! Разве Марек отказался бы прийти за мной?

— Нет, конечно, он рвался, ещё как. Но я никому тебя не доверяю!

— Всё шутишь... — огорчилась я и закинула голову, чтобы посмотреть ему в лицо. — С этим нельзя шутить!

— Кира, я больше не планирую прицельно нырять с проводником в слой, раз уж ты об этом, — Шокер посмотрел совершенно серьёзно. — И если ты снова не дашь повода, у меня не будет случая повторить подвиг.

Дверь отворилась настежь, и в комнатку ворвался Марек в гвардейской полевой форме. Увидев вместо предсмертного одра вполне бодрую обнажёнку, он открыл рот:

— Упс! Тысяча извинений...

— Вайори, будь любезен, закрой дверь с той стороны, — вежливо отозвался Шокер.

Шокер быстро оделся, помог мне привести себя в порядок, поправил постель и впустил Марата.

— Я ещё раз прошу прощения, — развёл руками Марек, входя. — Но таблички «не беспокоить» на ручке не было.

— Здравствуй, бро!

— Здравствуй, родная! — Марек поцеловал меня и сел рядом. — Прости, что не выбрался раньше. Занят был...

— О, когда бы ты что-то другое сказал, — отмахнулась я.

— Ну, вообще-то, ты мне работы и подкинула, — возразил Марек. — Одно радует, что ты поправляешься. Даже лишним будет спрашивать о самочувствии, как я погляжу.

— Шокер, налей-ка гостю нашей бурды, пусть приобщится.

Шокер спрятал улыбку, отошёл к печке и нацедил там чашку волшебного напитка.

— Что это? — подозрительно спросил Марек, приняв чашку.

— Эликсир жизни и богатырского здоровья, — ответила я невозмутимо. — Мы вот с Шокером пьём вместе, так прямо... того... жить хочется.

Марек лихо глотнул и выпучил глаза. Осторожно проглотив то, что было во рту, он отставил чашку на лавку.

— Ну, ребята, вы извращенцы... — пробормотал он, переведя дыхание.

— Шокер, ты ему что налил? Неразбавленный и без сахара?

Шокер невинно развёл руками.

— Ну всё, Марек, тебе теперь жить захочется, гарантирую!

Он улыбнулся:

— Вот шутники... Прохлаждаетесь здесь, а вы мне в Йери нужны, оба.

— Кира ещё не готова, — сообщил Шокер. — А я её не оставлю здесь одну. Что хочешь делай, Вайори, можешь меня в отставку отправить.

— Отставки тебе не будет, не надейся. Под трибунал разве тебя, за неподчинение... — спокойно сказал Марат.

— Что случилось, Марек?

— Всё приведено в повышенную готовность. Принимаем меры, чтобы сохранить то, что имеем.

— Я надеюсь, боевые действия ещё не начались? — спросил Шокер с беспокойством.

— Ну, разве что локальные, — Марат неопределённо мотнул головой. — Я сюда привёл с собой отряд. Только что взяли штурмом этот вшивый городок и базу наёмников. Накрыли склад с остатками генераторов. Взяли пленных. Нашли могилу Альдона, забираем тело домой...

— А Звягин? — уточнил Шокер.

Марат недобро взглянул на него:

— И его взяли. Мне с самого начала не нравилась твоя идея со сделкой. За то, что он Киру оттуда вынес, я ему благодарен, но моя благодарность не обеспечивает ему неприкосновенность. Ты, Клайар, может, что и обещал ему, а я — нет.

— Я не сулил ему неприкосновенности, — возразил Шокер. — Вернуть нам Киру он и сам был не против, и ничего за это не просил. Мы встретились, чтобы забрать Киру, и я обещал ему, что после этого он уйдёт без проблем. Но больше мы ни о чём не договаривались.

— Ну и замечательно, — кивнул Марек. — Ребята из департамента раскрутят его хорошенько. Сам только не лезь, у тебя кругом личная заинтересованность.

— Ладно, не буду, — согласился Шокер.

— Да, и кстати, систер, ты теперь мне подчиняешься.

— С чего бы?

— Вся курьерская служба перешла в структуру департамента безопасности.

Мы с Шокером переглянулись.

— Да мне как-то всё равно, — отозвалась я. — Пока всё равно.

— И правильно, — весело сказал Марек, потом стал серьёзным. — И вот ещё, что вам стоит знать прямо сейчас. Расторгнуты все контракты наёмников с изнанки. Все наёмники, находившиеся в момент расторжения контрактов на поверхности, на базах, в слоях, все взяты под стражу. Идёт подробное разбирательство каждого досье. Если человек не замешан в заговоре против Гатрийской империи, он будет депортирован домой на изнанку. Если замешан, его будут судить в Йери. На сегодня и далее империя будет обходиться собственными человеческими ресурсами. Забываем, что у нас были курьеры и проводники с изнанки.

— Я что-то не поняла. И так работать было некому, и ты ещё разогнал нормальных ребят, которые пахали как проклятые на грабительских контрактах?

— Систер... — Марек с досадой покачал головой. — Елисей Звягин тоже был нормальным парнем. И пахал. И работал на тайную систему. И пользовался нашим

доверием. И что?

— Значит, если бы всё это случилось пару лет назад, меня тоже пнули бы и выслали на изнанку?

— Думаю, командор Йан принял бы меры, чтобы тебя это не коснулось, — ответил Марек.

— А если бы я не была с Йаном? Если бы я не была ничьей девкой?

— Тогда да, — кивнул Марек. — Выслали бы.

— И неважно, что я честно работала? Что я слыхом не слыхивала о каких-то там заговорщиках на изнанке? Да большинство ребят-наёмников сейчас точно в такой же ситуации!

Марат нахмурился:

— Кирюша, в том положении, в котором мы оказались, придётся дуть на воду.

— Ну, хорошо, тебе плевать на людей, я поняла...

— Систер, а может не надо так?

— А как надо? Если ты теперь мыслишь только глобально, тогда скажи, разве это нормально — отправить на изнанку несколько тысяч отличных курьеров, разобиженных, озлобленных, которые теперь будут точно знать, что дома им есть, куда податься. И очень большая их часть уж точно отыщут тех самых заговорщиков и примкнут к ним! Вот я бы на их месте так и сделала!

Марат повысил голос:

— Систер, я не спрашиваю ни твоих советов, ни твоих прогнозов! Я просто сообщаю о том, что происходит. Придётся с этим смириться. Это условия, в которых нам теперь жить.

— А хрен тебе смириться! Ты попробуй поставь себя на место такого наёмника! Ты сам таким был!

— Кира! — рявкнул Марат. — Запомни, никогда не надо ставить себя на чужое место и входить в чужое положение! Поступишь так — сразу же выйдешь из своего! И не сделаешь того, что должна!

— Всё, будет вам орать друг на друга! — подал голос Шокер, ходивший по комнате туда-сюда.

Он подошёл и сел ко мне на постель с другой стороны от Марата. Мужчины подозрительно уставились друг на друга.

— Слушай, Вайори, — начал Шокер. — Здесь на этой их базе вы взяли пушечное мясо, боевиков-исполнителей или пронырливых агентов-одиночек. Но этим ведь дело не кончится.

— Не кончится.

— Они собираются взять под контроль базы на изнанке.

— Это стало бы слишком большой проблемой, — кивнул Марек. — Больше скажу — катастрофой. Этого нельзя допустить. Здесь мы постараемся избавиться от наёмников полностью. А на изнанке придётся усилить защиту диспетчерской службы и всей гатрийской инфраструктуры и обязательно обеспечить безопасность наших соотечественников. И, разумеется, охранять базы, заменив местный персонал нашим проверенным.

— А-а, — протянул Шокер. — Ну я так и думал. А что, гатрийские бабы уже начали рожать ускоренными темпами?

Марат только снисходительно покачал головой. Но Шокер не отставал:

— Нет, Вайори, ты не головой крути, а объясни, где ты столько народу найдёшь на

поверхности, чтобы всё это обеспечить, да ещё на чужой территории всё усилить? Да не просто народу, а с высоким индексом? Захлебнутся все твои планы, хоть они и правильные. И будет так, как Звягин расписывал: в лучшем случае тамошние базы будут под их контролем, здешние — под нашим. И будем при проходе граней визы лепить и штампы о входе в измерение ставить. И доказывать, кто кого раньше открыл... А если они там возьмут несколько наших стационарных групп ловцов или неотложной помощи и присвоят себе их оборудование, они сами смогут вести учёт молодняка с индексами. И курсы свои откроют...

— А вот чтобы этого не случилось, чтобы не захлебнулись планы, Клайар, мне нужна помощь. Твоя в первую очередь, — твёрдо сказал Марек. — И таких, как твой сын... И твоя помощь, систер, мне тоже очень нужна.

Шокер сверкнул глазами:

— Мой сын — сам себе хозяин. Нужен — разговаривай с ним напрямую. А Киру оставь в покое. Она этим заниматься не будет!

— Шокер!

Он оглянулся на мой крик, молча отвернулся.

— Ну что ж, — вздохнул Марек. — Мне жаль, что разрушил вашу санаторную идиллию, но такова нынче жизнь, ребята... Главное сейчас, конечно, чтобы ты поправилась, Кирюша. А мне пора, извините.

Он встал и наклонился ко мне:

— Прости, Кирюша, я стал совсем плохим братом. И ничего с этим не поделаться.

Я поцеловала его, хоть сейчас мне это далось через силу.

— Береги себя, бро. Мы вернёмся, как только я смогу.

Шокер проводил Марата к выходу, пожал ему руку, закрыл дверь и повернулся ко мне. Несколько секунд он смотрел на меня, нахмурившись.

— Кира, что с тобой? Тебе плохо?

— Лучше бы я, Андрей, неделю назад умерла.

Шокер недоумённо хлопнул глазами:

— Ты что такое говоришь?!

— Андрюша, я этого не вынесу. Я так не могу. Что же происходит, я не понимаю... Жили же веками. Одни всё знали, другие не знали ничего, но жили, и всё было нормально. Наёмников вербовали, летали туда-сюда, друзей заводили, любовников, дембеля ждали... Жили!.. Что же происходит? Почему всё рухнуло?

Я протянула к нему руки, он подскочил ко мне, запрыгнул на постель, обнял.

— Я назад хочу, Андрюша! На год назад, на два, на десять! Я хочу, чтобы всё было, как прежде...

Он вытер мои слёзы, поцеловал, но сказал твёрдо:

— Не будет, как прежде, кроха. Мы ничего не сможем повернуть. И даже просто остановить. Если целая вселенная под названием Изнанка жаждет самоутвердиться в мирозданье, террактоты бессильны. Всё пойдёт вразнос, и этот раунд мы проиграем.

— Что теперь будет? Если планы Марека безнадежными, ты уйдёшь со службы?

— Нет, не уйду, — спокойно возразил он, глядя меня по голове.

— Почему? Если всё без толку?!

— Я тебе уже объяснял. Я делаю то, что считаю нужным. И неважно, каковы прогнозы на успех.

— Андрюша, я боюсь.

— Всё будет хорошо! — уверенно сказал он, и я взбесилась.

— Какой же ты дурак, Шокер! Взрослый мужик, а дурак! Ну что, что может быть теперь хорошего?!

— Ну, хотя бы то, что мы с тобой вместе. Мало?

— Нет, Андрюша, не мало! Но...

Он сдвинул брови:

— Что не так?

— Зачем ты встречаешь в разговор с замечаниями, чем я буду заниматься, а чем не буду?! Ты мне недавно обещал, что я всегда буду свободна!

Шокер устало вздохнул:

— Ну так и будь свободна. По-настоящему. Если ты собираешься всю жизнь отказываться от того, что хочешь сама, ради того, что от тебя нужно другим, то это — не свобода. Тебе нужно понять, что ты хочешь. Я всё время рвусь тебе в этом помочь. Если ты так против моей помощи — хорошо, я буду молчать... А сейчас ложись-ка. По моему расписанию тебе полагаются два укола и капельница.

Центральное кладбище в Йери очень старое. Тут можно найти могилы, которым несколько веков, а их всё ещё посещают родственники, потомки, в чьих жилах фамильная кровь уже разбавлена так, что родством это можно считать лишь формально.

Мою маму лорд Дарен Вайори похоронил в своём родном городке в провинции. На этом кладбище моей родни раньше не было. Но несмотря на это огромный букет белых лилий, который я принесла с собой, разошёлся. Досталось всем, кого я обрела и успела потерять после того, как впервые попала на поверхность.

Больше всего цветов, конечно, досталось Йану. А он к цветам всегда был абсолютно равнодушен, если это только не сакура. Но для сакуры пока не сезон. Я пообещала, что уже совсем скоро привезу ему сакуру с фьордов.

На семейном участке Клайар я ещё положила несколько цветков у камня Айлины Клайар, жены Шокера, в благодарность за то, что он был с ней счастлив.

Отнесла я цветы и близнецам, с трудом нашла могилы, затерянные в самом дальнем непрестижном углу. Неожиданно для самой себя поплакала именно над ними.

Последние два цветка я отнесла на свежую могилу Файра Альдона. Его похоронили, когда я ещё лечилась в слое. Марек решил меня не дожидаться и просто сделал всё, что нужно. Рядом с могилой Файра я увидела надгробный камень Свейна Альдона. Плевать на могилу лорда Свейна я, конечно, не стала, сделала вид, будто я не имею к нему никакого отношения. Я просто положила цветы к одинокому камню Файра и тихонько, чтобы никто случайно не принял меня за чокнутую, рассказала ему, что отправила официальный запрос в диспетчерскую службу. Его жену и детей отыщут в Норвегии, а я оплачу их возвращение домой. Говорят, дело займёт пару недель.

Шокер подобрал меня, когда я уже шла вдоль ограды семейного парка в сторону департаментов. Я залезла к нему в машину.

— Всех нашла? — спросил он, окидывая меня тревожным взглядом. — Как самочувствие? Не устала?

Уже неделя прошла, как мы вернулись из слоя. Я сама воспользовалась каналом. Ло благополучно провёл отца домой вслед за мной. На этот раз я даже приземлилась удачно, но в госпиталь меня всё-таки забрали на несколько дней, чтобы провести после болезни полное обследование. Мне бы и не надо, но Шокер был так настойчив, что легче было уступить. И сейчас всё поминутно спрашивал, волновался.

— Всех нашла. Не устала. Всё в порядке. Как у тебя?

— Ну, как я и предполагал, — вздохнул он. — Смертная казнь с отсрочкой на месяц. Если передумает и начнёт говорить, могут пересмотреть. Но я думаю, не начнёт.

Известие меня не обрадовало. Хотя приговор трибунала Елисею Звягину не мог быть другим. Охота за Илаем Клайаром и жестокое обращение с пленниками хоть и преступления, но на смертный приговор не тянули. Но Лис был виновен в преднамеренной порче каналов, которая привела к гибели очень многих людей за последнюю пару месяцев. Спасти его от смерти могло только предоставление полной информации о заговорщиках на изнанке, их иерархии, планах и агентской сети на поверхности. Елисей отказался что-либо говорить об этом, защищать себя не стал, и сегодня трибунал вынес приговор.

— Я попросил свидания с ним. Дали время... — Шокер глянул на часы. — ... через

десять минут как раз. Пойдёшь со мной?

— Если ты хочешь.

— Ну, тогда поехали.

Шокер повёл машину по центральным улицам.

Йери ещё раз изменился. Если к гвардейским патрулям все уже привыкли, теперь стало бросаться в глаза то, что на улицах совсем мало народу с изнанки. Не видно было людей в джинсах и типичных куртках, а обычно их всегда можно было легко различить в толпе.

— Странно как... Сколько всего наёмников работало на империю? Несколько тысяч? Что такое несколько тысяч на всю поверхность? Капля в море. А посмотри, как всё опустело...

— Йери — великая столица, но очень маленький город, — отозвался Шокер. — Поэтому он в самом деле опустел. Я тебя уверяю, в провинции никто не заметил манёвров департамента безопасности.

Зато в квартале департаментов всё не просто опустело, а вымерло. Мы с Шокером вошли не с главного входа, а в какую-то незаметную дверь в торце длинного здания, принадлежащего терракотовым.

Комната для свиданий с заключёнными была мне уже знакома. Та же самая, куда я приходила для свидания с Шокером. Когда мы заняли свои места, конвойный привёл Лиса.

— Какого чёрта, командир? — процедил Лис, страдальчески морщась. — Ну, зачем припёрся?.. Привет, подруга. Рад, что ты жива.

Я промолчала, а Шокер невозмутимо спросил:

— Тебе объяснили смысл отсрочки с исполнением приговора? Ты всё понял?

— Объяснили, аж с переводчиком. Я понял, не тупой, — буркнул Лис. — Что вам надо, шли бы вы отсюда...

— Ты готов умереть?

— А хрен его знает, готов или нет. Но придётся, похоже, — фыркнул Лис. — Ребята, ничего я не скажу. Не имею права. Вот ты, командир, ты на моём месте рассказал бы?

Шокер вздохнул:

— Ладно. Я так и думал.

— И что тогда притащился? — злобно сощурился Елисей. — Виделись же третьего дня.

— Проститься пришёл.

— Так мне ещё месяц в одиночке сидеть. Рановато ты с прощанием.

— Я новое назначение получил. Уезжаю, и через месяц меня в Йери не будет, — спокойно сказал Шокер. — Поэтому хотелось тебе в глаза сейчас посмотреть.

— Ну, смотри, — согласился Лис и даже выпрямился. — Смотри.

Шокер и правда пристально уставился Лису в глаза. Тот беспокойно повёл плечами и рявкнул:

— Что?!

— Я хочу, чтобы этот месяц ты Лали вспоминал. Каждый день.

— Это не твоего ума дело, командир, — злобно раздувая ноздри, отрезал Лис и дёрнулся вперёд. — Проваливай отсюда!

Я и моргнуть не успела, как Шокер рванулся через столик, сграбастал Лиса за грудки левой рукой, а правой со всей силой заехал ему в лицо. Потом вцепился в куртку Лиса обеими руками, встряхнул и проговорил сбивчиво:

— Хочу, чтобы снилась она тебе... Чтобы ты дышать не мог, как я не могу...

Шокер швырнул Лиса обратно на стул с такой силой, что стул не устоял, и Лис с грохотом опрокинулся навзничь.

Он встал довольно бойко, хоть и покачиваясь, поднял стул, вернул его на место, одной рукой зажимая разбитый нос.

— Я тебя просил пацана принести... — буркнул Лис. — И что ж ты?..

Я поняла, что Шокер сейчас опять бросится на Лиса. Я рванулась, обхватила Шокера:

— Андрюша, нет! Не надо!

Шокер сжал меня, а потом решительно убрал от себя мои руки.

— Нервы, командир?.. — промямлил Елисей, вытирая рукавом куртки кровавые сопли. — Ты меня Лялькой не попрекай... Я в своих грехах сам разберусь, не маленький... Я её в своих интересах пользовал, ты в своих. Так что иди ты лесом со своими нравоучениями...

Шокер не сводил с него глаз, а скулы ходили ходуном.

— Андрюша, пойдём, — я коснулась его пальцев. Он с силой сжал мои. А потом посмотрел на меня:

— Да, Кира. Пойдём.

Он взял меня за руку и сделал пару шагов к двери.

— Стой, командир! — Лис за нашей спиной вскочил, отбросив стул.

Шокер остановился, но не обернулся. Его ладонь, державшая мою руку, напряглась.

— Ты прости, если что не так... Я долг исполнял. Не бери на свой счёт... — торопливо заговорил Лис.

— Идём отсюда, — тихо сказал мне Шокер и повёл меня к двери.

— Командир, ты же гатрийский лорд, а не хрен собачий... — неожиданно растерянно и заискивающе проговорил Лис. — Ты ведь его не бросишь, правда?

Шокер стиснул мою ладонь и практически вытащил меня за дверь комнаты свиданий.

В тамбуре он выпустил мою руку, отвернулся, опёрся обеими руками о стену.

— Андрюша...

— Сто раз повторил «Держать себя в руках!» — хмыкнул он. — Чёрт, стыдно-то как...

— Ну, хоть оно и не очень благородно бить заключённого, но другого случая дать ему в морду у тебя не было.

Шокер покачал головой:

— У него тоже, но он же им не воспользовался.

— Я тебя умоляю, гатрийский лорд!.. Только не надо себя ни в чём винить!

— Пойдём, нам пора. Я тебя сейчас в госпиталь подброшу, а сам за Тимом съезжу, — твёрдо заявил Шокер, показывая, что разговор окончен.

Весь путь до машины мы проделали молча, а когда сели, Шокер неожиданно повернулся ко мне:

— Почему ты умолчала о том, что Елисей рассказал тебе о Тиме?

Я только глазами захлопала.

— Да... Я... Мало ли, знаешь, кто что говорит... Тем более, он так со мной обошёлся тогда, что все его слова я сочла злобной травлей. Ничего всерьёз не приняла.

— А, понятно, — кивнул Шокер, завёл двигатель и медленно поехал со стоянки.

— Андрюша...

— Да? — спокойно отозвался он, внимательно наблюдая за дорогой.

— Я не поняла... Ты что, давно знал?

— О чём?

— О том, что Тим...

— ... не мой сын? — закончил за меня Шокер. — Ну, да. Знал. Давно.

— Как давно?

Шокер покосился на меня и пожал плечами:

— А когда ты в январе в слое пропала, а мы с изнанки сюда перебрались, тогда мне впервые попала в руки Тимошкина медкарта из родильного отделения. Лали её в своей сумочке таскала, мне как-то и ни к чему было её читать... А тут попала. У меня вторая группа крови, у Лали тоже. У Тимошки — первая.

— Почему ты мне не сказал?

— Когда?

— Да хоть когда!

— Потому что это совершенно ничего не меняет.

— Разве?

Шокер метнул на меня подозрительный взгляд:

— А разве нет? Я помогал ему появиться на свет. Я его люблю. Я его выращу. Этого достаточно, чтобы быть отцом. Если ты считаешь иначе... — он запнулся и закончил холодно. — Если ты привязалась к нему только потому, что он мой... Тогда мне очень жаль.

— Мы с ним столько вместе пережили, что теперь уже совершенно всё равно, чей он! Я же к человечку привязалась, а не к его медкарте!

— Тихо, кроха, тихо... — Шокер мягко улыбнулся мне. — Всё в порядке... Вот, приехали.

Он остановил машину у ворот главного госпиталя. Мне нужно было забрать результаты обследования.

— Шокер, а что ты Лису такое сказал про новое назначение? — вспомнила я.

— Так, давай об этом дома! — заторопился Шокер. — Тут долго стоять нельзя. Иди забери свои бумаги, а я за Тимом сгоняю. Дома встретимся.

* * *

Я стояла у парапета напротив своего дома.

Как ни загоняла слёзы обратно, как ни старалась, чтобы никто ничего не заметил, наверняка ничего не вышло.

Я ещё раз перечитала бумагу из госпиталя, скомкала в отчаянии и сунула в карман куртки. Пропади всё пропадом!

Постояв ещё немного на свежем ветру, я отправилась домой.

Звонить не стала, открыла дверь сама, вошла тихонько, повесила куртку, надела домашние туфли.

— Что ты так долго? — раздался сверху встревоженный голос Шокера.

— Долго? Разве? Я не заметила.

— Да ты издеваешься? — он спустился в холл. — Тебя три часа не было.

— Народу было много.

— Угу, — Шокер скептически поджал губы. — Не надо придумывать на ходу. Что

сказали? Как результаты?

— Прекрасно! Жить буду, может быть, даже долго.

— Тогда почему ты плакала?

— Я не плакала. Там ветер сильный.

Шокер осторожно взял меня за плечи:

— Кира, что случилось?

— Да ничего!

— Ты... из-за Тима, да? — спросил Шокер так печально, что я разъярилась на себя, на то, что совсем не получается держать себя в руках.

— Да нет же! — заорала я во всё горло. — Нет! Оставь меня в покое!

— Я оставлю тебя в покое, когда пойму, в чём дело.

Сверху послышался плач.

— Я сейчас, — виновато улыбнулся Шокер и помчался наверх, перескакивая через три ступени сразу.

Я потопталась на месте и отправилась на кухню. Там сидел Ятис с планшетом и оплачивал счета, перекладывая их из одной внушительной стопки в другую. Вот, очень кстати. Ничто так не отвлекает от грустных мыслей, как заботы по хозяйству.

— Привет, Ятис! Что с деньгами? Мы ещё не всё проели?

— Госпожа Кира, — укоризненно отозвался Ятис. — Я же говорил тогда давно: если не устраивать званых обедов на двадцать персон, хватит года на два. Два года ещё не прошли.

— А ты? Ты сколько уже здесь работаешь?

— Четырнадцать месяцев, госпожа.

— Так ведь Йан тебе только за год вперёд оплатил! Ну, что же ты молчишь?! Хочешь, чтобы я со стыда сторела?! Неужели не напомнить?!

— Не о чем напоминать, госпожа, — возразил Ятис. — Мне уплачено ещё за год. Всё в порядке.

— Какого чёрта?! Зачем ты взял деньги от кого-то, кроме меня?!.. Кто оплатил? Шокер? Ятис нахмурился:

— Шокер?! Вы имеете в виду лорда Андрея?.. Нет, госпожа, мне заплатил ваш отец.

— Лорд Дарен Вайори?!

Ятис кивнул:

— Да.

Я закрыла лицо ладонью.

— Это, возможно, дерзость с моей стороны, говорить вам это, — проговорил Ятис. — Но я не понимаю, почему вы так расстраиваетесь. Это так естественно и объяснимо, когда отец платит за свою дочь.

Я только отмахнулась от него. Ну как объяснить молодому, но очень традиционному гатрийцу, почему я расстроилась?

— Неважно, Ятис, что да почему. Поверь, лучше тебе меня не понимать...

— Ужин на двоих, госпожа?

— Ты приготовь что-нибудь попроще, Ятис, а мы сами возьмём, когда проголодаемся.

Он пожал плечами и углубился в счета.

Когда я снова вышла в холл, Шокер стоял у вешалки и читал мятый листок с результатами обследования.

— Ты совсем обнаглел?! Ты по моим карманам шарить?! А ну, отдай! — я налетела на

него, как коршун.

Шокер торопливо отдал мне листок. Я разорвала его в мелкие клочки и швырнула их в воздух.

— Я не успел прочитать, — сказал он, посмотрев на всё это.

— Ты — сволочь! Ясно тебе?! Как ты смел лезть в мой карман?!

— Ты не ответила на мой вопрос. Я должен был понять, что с тобой происходит.

Я прижала пальцы к вискам:

— Не оправдывайся!.. Или я за себя не ручаюсь!

Он тихонько стоял, боясь пошевелиться.

— Всё, Шокер, ладно, забыли. Хорошо?

Он кивнул.

— Что за назначение? — вытащила я из памяти нечто, за что можно было сейчас уцепиться. — Ты говорил, новое назначение, дома расскажешь... Куда ещё тебя Марек засылает?

— На этот раз не Марек, а сам канцлер.

— И куда?

— На изнанку, — вздохнул Шокер.

— Надолго?

— На постоянное проживание, — неловко усмехнулся Шокер. — Имперским надзорным инспектором.

— Это над чем же надзирать?

— Над всем, что там происходит именем Гатрийской империи. Следить, как идёт взаимодействие с официальными структурами изнанки. Анализировать слабые места. Предвидеть подводные камни... — Шокер развёл руками. — Начальство решило, что в обстановке неопределённости и возможной конфронтации я очень хорошо подхожу для такой работы. Короче, я должен вовремя предупредить империю, если наши противники на изнанке соберутся действовать.

— Шокер, это ж засада, — ужаснулась я. — Это жизнь на колёсах!

— Не всегда, но периодически планируются долгие разъезды, — подтвердил он. — Утром будут готовы документы мне и Тиму. И съёмная квартира в Стокгольме. Отъезд завтра. Потом, когда осмотрюсь, буду думать, где устроить постоянное гнездо... Кира...

— Что?

Он взглянул на меня с надеждой:

— Ты поедешь со мной?

Именно сейчас, когда всё стало так отвратительно, я поняла, как же сильно я этого хочу — быть всегда с ним. Везде. Ждать днями или даже неделями его возвращения домой. Возиться с Тимошкой. Делать уютным жилище, каким бы и где бы оно ни было. И очень-очень любить Шокера.

— Кира?!

Он ждал ответа. И мой ответ был для него важен. Но прежде чем отвечать, мне надо было всё прояснить, или это было бы нечестно.

— У меня никогда не будет детей, Андрюша. Вот что было в этом листочке. Понял? — я посмотрела ему в глаза.

— Да, — кивнул он через несколько секунд.

— Очень хорошо.

— Кира...

— Очень хорошо, что понял! Я не хочу это обсуждать!

— И не будем. Только, пожалуйста, не ори и не дерись, ладно? — Шокер осторожно протянул ко мне руку.

— И что?

— Ничего. Иди ко мне, — он притянул меня к себе. — Иди сюда, иди, кроха...

Я ткнулась ему в грудь, и вся моя злоба испарилась, осталось тупое бессильное отчаяние.

— Это побочка такая... — пробормотала я. — Недавно совсем прицепилась... не было этого раньше!

— Я понимаю. Это не зависит от нас, это случай.

— Почему со мной?! Я так хотела ребёнка...

Шокер вздохнул, только обнял крепче.

Я ненавидела, когда кто-то меня жалел. Такое случалось редко, но я всё равно это ненавидела. И уж совсем мне было не надо, чтобы меня жалел Шокер. А он именно жалел меня.

Я отпихнула его от себя:

— Хватит. Всё, хватит об этом.

Наверху раздался короткий глухой удар, а затем отчаянный рёв.

— Где ты его оставил?!

— В спальне на кровати, — Шокер даже побелел.

— Папаша, ты дурак?! Кто ж оставляет грудничков на возвышении без присмотра?!

Мы бросились вверх по лестнице.

— Ну ведь, раз орёт, значит, жив? — с надеждой спросил Шокер на бегу.

— В логике тебе не откажешь!

Мы ворвались в комнату.

Тимоха лежал рядом с кроватью. К сожалению, падая, он немного промазал мимо пушистого овального коврика и, видимо, сильно ушибся.

Орал бедняга самозабвенно и в полную силу, перепуганный Шокер носил его по комнате, пытаясь успокоить, а я не знала, кому из них моя помощь нужна больше: то ли приложить малышу что-то холодное к шишке на затылке, то ли налить Шокеру успокоительного. Наконец, я сделала и то, и другое, и через десять минут в доме воцарилась тишина.

— Я плохой отец, — печально сказал Шокер, присаживаясь с Тимом на кровать. — Видимо, мои старшие уцелели, только потому что я не очень-то часто бывал с ними рядом.

— Ты замечательный отец, — я погладила его по бледной щеке. — Но опыта со старшими ты не набрал, это да.

— Что же делать-то? Может быть, мне тогда оставить Тима здесь, с Ритой? Не брать его с собой на изнанку? — запинаясь, проговорил Шокер.

— Как же мы его тут бросим, ты что выдумываешь?! — испугалась я. — Мы обязательно возьмём его с собой!

Наше утро затянулось. Началось оно ещё в пять, когда Тимоха заявил, что выпался. Потом Шокер долго названивал куда-то по поводу документов и аренды квартиры на изнанке, долго спорил, что-то доказывал, наконец, вернулся к нам с Тимом уставший и взвинченный:

— Ну, кажется, всё в порядке. Курьер принесёт сюда пакет со всем необходимым. Служба прикрытия сделала нам документы на наши настоящие имена: Ерёмин и Аксёнова. Плюс виды на жительство в Швеции. Не понял я, кем мы там якобы будем, но надеюсь, что это окажется нам по силам. Я просил, чтобы переиграли и отправили нас в Питер, но специалисты считают, что на расстоянии происходящее на российском северо-западе будет понятнее, и деятельность наших заговорщиков быстрее бросится в глаза. Возможно, они правы. В любом случае увидеть Валюшку уже не будет проблемой. Хоть звони, хоть в гости приезжай. Да и переселить её поближе к нам можно будет...

— Если не начнётся война за базы.

Шокер посмотрел на меня и улыбнулся:

— Вот затем меня и посылают, чтобы этого не случилось.

Он подошёл к кровати Тима и облокотился на перильца. Ранний возмутитель спокойствия уже снова спокойно спал.

— Андрюша, ты не хочешь ещё раз до отъезда навестить Елисея?

— Совершенно не хочу, — отрезал Шокер. — Не вижу смысла.

— А ты подумай всё-таки. Съездил бы, вместе с Тимохой.

Шокер выпрямился и резко обернулся:

— Ты с ума сошла?! Зачем ещё?

— Пусть он попросается.

— Нет уж. Нет, нет и нет!..

— Андрюша, хороший мой...

Шокер зажмурился и долго стоял так, почти не дыша. Наконец, встряхнулся:

— Нет! Я не умею прощать, Кира. Если бы дело было во мне, то ладно ещё. Но за то, что досталось Лали, тебе, Тимошке — за это не прощу.

Я прижала пальцы к его щекам, погладила.

— Андрей, тебе надо это отпустить.

Он вздрогнул:

— Не надо. Я сказал: нет!

Раздался звонок снаружи. Я оставила Шокера с Тимом и спустилась в холл, где Ятис вежливо кланялся Мареку.

— Привет, бро!

Он чмокнул меня в щёку:

— Доброе утро, систер! Разговор есть... да и от кофейку бы не отказался!

— Подожди пока в гостиной, сейчас всё будет! — попросила я и пошла на кухню вслед за Ятисом. — Ятис, послушай, может быть, лучше просто закрыть дом, законсервировать, пока меня не будет? Какой смысл поддерживать его в обычном состоянии?

— Лорд Йан Клайар велел, чтобы дом всегда был готов к вашему приезду. И он будет готов, — вежливо, но твёрдо возразил Ятис, заряжая кофемашину.

Спорить с этим было, похоже, бессмысленно. Но я решила попробовать последний аргумент.

— Но ты бы мог отвлечься от этой рутины, заняться своей жизнью. А то тебе и семью

завести некогда.

— У меня есть семья. Жена и дети.

Я осознала, что столько времени этот человек безупречно служил в моём доме, а я даже не спросила ни разу о его личных обстоятельствах. Почему-то я была уверена, что человек, который берёт выходной всего два раза в месяц, одинок, как перст.

— Ятис, прости меня, пожалуйста.

— Всё в порядке. Вы не обязаны знать.

— И как же ты справляешься? Ты видишься с ними дважды в месяц?! Второй год подряд?!

— Я сам согласился на такие условия, — коротко сказал Ятис.

— О, нет! — теперь я чувствовала себя рабовладелицей. — Почему ты не сказал, что у тебя семья?! И Йан тоже хорош! Зачем он нанял женатого человека на эту работу?!

— Лорд Йан полагал, что, когда вы переедете сюда, моя жена займёт место горничной. Но вы сказали, что вам горничная не нужна.

Несколько минут я соображала, на каком я свете.

— Ятис, мне нужна горничная!

Он покачал головой:

— Не надо лукавить, госпожа Кира. Мы приспособились к моему графику, привыкли, у нас всё хорошо.

— Слушай меня, Ятис, и только попробуй ослушаться, уволю к чёртовой матери! — завопила я. — Пока нас не будет, я хочу, чтобы ты ещё раз занялся перепланировкой дома! Здесь должны разместиться семья хозяев с ребёнком и семья прислуги с детьми. И желательна пара гостевых комнат. И чтобы главную спальню пальцем не трогать! И когда в следующий раз я вернусь сюда, у меня должен быть не только управдом и повар, но и горничная, она же няня для Тима. И этот следующий раз может случиться... через пару недель! Ты должен быть готов. Ты меня понял?

— Перестроить дом за пару недель не получится, — возразил Ятис.

— Перестраивай, сколько нужно! Но за пару недель у тебя должно получиться переселить сюда свою семью!

Ятис закивал.

— А сейчас поторопись, пожалуйста! Мой брат дожидается кофе в гостиной!

Я вернулась к Мареку, который не спеша прохаживался вдоль окна, выходящего в сад.

— Я даже отсюда слышал, как ты орёшь на прислугу, — сказал он удивлённо. — Бедняга Ятис! Не замечал за тобой таких замашек.

— Да, бро, ты многого не замечал. А я страшный человек.

Марек улыбнулся.

В гостиную вошёл Шокер с Тимом на руках.

— Давненько я не видел этого джентльмена, — засмеялся Марек и потрогал Тима за пальчик. — Привет, хомяк! Рита восхищается его аппетитом.

— Да, в этом он весь в своего дядю Ская, — согласился Шокер.

— А так всё больше на тебя похож, — заявил Марат, показывая Тимохе козу. — Вылитый папа.

— Неужели? — вежливо отозвался Шокер. — А вообще, Вайори, чем обязаны в такую рань? Что-нибудь случилось?

— Пока всё спокойно, к счастью, — сообщил Марат. — Если и случаются события, то

совсем иного рода, скорее, курьёзные знамена времени. Представляете, меня три дня не было в столице, вчера вечером приезжаю в департамент, а у меня в приёмной настоящая пьянка, две дюжины офицеров в крайне расхристанном состоянии. Я, конечно, разозлился. Ничего себе, думаю, начальник пашет, как проклятый, а подчинённые... Ну, построил всех... кто стоять мог... дай, думаю, Боже, терпения не убить кого-нибудь... А организатор всего этого безобразия — офицер Дейнар, мой секретарь — плачет в голос, рыдает натурально. Я даже испугался, думаю, может, горе у него какое, мужики поддержать пришли. Спрашиваю, что за дела, в чём причина. Оказывается, нет у него горя. От счастья человек рыдает: развод вчера оформил. Одним из первых в Йери...

Шокер сдержанно усмехнулся.

Появился Ятис с подносом, быстро приготовил всё для кофе на маленьком столике у окна. Мы расселись, Марат взял чашку с блюдцем.

— Ну, я, конечно, не стал бушевать, так, разогнал дым немного, — продолжил Марек. — Потом в кабинете информацию, что привёз, скинул себе в систему, пошёл домой. Смотрю, женщина впереди меня по коридору идёт, в форме департамента, как полагается, фигура, что надо... Догнал я её...

Я взглянула на брата, он сдвинул брови:

— Систер, не надо глазами стрелять! Я верный муж, но живой человек! Да и дело, опять же не в фигуре, а в том, что это оказалась не девочка из архива, а дама средних лет, хорошо за сорок... И знакомая, к тому же. Младшая сестра мачехи моей. Замужняя леди, четверо детей, младшему ребёнку ещё двенадцать лет только. На службу поступила!.. Она в совершенстве знает несколько языков изнанки и всю жизнь, оказывается, мечтала быть терракотовой. Мужа уломала, кадровую службу месяц безуспешно брала измором, наконец, нажаловалась канцлеру. Отец позвонил моему начальнику кадров, спросил, где в законах написано, что на службу нельзя брать замужних женщин? Тот, бедняга, мычал что-то про традиции, но отец заявил, что любая традиция с чего-то когда-то началась. Так что теперь вот жду наплыва домохозяек, насмотревшихся зимой новых фильмов про Джеймса Бонда, показали тут сдуру по всей поверхности...

— Бро, не за это ли боролись? Разве не за перемены?

— Но не настолько же радикальные! — развёл руками Марек.

— Значит, ты, Вайори, пришёл рассказать нам пару бак? — уточнил Шокер. Он кофе не пил, потому что на его коленях валялся Тим и сосредоточенно пытался оторвать пуговицы на рубашке отца.

— И за этим тоже, — кивнул Марек. — А ещё — предложить Кире работу.

Шокер напрягся, но промолчал, только скользнул по мне тревожным взглядом.

— Систер, нужна твоя помощь, — Марек отставил чашку, повернулся ко мне и посмотрел своим фирменным взглядом, которому невозможно отказать. — Я знаю, тебе не нравится то, что мы делаем...

— Да, мне не нравится. Я считаю большой ошибкой то, как вы поступили с наёмниками.

— Жизнь рассудит, — заявил Марек, вскинув руку и давая понять, что спор на эту тему ничего не даст. — Но кадровый голод появился, что мы, конечно же, предвидели. А пока в курьерскую службу не посыпались заявления от почтенных матерей семейств, которые мечтают возобновить карьеру проводника, у меня нет другого выхода, только искать помощи у надёжных, проверенных людей... Кирюша, у меня и в мыслях нет подвергать тебя риску.

Но появилось очень много стандартной работы, никакого экстрима, никакого аврала. В связи с чрезвычайной ситуацией предстоят очень большие перемещения персонала со стандартными индексами. Очень нужен хороший проводник. Обычные регулярные ежедневные рейсы...

— Нет, Марек. Я не возьмусь.

— Нет? Почему? — искренне удивился брат.

— У меня другие планы, бро.

— Это какие же?

— Я сегодня улетаю с Шокером.

— Куда?

— Ты забыл, куда вы с отцом его отправили?

Я посмотрела брату в глаза, он отчего-то смутился.

— Ну, я не знаю, — вздохнул Марек. — Ты раньше обижалась, если тебя пытались уберечь и отстранить от работы. Ты же всегда была готова помочь.

Марат нетерпеливо морщился и всё смотрел на меня, ожидая ответ.

— Бро, я не возьмусь, это окончательно... Если вдруг где-то попадут в беду люди, и нужны будут волонтеры, я приду и помогу. А таскать вагончики туда-сюда найди кого-нибудь другого. Я не планирую работать. У нас маленький ребёнок, это исключено.

Марат тяжело вздохнул и понурился.

— Согласен, ребята, — сказал он. — Ладно. Буду думать над проблемой... Рад был повидаться, тем более, что теперь неизвестно, когда встретимся и где... Мне пора.

Я пошла проводить брата до дверей.

— Марек, я сильно тебя подвела?

— Не бывает нерешаемых задач. Я хотел решения полегче, это мне наука, — усмехнулся Марат. — Ты абсолютно права, тебе нельзя сейчас заниматься ничем, кроме семьи. Я до сих пор не уверен, что Клайар — это то, что тебе нужно, но я думаю, что вы между собой разберётесь. И я очень за тебя рад... Кирюша, будь счастлива, — он нежно поцеловал меня. — Люблю свою сестрёнку и поздравляю!.. На свадьбу-то позовёшь?

— А как же? Обязательно! — пообещала я без всякой уверенности, что до этой самой свадьбы я когда-нибудь доживу.

Я закрыла дверь за братом и услышала из гостиной голос Шокера.

— ... Да, рановато. Это проблема? Вряд ли в этот час к заключённому очередь из посетителей... Тогда я подъеду к восьми. Спасибо!

Когда я вошла в гостиную, Шокер убирал телефон.

— Кира, мы тут отлучимся с Тимохой, — сказал он, немного нервничая. — Ненадолго. До департамента и обратно.

— Тебе помочь одеть Тима?

— Не-не, не надо. Я справлюсь, — он предпочитал в глаза мне не смотреть. — Ты курьера встретить, если придёт. И собирайся, а то и оглянуться не успеем, как время выезжать на базу.

— Андрюша, я тебе точно там не нужна?

— Думаешь, меня опять нервы подведут? — усмехнулся Шокер. — Нет, я буду хорошо себя вести. Кто за мной присмотрит лучше Тима?

Шокер быстро собрался и увёз сына с собой.

Их не было долго. Я уже и курьера с документами встретила, и собрала большую сумку с

самым необходимым для ребёнка, и даже проголодаться успела, а Шокера всё не было.

Наконец, они появились на пороге.

— Всё в порядке? — бросилась я к ним.

— Всё хорошо, — улыбнулся Шокер. — Тимошка только уснул, намаялся. Забери-ка его.

Я понесла малыша наверх. Шокер скинул куртку и побрёл следом.

— Ты что так долго?

— Заехал ещё в пару мест.

Наверху я раздела и уложила Тима, а Шокер внимательно просмотрел пакет документов.

— Жаль... Жаль, что надо так поспешно уезжать, сломя голову, — вздохнул он. — Ну, что делать, поедem с тем, что дали. Потом посмотрим, как с этим разобраться.

— А что не так? По-моему, всё там правильно, ошибок нет, я проверила.

— Просто я хотел, чтобы мы с тобой отправились на изнанку в другом статусе, — неуверенно сказал Шокер. — Если ты, конечно, снова не найдёшь причин для отказа.

Он полез в карман, вынул маленький матовый футляр и раскрыл его передо мной.

Это был традиционный гатрийский свадебный гарнитур: изящное колечко для невесты и маленькая золотая серёжка для жениха.

Я попыталась быть серьёзной, но улыбка напозала сама. И Шокер вдруг тоже озорно улыбнулся.

— Шокер, на изнанке, если ты не забыл, положено, чтобы было два кольца! С таким авангардом нас не поймут даже в беспечном Стокгольме!

— На изнанке мы повторим по тамошним правилам, так, как ты захочешь, всё, что угодно. А здесь... — Шокер глянул на часы. — Одевайся, поедem в гражданскую канцелярию. Ятис присмотрит за Тимом.

— В канцелярию? Ты с ума сошёл? Там же заранее записываться надо... — растерялась я. — Вдруг там очередь?

— Какая очередь? На развод там — да, очередь! — рассмеялся Шокер. — Я там был только что, договорился. Через полчаса у нас регистрация... Давай-давай, а то скоро на базу ехать!

— Шокер, ну, какая же ты всё-таки зараза! У меня даже платья нет! Вообще никакого!

— Согласно правила номер два мы оба в штанах, этого достаточно!

— Марек... Марек просил его на свадьбу позвать, — пролепетала я.

Шокер задумался на пару секунд, потом махнул рукой:

— Звони ему, быстро! Всё равно свидетель нужен, хоть какой-нибудь.

Я схватила телефон, и, когда Марек ответил, проговорила, глядя в счастливые глаза Шокера:

— Бро, кидай к чёртовой матери свою службу и лети в гражданскую канцелярию! У тебя полчаса! Ты должен срочно выдать меня замуж!

Больше книг на сайте - Knigolub.net